

**КОНТРОЛЬНЫЙ
ЛИСТОК СРОКОВ
ВОЗВРАТА**

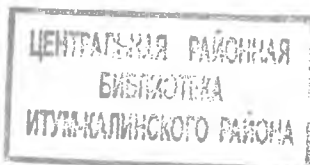
**Возвратите книгу не
позже обозначенного
здесь срока**

--	--

Региональная общественная организация
«Интеллектуальный центр Чеченской Республики»
Грозненский государственный нефтяной институт
имени акад. М.Д. Миллионщикова

700006
**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ
ЧЕЧЕНЦЕВ**

Грозный
2008

Рецензенты:

Ахмадов Шарпудин Бачуевич — академик Академии наук
Чеченской Республики, доктор исторических наук,
профессор Чеченского государственного университета
(кафедра истории народов Чечни)

Гадаев Ваха Юнусович — кандидат философских наук,
профессор Чеченского госпединститута,
заслуженный деятель науки Чеченской Республики

Нанаева Б.Б. Политические традиции чеченцев. Грозный:
ГУП «Книжное издательство», 2008. — 160 с.

Работа Нанаевой Б.Б. представляет первый опыт рассмотрения политических традиций чеченцев. Обращаясь к традиции, автору удалось вскрыть богатый потенциал политической культуры народа. Она подвергает анализу процесс единения и этнической консолидации чеченского этноса, как фактора его общественно-исторического развития, социально-политическую организацию народа, принципы и закономерности отношений власти и подчинения в чеченском обществе, межэтнические отношения, как фактора политической культуры чеченцев, а также феномен свободы в чеченской традиции. При этом процесс политической и социальной консолидации, как закономерное следствие духовно-нравственного единения этноса, выступает важнейшим условием формирования социально-исторической общности — чеченской нации.

Работа «Политические традиции чеченцев» является одним из трех разделов готовящейся к изданию монографии «Традиции как феномен общественных отношений чеченцев».

© ГУП «Книжное издательство», 2008

© Нанаева Б.Б., 2008

Посвящается первому Президенту
Чеченской Республики
Ахмат-Хаджи Кадырову

ЛИДЕР, МЫСЛИТЕЛЬ, ПАТРИОТ

*Являясь духовным лидером, я не имел права
спокойно наблюдать за тем, как республика
стремительно катилась к краю пропасти¹.*

Интенсивность позитивных преобразований, происходящих в Чеченской республике в последние годы, напоминают мифическую птицу феникс, вновь и вновь возрождающуюся из пепла. Неостенно залечиваются раны, нанесенные чеченскому народу одной из величайших трагедий XX в. Но чем спокойнее становится наша жизнь, чем сильнее уверенность в завтрашнем дне, тем глубже наше стремление осмыслить свое недавнее прошлое: истоки, причины трагедии. Всплывают имена и события, речи и дела, достойные и недостойные. Вспоминаются журналистские скандалы, шельмование и унижение. Боль и обиды были сопоставлены лишь с чувством безнадежной обреченности и потери перспективы дальнейшего развития.

Появление на изломе исторической судьбы народа такой личности, как Ахмат-Хаджи Кадыров — явление неслучайное. Способность изменить сложившуюся ситуацию, взять на себя ответственность за судьбы людей и повести их, жертвуя собой, — типичная историческая миссия лидера, и это тот выбор, который он сделал для себя.

Мы вновь и вновь обращаемся к логическому объяснению феномена этого выдающегося человека. Воспоминания об Ахмат-Хаджи Кадырове — это не только дань глубокого уважения личности первого Президента чеченского народа. Не ставя задачей выявления присущих ему ярких качеств лидера-знаменщика, мы обращаем внимание на ту роль, которую он сыграл в

разрешении немислимого клубка противоречий, скопившихся в Чечне за период трагических проб и ошибок 90-х гг. В этой сложной неопределенности ему удалось сформулировать концепцию развития народа как жизнеспособной нации. С удивительной дальновидностью мудрого политика он сумел выявить необходимость соединения традиций чеченского общества с требованиями времени, обеспечивающими его развитие.

В условиях затяжного кризиса, политической стагнации, при отсутствии сколько-нибудь определенных взглядов на будущее Чечни первостепенное значение приобретала проблема места и роли ислама в жизни чеченского общества. То, что распространению в Чечне экстремистских форм ислама способствовал комплекс нерешенных социально-экономических проблем и международных противоречий — не вызывало сомнений. Но определить идеологию народов в условиях воинствующего экстремизма — была задача не только трудная, но и опасная для жизни. В совершенстве владея знаниями в области предписаний ислама, прекрасно осознавая актуальность проблемы, Ахмат-Хаджи понимал, что традиционные представления чеченцев, зафиксированные в обычном праве, не могут быть бесследно поглощены нравственно-этическими и правовыми нормами, порожденными иными социально-экономическими, политическими и этическими условиями.

Как человек широко образованный, Ахмат-Хаджи так же понимал, что менталитет чеченцев не допускал и не допустит противоречий между характером религиозного вероисповедания и своей национальной идентичностью. Он смог защитить право чеченского народа на свою самобытность, на уникальность, и мы благодарны ему за это. Таким образом, будучи истинным представителем своего народа, он не только любил его, но и глубоко понимал.

Нельзя не учитывать, что в ближайшее время чеченскому обществу предстоит находиться между двумя полярными измерениями, и это определит вектор развития процессов как в социально-экономической, так и духовной сферах. Речь идет о нарастающем процессе возрождения традиционной культуры — с

одной стороны. С другой — законы постиндустриального мира будут диктовать свои условия общественного устройства. Преодолевая осознавая полярную направленность этих тенденций, А.Кадыров четко определил свою позицию и в этом вопросе. Для него не подлежало сомнению, что только включенность в общероссийский и мировой интеграционный процесс сможет обеспечить поступательное развитие чеченского общества.

Нельзя также забывать то обстоятельство, что последствия произошедшей национальной трагедии выразились не только в материальном ущербе, восполнимом за определенный промежуток времени в условиях современного цивилизационного развития, но и в огромных человеческих потерях, в духовно-нравственном упадке. Речь идет о потере людьми чувства самоуважения и даже — не без помощи средств массовой информации — о внушении народу сомнения относительно его этнической полноценности, оценке его как народа, склонного к самоуничтожению. На уровне обыденного сознания (а на этом уровне находится подавляющая часть населения республики) это проявлялось в самобичевании, глубоком сожалении о совершившемся, тяжелом чувстве вины. Хорошо осознавая, что гражданское общество — это, прежде всего, сообщество людей, осознающих свою способность к саморазвитию, Ахмат-Хаджи, как лидер народа, смог поставить заслон подобному виду лже-пропаганды.

Одной из важнейших задач, стоявших перед первым Президентом, была задача восстановления полиэтничности населения республики. Выступая перед гражданами республики и за ее пределами, он с полной убежденностью говорил о том, что наша республика обязательно вновь станет многонациональной, что произошедшая трагедия не выбирала никого — ни по языку, ни по вероисповеданию, что русскоязычное население возвратится в республику, и мы вновь будем вместе жить. Говорил о том, что обеспечение культуры взаимопонимания, толерантности во взаимоотношениях между представителями разных национальностей и конфессий в условиях поствоенной республики равнозначно обеспечению политической стабильности и созданию основ гражданского общества.

Мы сегодня говорим о человеке, который поставил интересы своего народа выше личных интересов, безопасность общества выше своей безопасности. Его породило время тяжелых испытаний, и он мужественно свою миссию выполнил. Он не искал для себя покоя, и погиб во имя того, чтобы жил его народ. Отданная дань глубокого уважения мыслителю, политику, талантливому человеку, мы с удовлетворением можем отметить, что дело, которому он служил, продолжается. Главное, что каждый из нас, где бы он ни оказался, вновь, как и прежде, может сказать, что он чеченец...

ПРЕДИСЛОВИЕ

Цивилизованному обществу в ближайшие годы предстоит находиться между двумя полярными измерениями. Это обстоятельство в значительной степени будет определять процессы дальнейшего социально-политического, экономического и духовного развития нашей республики — ведь всепоглощающая глобализация современного мира неизбежно ведет к стремлению любого народа сохранить хотя бы минимальный набор своих этнических особенностей.

Мы являемся свидетелями, с одной стороны, нарастающего процесса возрождения дремавших до времени форм раннефеодальной жизни чеченского общества, а с другой — законы постиндустриального мира диктуют свои условия общественного устройства. Поэтому выяснение сущности и различных аспектов традиционной социально-политической организации чеченского народа, как основы его политической культуры, приобретает важное стратегическое значение.

Кроме того, в политической науке и общественной жизни многих государств вновь возродился интерес к «изначальной традиции» и идет новое прочтение «золотого века», когда в обстановке «полной гармонии между людьми» и «органического порядка» закладывались и развивались национальные традиции². А в нашей стране, уже начиная с 80-х гг., начался бум интереса к недавнему прошлому, и в научный оборот входят понятия, специально отображающие национальную самобытность, как менталитет, этническое самосознание, этническая психология, национальный характер, традиционный «образ жизни», и т.д. Среди них прочно утвердилось понятие «политические традиции».

Этнос — система динамическая, основные признаки которой и их внутреннее взаимодействие находятся в процессе постоянного изменения. Так, для объяснения прогрессирующего развала советской политической системы и углубления межнационального конфликта, в работе «Большой взрыв» Э.Бжезинский оперирует такими понятиями, как «этнос», «рост национального са-

мосознания», и выделяет несколько стадий ее развития: от рода и племени до наций-этносов и затем — наций-государств. Такой путь развития общности людей по этническому признаку: сначала в нем преобладает этническое, затем — социальное, и уже потом — политическое.

Этнос — это общность с характерными чертами, это коллектив со своими особенностями территориального, культурно-языкового, хозяйственно-бытового, психологического, нравственного характера, которые и определяют его своеобразие и соответствующий тип этнического самосознания, составной частью которого являются и политические традиции. Изучение приоритетов этого процесса позволит ответить на многие вопросы в оценке прошлого нашего народа и современности, а возможно и уберечься от явных ошибок в выборе путей дальнейшего развития республики.

Как известно, на рубеже XXI века в Чечне провозглашен демократический путь развития. Его преимущество состоит в том, что демократия может обеспечить свободу выбора каждым человеком своего предназначения, лучшую защиту личности от произвола властей и возможность граждан участвовать в управлении обществом. В этой ситуации возрастает необходимость адекватной оценки перспектив становления демократической системы, осознание путей и способов укоренения принципов демократии. Сложность решения этих проблем состоит в том, что даже наличие в политической системе чеченского общества всех современных органов и институтов демократической власти, демократия все же может и не состояться, и их деятельность будет носить формальный характер.

Проблема заключается в том, что реальная демократия не является автоматическим следствием, с одной стороны, разрушения тоталитарной системы, а с другой — создания демократических политических институтов. Демократия — это совершенно новые социокультурные, экономические и политические отношения в обществе, это глубокие изменения общественного сознания, убеждений и ценностей. Поэтому, ставя вопрос о демократических преобразованиях в чеченском обществе, мы должны иметь в

... что, во что характерной чертой является исключительно противоречивый процесс, сопровождающийся глубокими социальными изменениями. Они были усугублены кровавым противостоянием и столкновением на его территории криминальных сил мирового масштаба.

И эти условия неизмеримо возрастает необходимость в сохранении таких факторов общественного сознания, как историческое развитие, национальные традиции, обычное право, традиционные нравственные устои, феномены политической культуры и культуры, совокупности представлений о свободе, которые, по мнению философов и политиков, определяют социально-политическое и культурное развитие общества.

Следствием духовной потерянности, переживаемое в переходный период от тоталитаризма к демократии, повлекшее за собой обесценивание прежних официальных идеологических ценностей в разваленную ломку старых установок и стереотипов, побуждает политиков и ученых к поиску истоков национальной идентичности. И не удивительно, что люди, вновь и вновь обращаясь к своему историческому прошлому, находят их в сфере духовно-культурных ценностей культуры. Но к глубокому сожалению, достаточно длительный период своей постсоветской истории чеченское общество активно искало их лишь в метаморфозах разных моделей конституционного устройства, или ориентации на иные — «чужие», «близкие» культурные и политические ценности и представления. Результаты этих поисков не имеют, да и по логике вещей, не могли иметь будущего.

Следование традиционным формам общественной и культурной жизни — важнейший способ самоидентификации этноса, что, в свою очередь, является необходимым условием плодотворного развития социокультурных процессов в целом. Если же брать во внимание затянувшийся кризис общественно-политических отношений, то феномен традиционного в этом комплексе социально-экономических и духовных процессов приобретает особую актуальность. И это, прежде всего, потому, что многое в данном процессе может быть определено с позиций кризиса этнической

идентичности: забвение неповторимости своей исторической судьбы и своих «выстраданных» веками ценностей и идеалов.

Как известно, причины кризисных явлений в жизни нации в постсоветском периоде обусловлены не только распадом прежних социальных структур и институтов и изменением типа взаимоотношений государства и общества. Резко изменился темп социокультурного развития, произошел разрыв между «уходящим прошлым» и «открывающимся будущим». В этих условиях общество для того, чтобы осознать себя как новую целостность и выбрать достойное будущее, должно «выбрать» свое прошлое, которое становится обоснованием нового пути общественного развития.

Этот выбор связан, в первую очередь, с переосмыслением накопленного культурного наследия, с выделением в нем той ценностного потенциала, который смог бы обеспечить преемственную связь между нынешним состоянием общества, перспективами его развития и предшествующими стадиями его существования. И здесь общество все более и более обращается к традиции, видя в ней и механизм трансформации социального, политического и культурного опыта.

Таким образом, социокультурная реальность XX—XXI веков — это и расширяющийся диалог культур, нивелирование культурных различий, и, наряду с этим, — возрастание интереса к традиции, как к механизму сохранения культурных ценностей и как к возможному способу обретения обществом своей утраченной идентичности.

Как известно, направление и рамки общественных процессов обусловлены объективными закономерностями общественного развития этноса, социально-историческим и политическим контекстом его функционирования. В свою очередь, они определяют политическое сознание и поведение людей с самыми различными интересами. По этому поводу у русского философа И. А. Ильина есть высказывание, что «...судьбы народа сокрыты в его истории, которая таит в себе не только его прошлое, но и его будущее. Она являет собой его духовное естество: и его силу, и его дар, и его задание, и его признание. История народа есть

...иногда гонимый от духа, таинственная запись его судеб, про-
...иногда гонимый от духа, таинственная запись его судеб, про-

...иногда гонимый от духа, таинственная запись его судеб, про-
...иногда гонимый от духа, таинственная запись его судеб, про-

...иногда гонимый от духа, таинственная запись его судеб, про-
...иногда гонимый от духа, таинственная запись его судеб, про-

...иногда гонимый от духа, таинственная запись его судеб, про-
...иногда гонимый от духа, таинственная запись его судеб, про-

...иногда гонимый от духа, таинственная запись его судеб, про-
...иногда гонимый от духа, таинственная запись его судеб, про-

...иногда гонимый от духа, таинственная запись его судеб, про-
...иногда гонимый от духа, таинственная запись его судеб, про-

Существует также мнение, что общественное сознание и поведение чеченцев не дисциплинировано, не организовано. Действительно, периодически повторяющиеся преобразования и тяжелые испытания, которые выпадали на долю народа, не могли выработать такое качество, как умиротворенная созерцательность характера и уравновешенное восприятие мира. Вместе с тем, все же исторические факторы выработали в характере чеченцев такие ценные качества, как осуждение лени, предательства, в крайней форме порока, представления о бесчестии и мелочности, воспринимаемые ими как тождественные. Необходимость быть готовым к любым проявлениям противостояния, привела к осуждению в мужчине мягкости и уступчивости. Наряду с этим, отрицательно относились и к такому качеству, как чрезмерная эмоциональность, чувствительность, даже если они проявлялись со стороны женщины и даже ребенка.

Вместе с тем, созидание на пути к демократии в рамках субъекта Российской Федерации выдвигает перед чеченским обществом важные политические задачи. Это, в первую очередь, консолидация общества, условием которого станет формирование политической системы, в которой успешно будут функционировать как внешние, так и внутренние механизмы власти.

Политическое развитие чеченского общества и проблемы правового интегрирования чеченского этноса в международный социокультурный процесс также предполагает знание и использование традиционного опыта общественно-политической жизни этноса. Как подчеркивает Президент Чеченской Республики Рамзан Кадыров, «именно в них, в моральных, нравственных и этических нормах жизни чеченского общества заложена наша самобытность. Думаю, что именно этим мы ценны и интересны миру»⁵. При этом он подчеркивает, что «возрождение морального облика нации, национальных традиций не возможно без улучшения социально-экономических условий»⁶.

И в этом созидательном процессе, не скованном никакими идеологическими рамками (в частности, как это было в советский период), необходимо использовать тот положительный потенциал,

культуры был накоплен чеченским народом в его многотрудной борьбе за выживание и прогресс. Ведь общественные процессы и формы традиционного сознания и поведение людей, прежде всего, определяются устойчивыми закономерностями исторического развития, социальным и политическим опытом. Именно традиции, как наиболее устойчивый элемент этого опыта, оказывают постоянное влияние на общественное сознание, способствуя или препятствуя созданию новых моделей социально-политической жизни общества.

Через данные нами обстоятельства делают чрезвычайно актуальной проблему изучения политических традиций народа, ведь это, имея в виду, что осмысление особенностей традиционного политического сознания и опыта политического поведения имеет особое для Чеченской республики важное стратегическое значение.

Действительно, практическая деятельность и духовная жизнь народов — это ценнейшее богатство любого этноса. На это обратили внимание многие мыслители, в том числе, Г. Гегель, который отмечал, что социально-исторический опыт «является результатом сбережений всех предшествующих поколений, священных в котором все человеческие поколения благодарно и радостно признают все то, что им помогло пройти жизненный путь, что было открыто в глубинах природы и духа»⁷.

Утратившим его богатства и своеобразия является социально-интеллектуальная память народа. При этом социально-политическая память удерживает только те достижения прошлых поколений, отличающиеся своим устойчивым характером, способны восприниматься во все новых и новых поколениях. Сохраняясь в памяти этноса в обобщенном виде, явления социально-политической жизни, ставшие социально-политической памятью народа, определяют способность определять стереотипы общественного поведения людей и в целом способы мышления этноса. Так, по словам одного из исследователей проблемы В. А. Колеватова, социальная память, это «...процесс фиксации в общезначимой форме, систематизации и хранения теоретически обобщенного

коллективного опыта человечества», поскольку традиции способны воздействовать на настоящее как реальная сила⁸.

Вместе с тем, новые поколения заимствуют из прошлого не все традиции, а лишь те из них, которые необходимы для осуществления жизненно важных функций и способны удовлетворять новые потребности общества в социально-политической сфере. Здесь следует подчеркнуть, что именно благодаря политические традиции способны осуществлять свою главную функцию — передавать неповторимые черты самобытности этноса, сохраняя этим его идентичность.

В понимании политических традиций и особенностей национального наследия стали все чаще подниматься вопросы в философских, социологических и политологических исследованиях. Осмыслению их сущности и содержания с целью оптимального использования в современной политике все чаще обращаются общественно-политические деятели. Но, тем не менее, в их понимании, а также в оценке их значения у исследователей не сложилось единого мнения. Так, с одной стороны, пропагандируется опора на традиции, предшествующий опыт политического и социального развития. С другой стороны, динамизм современной жизни ставит под сомнение целесообразность использования традиционных социально-политических представлений этносов. Если, традиционализм и политический консерватизм нацелены на культивирование традиций, то идеи противников этого направления настойчиво отказываются от приоритетов традиции, и стремятся к созданию новых моделей общественных отношений, основанных на представлениях прошлого. Для них традиция — это «пережиток прошлого», препятствующий прогрессу общества.

Как видим, традициям в политике и науке о политике отводится различная роль: от главного механизма развития общества до тормоза прогрессивным изменениям в общественных отношениях. В данном случае наиболее приемлемой представляется точка зрения Е. Шацкого, который пишет: «...банальна истина, что и сохранение в целостности прежнего образа жизни, и формирование общественной жизни «с нуля» относятся к области

«политической диффузии»¹⁰. Ведь даже самое стабильное государство в мире неизбежно окажется перед необходимостью модернизации, а политический принцип отрицания традиций в такой ситуации, тоже может приобрести статус традиции. Проблемы и проблемы политических традиций чеченцев, мы, конечно, будем обращаться на методологические и теоретические вопросы, касающиеся в трудах Р.Г. Абдулатипова, В.П. Алексеева, И.Н. Бураева, В.А. Тишкова, Р.И. Хасбулатова и др¹¹.

Наследство развития этнополитических процессов на Северном Кавказе, в том числе и в Чеченской Республике, рассматривается в работах А.Ф. Болтенковой, В.И. Власова, М.Н. Губогло, Е.В. Дюбенко, Г.С. Денисовой, К.В. Калининой, В.Н. Лыткина, И.А. Мисаилова, А.А. Мацнева, Н.П. Медведева, Н.М. Мухоморова, Ю.А. Панина, М.В. Столярова, В.А. Тишкова, Р.И. Хасбулатова, А.А. Ханерской, и др¹².

Проблемы исторического прошлого, политико-правового устройства, духовно-культурного состояния чеченцев, традиций и ментальности, российско-чеченских отношений, а также современное состояние политического состояния чеченского общества рассматриваются в работах А.-Х.А. Кадырова, В.Х. Акаева, Ш. Арсаева, И.Е. Ахмадова, Я.З. Ахмадова, Мусы Ахмадова, М.Х. Бабаева, Д.А. Габеева, Ш.А. Гапурова, И.В. Дабаева, С.А. Дауева, Г.М. Мухаммад, И.М. Сигаури, А.-Х.А. Султыгова, Кисриева, М.М. Магомедова, В.А. Тишкова, А.И. Хасбулатова, Э.И. Хасбулатовой, И.П. Черноуса, Я. Чеснова, и др¹³.

Проблема политической традиции и модернизаций в социальном политическом развитии России, этнического сепаратизма на Северном Кавказе Чеченской республики, истоков современных политических процессов, вопросы взаимодействия культур Чечни и России, взаимодействие политической культуры и ментальности чеченского общества стали темой диссертационных исследований, защищенных в последние десятилетия М.И. Алхазуровым, И.В. Алдамовой, Г.С. Арслановым, Г.Н. Левченко, С.В.Ушаковым¹⁴.

Проблема политических традиций чеченцев являлись объектом исследований «круглых столов», организованных различными

общественно-политическими организациями Чеченской Республики, особенно в период с 2000 года.

Ставя задачу осмысления традиционной политической культуры чеченского народа, автор отдает себе отчет в том, что не представляется возможным ставить вопрос о собственно политической деятельности в чеченском обществе, поскольку такая деятельность, прежде всего, предполагает наличие в обществе социальных групп, профессионально занятых управленческим трудом по реализации функций власти. Политическое регулирование в чеченском обществе мы можем рассматривать лишь в рамках традиционных феноменов, как единение и этническая консолидация народа, специфика традиционных отношений власти и подчинения, степени развитости демократических принципов управления, функционирования традиционных социально-политических институтов, моделей межэтнических отношений, и т.д.

РАЗДЕЛ I

Традиция, община и этнической консолидации

Факторы общественно-исторического развития чеченцев

Самыми ценными формами политического опыта людей, которые объединяются в новые условия, наибольшее значение имеют традиции. Поддержка традиции и использование своего культурного наследия — важнейшие факторы консолидации этноса. В них заложены основы жриды саморазвития и самоорганизации этноса. Широчайшей и в результате деятельности многих поколений сложившейся в жизни одной из наиболее устойчивых основ жизни общества они не только определили специфику общественно-политической и культурно-исторической жизни чеченцев. Каждая традиция, политическая и политическая, заключала в себе глубокий смысл и выполняла структурирующую, воспитательную, мировоззренческую, регуляторную и иные важные функции. Но все же главным их значением была объединение людей в этническую общность.

Ценно и значение традиционных политических представлений, которые велико в политической жизни общества, что в их содействии в развитии идут одно из решающих условий прогрессивного развития этноса политологи современности. Так, А.С. Павлов пишет, что «... люди обязаны своей общественной стабильностью либо традиции — пока она жива и регулирует их поведение, либо государству как центральному звену в политической системе, упорядочивающую стихию»¹⁵.

История общественной жизни многих развитых современных государств свидетельствуют: чем ближе политическая система к традиционной традиции народа, хотя внешне и выступает как консерватизм, но в действительности определяет высокий уровень ее развитости. Поддержка традиции и использование своего культурного наследия, как реальный фактор консолидации этноса, может быть процессом неосознанным, даже, некоторым образом, автоматическим, поскольку общество просто живет ими. В традициях, хотя и не содержатся однозначные предписания, но все требует жестких стандартов поведения, разрешая или

запрещая определенные действия. Таким образом, поведение общества, регулируемое традицией, отличается сопряженностью со строгим следованию норме¹⁶.

Общественно-политическую организацию любого народа можно рассматривать либо в рамках государственной организации, либо мы можем говорить о способности народа к единению и консолидации. То есть, ключевыми элементами, вокруг которых объединяются все остальные составляющие политической организации — это государство и власть, которые в основе своей равномерно содержат в себе отношения господства и подчинения. Равноценным понятием является упорядоченность общественных отношений, независимо от того, благодаря каким ресурсам власти реализуются. Но в обоих случаях речь идет о политическом устройстве, но разных его формах.

Политическое устройство чеченского народа соответствовало уровню его социально-экономического развития¹⁷. Оно было сложным и носило территориальный характер, где ее низовой единицей являлась община, которая, в свою очередь, делилась на тунды, мы, состоявшие из малых индивидуальных семей, связанных между собой родственными и хозяйственными узами. Общины в своей основе были объединены в военно-политические союзы, объединявшие от трех до нескольких десятков сельских обществ.

Конечно, в связи с отсутствием профессионального управленческого труда, социально-экономических связей, иерархической лестницы в общественных отношениях и т.д., к чеченскому обществу мало применимо понятие «государственная организованность». Исследователи единодушны в том, что чеченское общество «...было внутри себя свободным. Здесь не было князей, княжеских родов, которые могли бы претендовать на особую роль в обществе...»¹⁸. Об этом свидетельствуют и наблюдения, сделанные еще в XIX в. русским кавказоведом А.П.Берже: «У чеченцев нет тех сословных подразделений, которые составляют характер обществ европейской организованности. Чеченцы в своем замкнутом кругу образуют собою один класс — людей вольных, и никаких феодальных привилегий мы не находим между ними»¹⁹.

Условно-общее устройство Чечни и в XVIII веке отличалось от условно-общего устройства Грузии раздробленностью и наличием многих независимых друг от друга обществ. Разобщенность более всего царила в горной Чечне. Процесс фактического объединения тейпов — кроме случаев прямой политической и политической зависимости слабых и сильных, — происходил в форме ассоциации «тукхумы, или джамааты», — отмечено в обобщающем труде по истории Северного Кавказа²⁰.

Это подтверждают и выводы, сделанные И.М. Сигаури: «... в начале XIX в. каждая из тейп Чечни XVIII века в политической жизни Северного Кавказа чеченцы участвуют не как единый народ, а как отдельные общины и родов, каждый из которых действует, как правило, в узких рамках собственных интересов. Их интересы были разделены и независимы друг от друга. Ни в какой общине не существовало постоянно действующая власть и организация. Было полное политическое и административное самоуправление общины, родов и селений и принятии любого решения, касающегося интересов именно этого общества, рода или селения...»²¹.

Условно-общие отношения в Чечне на период XVII в. оставались условно-общими. Это было обусловлено, прежде всего, живучестью патриархально-общинных институтов, препятствовавших процессу образования классов. В результате этого социальное неравенство проявляло себя лишь в отношениях между тейпами, как разобщенными образованиями. То есть, в Чеченском обществе были применимы лишь такие атрибуты неравенства, как «неблагородный» тейп, благородная семья, человек. Мысленно, как правило, по установившейся в марксизме традиции все еще связывают понятие «благородный» с материальным положением рода, семьи, человека. В частности, эта точка зрения приверживается и в обобщающем труде по истории Северного Кавказа²².

Наше с тем, имущественная дифференциация, как основа существования неравенства, но свидетельству этих же ученых, не была развита среди чеченцев. К тому же, феномены этих глубоких территориальных изменений мы не находим и в самосознании народа. Наиболее тому свидетельство, на наш взгляд, это мен-

талитет народа, который не сохранил какие-либо отголоски этого глубокого социального и политического явления. Как известно, психология народа, как важнейший атрибут менталитета — это наиболее консервативная часть общественного сознания, передающая из поколения в поколение сущностное содержание духовной культуры этноса, как отражение всей совокупности социально-политических и экономических процессов.

Даже при наличии богатых или бедных родов, о чем все же свидетельствуют исторические факты, чеченскому обществу не было характерно социальное неравенство с такими его свойствами, как эксплуатация, наемный труд, бесправие и унижение. Так, если у соседних народов общественная дифференциация сопровождалась появлением таких сословий, как шамхалы, беки, ханы, мурзы в Дагестане, князья у адыгов, мурзы у балкар и т.д., то у чеченцев это социальное «деление» лишь обрело форму «благородного» (обзда) тайпа, семьи, человека. И ничего более. Или, например, в Дагестане в обиходе было такое понятие, как чанка, а в Кабарде — тума, означающие дети феодалов, но рожденные от женщин более низкого происхождения, лишаемые прямого наследства, а чеченцам вообще было чуждо подобное проявление социального неравенства и унижения²³.

Возможно, этим и объясняется, что чеченское общество в политическом отношении было неорганизованным, здесь отсутствовало централизованное управление, были разобцены родовые общества. Это становилось серьезным препятствием для осуществления единой централизованной политики в интересах народа в целом, но особенно это было востребовано по отношению к внешнему миру. «Все это определяло чрезвычайную дробность населения и служило серьезным препятствием к внутреннему преодолению политической дробности. Часть таких горских обществ попадала под политическую власть соседних ... феодальных образований — Аварии, Грузии, Кабарды»²⁴. «Так, где была развита власть феодальной знати, закономерно происходило более ускоренное ... формирование государства, налаживание взаимовыгодных внешнеполитических отношений»²⁵. О том

же пишет и С. Дауев, «...в начале XVII в. черкесские, кабардинские, таликумыкские, тарковские, аккинские, кумыкские князья и беки стали получать от русского царя грамоты на верноподданство с правом контроля и владения определенных земель, в том числе и чеченских...»²⁵.

Но форма порабощения чеченских племен также не выходила за рамки таких понятий, как свобода, равенство и справедливость. Эти неотъемлемые атрибуты чеченского менталитета оставались неизблемыми. Самостоятельно регулируя свои внутренние отношения на сельских сходах и в органах местного самоуправления — советах старейшин на основе обычного права — адиста, чеченцы выражали свою подвластность тем или иным размерам дани, которую соглашались платить за охрану от внешних действий, от набегов и захватов со стороны иных соседних феодалов и их дружин. То есть, чеченские общины, не имея своих постоянных действующих дружин — воинов-профессионалов, охотно платили им дань-выкуп за свое спокойствие.

Здесь отсутствовал классический образец не только господства, но даже какого-либо превосходства определенной социальной группы или отдельного лица над обществом, характерные государственному объединению. Власть не была персонифицирована ни в лице вождя, ни в лице какого-либо другого субъекта власти. Оно было свободно от правоведческих и законотворческих аспектов своего функционирования. Не было организационно и законодательно оформленного факта управленческого труда, а общественное равновесие, после утверждения здесь ислама, поддерживалось мусульманским духовенством.

Наряду с этим, общество не знало и таких негативных атрибутов власти, как угнетение, подавление, личная зависимость, тем более было исключено обращение в рабство соплеменника. Хотя, как пишут дореволюционные и современные исследователи, еще в конце XIX века в Чечне зажиточные чеченцы имели «немногочисленный класс личных рабов и происходящий от военнопленных», который ежедневно увеличивался за счет вновь захваченных в набегах. В частности, Ф.И. Леонтович отмечает нали-

чие в Чечне двух типов рабов: лаев и ясыры²⁷. Лаи, будучи собственностью своего хозяина, мог быть продан, наказан, а его дети пользовались в Чечне всеми правами, что и остальные ясыры вообще мог быть выкуплен и возвращен на родину. В этом отношении к нему было лучше, чем к лаю. О рабстве в Чечне пишет и Н. Грабовский, который утверждает, что при «проведении крепостной реформы в 1867 г. в Чечне было освобождено более 300 рабов»²⁸. Это факты. Вместе с тем утверждения о сколько-нибудь значимой роли рабовладения как социального института в чеченском обществе не находят достаточных обоснований.

Так, в записях, сделанных в своих донесениях русскому царю А.П. Ипполитовым, говорится, что у чеченцев не было социального различий. Вместе с тем, он отмечает, что «в прежние времена в Чечне и был здесь класс рабов, но он возник тем особым путем, в котором обыкновенно возникает рабство у всех нецивилизованных народов, то есть путем войны и права сильного. Рабы, весьма немногочисленные, были здесь исключительно одни лишь исландские из Кахетии, тушины и отчасти русские. Они стояли во всякого права: и собственность, и жизнь их вполне зависела от воли владельца».

Но обратим внимание, что автор подмечает отличительную особенность этого явления в Чечне. Так, он пишет: «Нельзя не заметить, однако же, что, несмотря на свою дикость, горцы вообще обращались с рабами весьма мягко. У них раб ... считался скорее одним из младших членов семейства, нежели бесправным рабом; он служил старшим членам точно так же, как служил теперь дети отцу, младшие братья старшим и т.д.»²⁹

По форме управления чеченское общество было демократическим. Оно было основано на эгалитарной (уравнительной) системе межличностных отношений, неукоснительном соблюдении принципов равенства и справедливости. Ее проявление мы можем проследить в системе межродовых отношений, а именно, в отсутствии иерархии родовых групп или признаков дискриминации по тому или иному признаку, хотя таковые и значились в социальной

... в чеченского общества. В частности, многочисленные роды, составлявшие действующую общину или переселенцы, не имели общности интересов.

Таким образом, родовой социальной структура чеченского общества представляла собой систему регулирования общественно-родовых отношений, но никак такого явления, как неравноправие различных родов. Претензии или попытки отдельных родов на господство среди чеченцев, как правило, оказывались неосуществимыми. А если неравенство родов в чем-то и проявлялось, то, главным образом, в узко престижных целях, а отчасти, и в хозяйственно-экономических сферах. Например, в желательности того, чтобы старшие женщины принадлежали к старой родовой ветви. Или в том, что, как это уже отмечали это, существовали «благородные», «старшие» семьи. Но они не имели под собой ни экономического, ни политического основания и ни один из этих родов так и не превратился в привилегированное сословие.

Что же касается до аристократизма некоторых фамилий, то привилегии между ними носили чисто номинальный характер. Отчасти это было обусловлено тем, что во время анархии и междоусобиц, некоторые фамилии, бравшие перевес над другими, прежде всего, в безопасности ее членов, и, имея за собою, если не самое древнее, то, по всяком случае, самое древнее из прав — право собственности, становились более влиятельными. Но, как бы то ни было, аристократизм этих фамилий со временем сглаживался окончательно в результате как следствие прежнего порядка вещей, убийства, так и в результате лишь одна кровная вражда лиц между собою, «вместо вражды родов»³⁰.

Таким образом, в чеченском обществе речь могла идти об аристократизме не столько, как явлении социальном, а, прежде всего, как явлении духовно-нравственном. Аристократ в понимании чеченцев, это человек, который стоит высоко над всеми в выполнении нравственных предписаний общества, составляя духовную элиту общества — «оьзда нах» (благородные люди). Это понятие в чеченском обществе было неотделимо от понятия «благородия», то есть идеала, к которому должен был стремиться

каждый чеченец. Содержание понятия «нохчала» глубоко и с различных сторон охарактеризовано исследователем С.-Х. Нурушамовым. Он пишет в одной из своих работ: «Нохчала ... невозможно определить, словом «честь». Честь у вайнахов — сий. Нельзя точно определить словом «благородство», ибо оно у нас — овалла. Таким образом, у нас мужество — доьналла, смелость — доьралла, гордость — яхь, щедрость — камаьршалла, справедливость — нийсо. Нохчала — нечто более широкое, емкое. Это мировоззрение, идеология. Идеология нохчала не носит боевого характера, мобилизующего дух. В ней нет ни агрессивности, ни воинственности. Идеология нохчала отличается особым миролюбием, миролюбивостью. Это внутренний генетический голос, подсказывающий им, боясь своего собратьев не хватает нохчала»³¹.

С ними старались породниться, их встречали с подчеркнутой почитанием, не считая это за унижение. А имущественное различие, как естественный атрибут любого общества, несомненно, присутствовало и здесь, но не давало каких-либо преимуществ никому. И не дай бог кому-либо кичливо продемонстрировать свое кажущееся превосходство над другими, как общественное мнение тот час же лишало его этого высокого титула. Каждый чеченец считал (да и сегодня считает, и это традиция является переходящей ценностью чеченского этноса) себя достойным такой оценки, упрек в отсутствии этого качества — благородства является наиболее тяжким, ни с чем не соизмеримым оскорблением. То есть, общественный статус благородной фамилии (родовая семья) определялся исключительно на уровне общественного мнения и в эмоционально-психологическом восприятии.

Такое восприятие социальной значимости личности, свободное от какого-либо имущественного положения, со слов народного фольклориста республики И.Б. Мунаева, емко выразил общественный деятель начала XIX в., Бейбулат Таймиев, который так говорил о том, как пришла к нему слава: «Прежде всего я заслужил уважение собственной жены, потом уважение семьи. Видя то уважение, которым я пользовался в семье, меня стали уважать соседи. Вслед за соседями уважение ко мне проникло в село, а уважение села принесло мне уважение страны»³².

В XVIII в. эта область говорит о чеченцах, как формирующемся этнополитическом образовании, находящемся на этапе поиска единства и политической консолидации. К осознанию необходимости этнополитического единения и политической консолидации чеченцев тогда более и более толкала неотвратимая реальность. Чеченцы не могли оставаться в зависимости от соседних князей, а их этнополитические общности делают первые попытки поиска путей формирования союзнических отношений с Россией. Как писал В. Антон, одним из важных шагов в этом направлении было принятие чеченскими племенами... присяги на верность Александру Михайловичу»³³.

В то же время политическая обстановка требовала сплочения чеченского сообщества в единый народ. «Чечня, не объединившаяся в единое сильное централизованное государство, становилась объектом массовой политической и идеологической экспансии». При этом, как пишет исследователь, «... чеченцы оставались последними в регионе, когда остальные народы Северного Кавказа уже приступили к переходу к жизни и вхождению в централизованное государство». Но чеченцы... делали добрососедских и взаимовыгодных уступок. Они шли на политические уступки в приграничье для поддержания мира, но противились вмешательству... Ситуация усугублялась тем, что и своих стремлениях к проявлению добрососедства и этнополитические представители — лидеры — были ограничены в действиях территорией своего сообщества и решающим словом в них старейшин... То есть, в Чечне не с кем было договариваться внешнеполитически. К тому же они были ответственны за свои действия перед Советом страны, особенно в вопросах свободы вероисповедания. Отдельные сообщества могли сами решать, с кем договариваться, но если дело доходило до интересов другого сообщества или вовлекалась вся Чечня, так же отвергались, что считалось неприемлемым для свободы и внутренние порядки»³⁴.

Несмотря на все, тенденции единения стали все более отчетливо и уверенно выступать в общественно-политических отношениях чеченского общества. Свидетельством тому стало, что уже к началу XVIII в. многим населенным пунктам чеченцев удалось

освободиться от кумыкских, даргинских, черкесских, и др. ханов, и т.д. «Чеченцы, — пишет дореволюционной эпохи Бутков П., — будучи в таком расположении, те из них, которые имели у себя владельцев, таки их от себя изгнали и ашик-господства».

И уже во второй половине XVIII в. чеченским народам удалось полностью избавиться от внешнего влияния: «К концу XVIII в. в Чечне почти все кумыкские, черкесские, дагестанские «владельцы» потеряли свои позиции»³⁵. Как свидетельствуют эти неопровержимые исторические факты, «чеченские общины становились самостоятельными в делах дипломатических, политических и управленческих», но и демонстрировали сплоченность народа к дальновидной, стратегически обоснованной внешней политике. Укрепляя свои политические и экономические позиции, чеченцы продолжают налаживать мирные дипломатические отношения с Россией³⁶.

Вместе с тем, дальнейшие события, в частности, и в отношении с Россией, показали, что процесс формирования этноса, как самостоятельного в своих политических действиях образования, был непросто, и не всегда и не во всем срабатывали мотивы рационально обоснованной стратегии внешней политики. Речь идет о национально-освободительном выступлении чеченского народа под руководством шейха Мансура и религиозным знаменем ислама, направленном против России. Вместе с тем, нельзя игнорировать такое важное для народа обстоятельство, что, несмотря на политическую недалекость во внешней политике, которую проявил социально-политическое движение 1785—1791 гг., оно стало первым опытом организации народом общей борьбы за свои интересы. И, хотя, с одной стороны, это выступление против своего стратегического союзника, а теперь уже сильного врага, действительно стало шагом назад в развитии внешне политических отношений, вместе с тем, оно стало первым реальным выражением процесса единения и консолидации чеченского этноса. Помимо такого объединяющего мотива, как свобода и независимость, таковым искренне выступает монотеистическая религия ислама.

... шейх Ш.И. Ахмадов, автор первого фундаментального труда «Ушурма», «сама логика событий неумолимо толкала его исключительно под единой идеологической оболочкой Ислама как незыблемости для реализации этой идеи давая ему уверенность — исламы. Проповеди идей добра, братства, справедливости, призывы отказаться от агрессивности, насилия, кровной мести, которые он начал в своем ауле, были исключительно адресованы для чеченцев, тем более, что они отвечали в идеальном смысле и соответствовали типу его общественно-политической, основанного на правственности. Этим и можно объяснить успех, который они имели в чеченском обществе, где религиозные и этика в их душах. Религиозные принципы и нормы описывались в рамки их общественных отношений и отношений. По признанию официальных дореволюционных источников, религиозный фанатизм был возбужден у них, и этот фанатизм привнес Ушурма, прозванный за его ученость шейхом шейхом Мансуром, сумел соединить национальную идею с религиозной»³⁷.

... Шейх также считает, что «сама общественно-политическая, идеологическая ситуация в крае была в той стадии развития, когда была востребована идея, способная сплочить разрозненную публику новых освоителей долин. Востребованная была идея, способная обеспечить безопасность, единство, справедливость. Таковой востребованностью объясняется феноменальная роль молодого шейха Ушурмы из аула Алды»³⁸.

... Действительно, совместная борьба способствовала сплочению и росту самосознания чеченцев, как социального единства, что привело к противостоянию с внешними врагами. Шейх проповедая он призывал чеченцев отказаться от вражды, кровной мести, кровнорасприятий... Влияние шейха Мансура на народ проявилось в том, что, следуя его просьбам, люди прощали друг другу кровные мести, убийства, многие кровники мирились. «Заслужившим гордился состоит и в том, что оно явилось толчком к началу процесса объединения различных горских обществ и к формированию вайнахского этноса»³⁹.

Если же говорить об этнической принадлежности самого шейха Мансура, а также его политических целях, то относительно этих вопросов существуют противоречивые позиции, среди которых наиболее расхожая — что он выполнял политический заказ Турецких воеводств, выходящем из которой являлся сам. Но, полемизируя со своими оппонентами, Ш.Б. Ахмадов пишет, что, «судя по всем имеющимся в нашем распоряжении материалам, шейх Мансур — убежденный сторонник справедливости, добра, нравственного совершенства, и не мог позволить себе действия, противоречащие собственным религиозным и нравственным представлениям»⁴⁰.

Но какова бы ни была суровая реальность, возможно скрытая от его современников и недоступная нам, ничто не может умалять значение социально-политического движения под предводительством шейха Мансура для осознания чеченским народом себя, как этнической общности. Идеология мюридизма, в свою очередь, став идеологией сопротивления, объединила под религиозным знаменем ислама разрозненные родовые общины чеченцев.

В дальнейшем в попытке создать на территории Чечни теократическое государство во главе с имамом Шамилем чеченский народ еще раз продемонстрировал свою готовность выступить единым этносом, консолидировавшийся в своих политических устремлениях. И его духовной почвой опять-таки стал воинствующий мюридизм в лице таких религиозных лидеров, как Тапу-Хаджи и др. «Имам Шамиль хорошо понимал, насколько трудно ему будет удерживать неукротимых чеченцев в строгой дисциплине и повиновении, даже ведя священную войну (газават) с таким сильным и жестоким противником. Своевольные, не привыкшие к единоначалию, чеченцы пытались всячески сопротивляться нововведенным ограничивающим их свободу. Поэтому следует иметь в виду, что мюридизм для Шамиля был в его руках инструментом, идеологическим, политическим и религиозным одновременно, направленным не только против России, но и против самих чеченцев»⁴¹.

Поэтому правы исследователи, когда отмечают, что «Шамиль с чеченским народом союза не искал и добивался одного — его покорности... Ему не нужно было сильное чеченское общество, и

... чтобы его ослабить. Шамиль понимал, что только объединившись с сильным, самостоятельным хозяином. ... У Шамиля не было «побуждения»⁴². Как свидетельствуют исторические источники, в свою очередь, в начальный период его пребывания в Чечне, не взирая на коварства и хитрости, стали затем оказывать ему активное сопротивление. И это не ограничивалось лишь наступлениями. Имам Шамиль имел 16 ран от русских солдат, больше половины из них, по рассказам старожил, были нанесены ему чеченцами⁴³.

Можно с тем, отыскав роль, которую сыграл имамат Шамиля в объединении и консолидации чеченцев, Я.Э. Ахмадов пишет: «Вследствие того что в конкретных исторических условиях того времени объединение в имамате являлось не столько целью, а сколько средством объединения разрозненных родоплеменных общин Чечни, он имел большое значение в деле сдвинения и этнической консолидации чеченского этноса»⁴⁴. Подтверждение этой точки зрения мы находим и в работах исследователя проблемы Р.А. Аврамова: «Ашук в XVIII в. ислам укоренился на части чеченского народа и окончательно утвердился, заменив вайнахские верования в середине XIX в. Ислам на начальном этапе исполнял роль объединяющего всех горцев фактора»⁴⁵.

Таким образом, религиозная идеология, сыграв положительную роль в деле консолидации чеченского общества, все же затормозила достижение тех целей движения.

Несколько десятилетий, как для русских, так и для чеченцев, кризисный, завершившийся распадом имамата Шамиля, периодом выживавшей оказалась идеология зикризма. Среди чеченцев и среди широкого признания и распространения получили принципы вадирийского шейха Кунта-Хаджи Кишиева, возманившего своих мюридов (последователей) к смирению, покаянию, защите обездоленных, сирот, которых наплодил в Чечне Ибрагимов пойна в течение четверти века. Идеология зикризмов, прощения, непротivления злу насилем, отражала настроения и потребности горцев, доведенных до отчаяния. Идеология шейха Кунта-Хаджи, получившее широкую поддержку

среди чеченцев, стало отражением глубоко заложенной в национальном самосознании народа идеи единения и консолидации. Шейх хорошо осознавал, что на данном историческом этапе развития чеченского общества эта идея могла быть реализована прежде всего, в физическом выживании этноса. Поэтому призывы чеченского народа широкое признание получили его предшественники, призывавшие к смирению и покорности судьбе. Идеология примирения, всепрощения, непротivления злу насилием, отчаяния и настроения и потребности горцев, доведенных до отчаяния.

Как известно, еще в годы наивысшего могущества Шамиля, шейх говорил ему о нецелесообразности протivления России. Но в своей обеспокоенности за свой немногочисленный и уничтожаемый народ он не нашел понимания у Шамиля. Глубокой скорбью были пронизаны его призывы к народу: «Братья! Перестаньте воевать, сопротивляйтесь. Взяв в руки оружие, вы даёте повод уничтожать наш народ. Нужно принять мир, если даже нас будут заставлять ходить по церквям. Это лишь стены, лишь бы в душе вы оставались мусульманами. Будут заставлять вешать на шею крест — не поддавайтесь. Главное, чтобы сердца ваши не переставали верить в Аллаха. То, что нас покорила Россия — свершившаяся реальность. Дальнейшее сопротивление смерти подобно»⁴⁷.

Но, что парадоксально, справедливо подмечают исследователи Шамиль, породивший газават, ставший причиной смерти русских солдат, стал почетным гостем российского царя. А Кадум Хаджи, всю свою жизнь проповедовавший, наряду с принципами доброты и справедливости, мир с Россией, был арестован в тяжких испытаниях в застенках российской тюрьмы⁴⁸.

Это, на наш взгляд, свидетельствовало о том, что царизм не мог не осознавать того уровня политической консолидации, который поднялось самосознание чеченцев, как сформированная этническая общность. Это, в свою очередь, практически разрушало возможности основного принципа управления — «королю и властуй», применяемого царской дипломатией не только в отношениях между различными народами, но и в отношении национальных групп внутри этнических сообществ.

...и политическая консолидация этноса, ... не только политических процессов, но и соци- ... культурных, представляли собой опас- ... с открытым противостоянием тех или иных ... Этническое и политическое единство — ... которую невозможно сокру- ... философия основывал не только философ-мыслитель и ... Кунта-Хаджи, так и русские политики. И ... не могли. При этом нельзя было не ... что мощным консолидирующим факто- ... мусульманская религия. Но не ... априоризма, провозглашающая открытое ... и неразрывным прагом, и неизбежно ведущая к само- ... этнической общности, а созидание и развитие наро- ... идеологических, психологических и нравствен- ... религии.

... столь значимую роль в консолидации чеченс- ... оказалась той границей, которая ... русского и чеченского народов, теперь ... друг друга, прежде всего, «иноверцев». И эта ... прочнее, чем территориальная. В ре- ... четко определивших свою ... теперь уже оказались в новой ... совершенно иные измерения.

... важнейшей социокультурной цен- ... этнос, стал язык народа. Язык — это ... любой этнической общности, сви- ... (Фольклор народа отразил исключи- ... отношение чеченцев к своему языку, образно ... (ненан мотт).

... феномен, так как ... этноса, его политическую и эт- ... П. Услар, — являясь ... народом», чем соседние народы, и, «зани- ... большую территорию», в отличие от них, «раз-

говаривали на одном общепонятном языке». И, что заметил Вед подметил, что «чеченский язык представляет заметный характер единства...», то есть, этнического единства⁴⁹.

О том же свидетельствует и Заурбек Мальсагов «... все говорят на одном и том же языке повсеместно»⁵⁰. Убеждают также выводы К.З. Чокаева о том, что «...единство языков, отмеченное еще П.К. Усларом, служит веским свидетельством несостоятельности утверждения некоторых буржуазных историков об извечном обитании чечено-ингушского народа в горных трущобах; о том, что, якобы, лишь с XVI—XVII вв. чечено-ингушские племена заняли равнинную часть центрального и Северо-Восточного Кавказа, ибо известно, что горная местность способствует распаду языка на диалекты и образованию обособленных друг от друга языковых единиц со значительным расхождением (например, дагестанские языки)». И продолжает он, — исходить из того общепризнанного положения о развитии языка в тесной взаимосвязи с материальными условиями его носителей, то этот факт служит подтверждением измышлений горе-ученых об извечной отсталости и примитивности общественно-экономических отношений чечено-ингушского народа»⁵¹.

Таким образом, к концу XIX в. чеченское общество представляло собой этническую общность, в которой, помимо единого языка, религиозной идеологии мусульманства, обычаев, традиций, обрядов, собственного имени, а также, хотя и аморфного по форме, но всё же выборного органа общего управления — Совета страны, органов местного самоуправления — старейшин, формируется важнейший объединяющий принцип — политическое сознание, идентифицирующее себя с данной территориально-политической общностью. Существовая как территориальная, этническая и культурно-психологическая общность, чеченский народ представлял собой организованную систему социально-политических отношений, институтов, принципов и норм управления, средств общественного контроля, права, морали, которые позволяли сплотить личность и общество в единое целое. Т

...территориальный институт общест-
...институт — община, родовой институт —
...права — адат, институт кровной мести,
...роль
...действовал в тесном единстве с адатом,
...Страны.

...внимание, что эти элементы социально-
...характерны обществам подобного типа,
...развитости и влияния в обществе
...относа, составляя основу его политиче-
...Собывались они самобытностью и у чеченцев, но
...функцию — способствовать
...консолидации. Неоспоримым свидетельст-
...этих традиционных общественных связей
...жизни чечен-
...находится в рамках государственной
...Чеченской Республики как субъекта Рос-
...Иерархии

...коррективы в процессы этнической
...уже начинают выступать эконо-
...административно-полицейское
...здесь колониального
...работе «Установление Российской
...Чечне (вторая половина XIX—начало XX в.)
...на рубеже веков переживал
...который был подготовлен проникновением в
...капитализма. Чечня превращается в источ-
...сырья и рынок сбыта
...промышленности»⁵².

...установлением здесь российского
...административного управления, коснулись и со-
...общества. Но оно не носило масштабного ха-
...основной массы населения Чечни, зани-
...трудом. По свидетельству ряда
...слой чеченцев — офицерское сословие,

купечество, смог адаптироваться к новым социально-политическим реалиям. Царское самодержавие создавало в Чечне так называемое «высшее сословие» из числа чеченских офицеров находившихся на царской службе, которое вознаграждало за многолетнюю службу выделением земли в частную собственность⁵³. Но основная масса населения Чечни пребывала в состоянии традиционных общественных отношений, основу экономики составляло аграрное хозяйство. Новое административное устройство оказалось не в силах преобразовать традиционную социально-политическую организацию чеченцев.

Как известно, процессы этнической консолидации характерны народам, но разной степени интенсивности. Такой особенностью для большинства современных наций, даже социально-экономически развитых, является незавершенность этого процесса. То есть, процессы консолидации, во-первых, носят во многом исторический характер, и, во-вторых, не отражают общий уровень этнической зрелости. Как писал известный политолог социологии И. Ильин, этническая «самобытность не есть оправдание отсталости и нужно отбросить культивируемое... отождествление самобытности с отсталостью»⁵⁴. Поэтому мы с полным правом можем говорить о чеченцах, если не о нации—государстве, то во всяком случае, как нации—этносо.

То есть социально-политическая организация чеченцев в начале XX века отличаясь своеобразием, была концептуально шире, чем рамки устоявшихся представлений о характере политических типов обществ. Хотя она и включала процессы, по сути отождествляемые с понятием «государство», но, поскольку не была или иная власть функционирует в любом обществе, то общество без власти не бывает»⁵⁵. Отношения власти и подчинения имели политический характер и более соответствовали таким понятиям, как единение и политическая консолидация, соответствующие сформировавшейся этнической общности — этнонации.

Годы социалистических преобразований внесли существенные коррективы в процесс дальнейшего развития чеченского

государств. Как известно, процесс формирования национального самосознания чеченцев шёл вне института государства, именно с развитием и обогащением его традиций и устойчивости у народа опыта государственного строительства. Именно поэтому понимание им политического единства основывалось исключительно на единстве этническом, где ведущую роль играли традиционные факторы единения и консолидации. Поэтому иных образцов политического устройства, в том числе государственного, этническое самосознание чеченцев, в силу исторических причин, не могло содержать.

Все же, не исключая и этих причин заметного интереса чеченского народа по поводу установления советской власти, наиболее приемлемой представляется точка зрения, объясняющая этот феномен ментальностью чеченцев, их традиционными представлениями по поводу характера общественно-политических отношений. Так, на первый взгляд, казалось бы, что кодекс обычного человека отрицал все специфическое, что было характерно для любой этнической общности. Однако наслоение новых традиций не только не разрушило традиционный образ этноса, а, наоборот, способствовал некоторому обогащению его социокультурного содержания. Так, идеалы равенства, коллективизма, приверженности экономическим, а нравственных начал во взаимоотношениях людей, характерные советскому образу жизни, совпадали с представлениями чеченцев о личных и общественных отношениях.

В основу идеологии советизма были заложены такие ценности чеченскому народу идеалы социальной справедливости, вытекающие из принципов коллективизма чеченского общества. В результате ограничения кланово-этнических черт, в культуре чеченцев намечаются тенденции усиления фактора общенационального единения, поскольку создание своей государственности (социально-политической автономии в рамках Российской Федерации) придаст этим процессам статус, хотя и формальной, но все же, политической организованности.

Однако процесс советизации чеченского общества все же не протекал столь безболезненно. Особенно это касалось проблем

Восток встал перед интеллектуальной и религиозно-этической задачей нового общества. Так, при обсуждении будущего устройства представители интеллигенции высказывали различные мнения, например, А. Шерипов и др., высказываясь за высшее образование, в то время как Умар-Хаджи Дини Арсанова, Сугаип-муллы, Абдул-Вахаба и Ибрагим-Хаджи Годинского, предлагало шариатский путь устройства. Делались даже реальные попытки создания на Северном Кавказе шариатского государства — имамата. Эти мероприятия не были безрезультатными.

В северной части Дагестана и Чечни несколько лет — в 1917—1918 гг. — существовало эмиратство, созданное аварцем и командиром шейхом Узун-Хаджи, поспешно названное им самим «Северо-Кавказским». Однако оно не было признано ни самим обществом, вставшим на сторону большевиков, ни открытого противостояния советской власти. И. Годинским, внуком Шамиля (Саидбеком) и их сторонниками, которые стремились привлечь горцев в повстанческое движение. Но, не поддержанные населением, бежали и укрылись за пределами Чечни (например, бежал в Турцию Шамиль), или скрывались среди мирного населения, подвергнувшись опасности (например, Н. Годинский).

Важными и привлекательными были лозунги советской власти — равенство, равноправие, справедливости — они полностью противостояли их традиционные социально-политические представления. Многие лидеры страны советов, и лично В.И. Ленин, считали национальный вопрос «архиважным» для молодой республики. Учрежден специальный наркомат по делам национальностей.

Особую важную роль в налаживании межнациональных отношений сыграло и «Обращение» председателя Совнаркома И.В. Сталина, наркома по делам национальностей И.Сталина к различным народам, в том числе и народам Северного Кавказа. Это обращение широко использовалось в политическом деле и продолжает цитироваться в научных исследованиях.

Такие строки обращения, как: «отныне ваши верования и ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными», «устраивайте свои верования свободно и беспрепятственно», «вы сами должны быть верными своей стране», подкупали своей определенностью и вызвали огромное доверие населения⁵⁷.

Лидеры советской власти хорошо осознавали, что они имеют дело с самобытными традиционными обществами, сформировавшимися в процессе длительного общественно-исторического развития и что без развития этих национальных окраин невозможно создать мощное социалистическое государство, способное противостоять внешней агрессии. Чеченский народ, сначала в рамках Чечено-Ингушской автономной области, затем — с 1934 г. в рамках Чечено-Ингушской автономной области, переименованной в 1936 г. в республику, был включен в процесс великой индустриализации советского народа, наряду с этим появляется письменность, распространяется грамотность среди населения, формируется национальная интеллигенция, развивается национальная литература, искусство, культура.

Действительно, за годы советской власти сформировалась новая форма социально-политической общности, основанная на социалистической идеологии и коллективистских отношениях в экономических отношениях — социалистическая нация. Об этом, как о совершившемся факте, было заявлено в Конституции ЧССР от 1977 года, и это было небезосновательным заявлением.

Так, в ходе социалистических преобразований советскими органами власти были всецело монополизированы функции традиционных социально-политических институтов народов советской страны, в том числе, и чеченцев. В связи с невозможностью выполняемых ими функций регулирования общественных отношений, отпала необходимость в функционировании традиционных органов самоуправления, как советы старейшин, кровная месть, обычное право, шариат.

Но все же, отдельные из ее сегментов, особенно, касалось нравственно-воспитательной сферы, семейно-брачных отношений, кровной мести, исполнения предписаний адата.

... и в качестве реликтовых феноменов традиций. Попробовать факт полного «уничтожения» этнической культуры воспринять как неизбежного следствия формирования советской социалистической нации было бы ошибкой. В итоге, в условиях «непримиримой борьбы с буржуазными пережитками прошлого», народ глубоко вобрал в себя национальное, как бы законсервировав его в сознании.

... оказались не самыми лучшими для Чеченской республики постсоветского времени, противостоят и повернули процесс политической трансформации вспять. Как и все народы бывшего Союза оказались перед необходимостью самостоятельного преодоления впадин противоречий, накопленных в период тоталитарного режима. Стремление к национальной идентичности, охватившее все народы бывшего Союза, привело к большему их обострению. Как говорил А.Солженицын советский человек вместе со всей страной потешался своему развитию. А для чеченского народа это обернулось драмой XX века.

... столь трагического поворота событий в Чечне пытались воспроизводить все противоречивые деяния политиков и ученых по этому поводу. Они пытались. Главным авторами первостепенное значение приписывали разным факторам, другие же акцентируют внимание на ошибках и просчетах тех или иных недалеких политиков. В этой связи, не выходя за рамки исследуемого материала, хотелось бы сформулировать следующую точку зрения. Так же как забывать, что в постсоветский период эйфория от достижения ряда духовных идеалов и нравственных принципов, особенно идеи свободы, сопровождалась, как ни странно в таких случаях, завышенными ожиданиями, так и крушение устоявшихся норм привело, как ни странно, к высвобождению таких социальных стихий и к тому, что многие вышли за рамки разумного и представляли серь-

езную опасность выживанию этноса. И не исключено, что есть определенная закономерность.

Как пишет по этому поводу Л.Н.Гумилев, «...и в сознании и поведении людей, в бытии этноса, как и в природе, словно, есть немало проявлений, неконтролируемых природных стихий, которые через подсознание могут ворваться в сознание человека и общества в виде «демонов крови и почвы»».

Это с одной стороны. Но с другой, — оказавшись перед необходимостью реального перехода к рыночным отношениям в сфере экономики, а в сфере политической — к так называемому «политическому рынку», общество оказалось в ситуации, когда «...любой экономической закон ломается, ...как только возникают культура и традиции. Из-за столкновения традиционной культуры и законов, которые пытаются навязываться, возникают проблемы...»⁵⁹.

Именно здесь, в этих двух взаимоисключающих тенденциях развития чеченского общества проходила, на наш взгляд, основная линия внутривнутриполитического противостояния в Чечне. Антагонизм идеологические и партийно-политические противоречия, на наш взгляд, были малосущественными. Действительно, несмотря на непростое и значное отношение к периоду перестройки, в 80-е годы и в современном обществе, как, впрочем, и по всей стране, наблюдается возрождение этнического самосознания, уже идентифицирующего себя с понятием «советский народ», а с чеченским этносом. Происходит восстановление исторической памяти народа, преодоление известных попытки фальсификации его исторического прошлого активизируется деятельность политической и творческой интеллигенции. Религия мусульманства выходит за пределы скрытых сфер общественной и духовной жизни общества.

Но, наряду с этим наблюдается всплеск и негативного политического потенциала, накопленного в годы советской власти, что зачастую болезненно актуализированного частью политической, научной и творческой интеллигенции, а также националистически настроенными лидерами. Например, память о Кавказской войне конца XIX в., а затем — массового оттока чеченцев

люмпенизированные элементы общества, преследовавшие личные цели. Народ оказался «заложником» у той же дилеммы, политические представления которой были порождены эмоциональных или меркантильных интересах, понимавших свободу как бесчинство и разнузданность, людей с мощным эмоционально-чувственным фоном, а то и просто пугливых и даже психически больных.

Эти факторы оказались значительно сильнее чувств патристического выживания народа. И всё это шло под традиционным лозунгом «защиты Отечества», в данном случае, имея в виду «освобождение чеченского народа от Российской империи» вместо религиозного вероисповедания, то есть борьбы с врагами, а то и «очищения народа», доведя его до 30% от его численности. Наряду с этим «муссировался» миф о будущем Чечни, в котором Кувейте».

Чеченское общество жестоко расплатилось за свои ошибки. Но сегодня, ставя вопрос о возрождении той или иной традиции как консолидирующего начала, или, наоборот, отвергая ее, мы имеем в виду ее способность к устойчивости и инерции, способной воспроизводиться даже после исчезновения исторических условий и предпосылок, породивших ее. Поэтому, одной из главных задач дальнейшего развития чеченского общества является то, чтобы выработать принципы и механизмы общественного регулирования, которые были бы способны стать основой возрождению отживших представлений и идеалов, потерявших конструктивные возможности. В современных условиях главным механизмом видится универсальная природа исполнительно-законодательных функций государства. Это зафиксировано в Конституции Чеченской республики.

В современной политологии повышение роли государства как регулирующего и интегрирующего инструмента, часто вытекает в плане ослабления гражданского общества, угрозы демократии. Да и в массовом сознании людей усиление государства ассоциируется с советской государственной машиной, формируется образ тоталитарного режима.

в процессе институализации задачи укрепления этатистских тенденций в Чечне, мы не можем выражать обеспокоенность «необходимости укрепления гражданского общества», ввиду того, что само общество еще не сформировалось. Поэтому в контексте рассматриваемой проблемы мы можем говорить лишь об «этнополитической» проблеме, приобретающей в Чечне основополагающее значение — универсальность. Как политическая, она должна подняться над специфически националистическим и этатистским поведением этнических, социально-этнических групп, и в новых социокультурных реалиях обеспечить единство и консолидацию чеченского общества. В качестве государственного и центрального института, ядром политической жизни всего общества, стратегически нацеленного на укрепление государства Чечни должно сконцентрировать свои усилия в жестких рамках централизованной власти. В соответствии с принципом всеобщей обязательности исполнения решений государственной власти, система государственных органов Чечни должна использовать весь арсенал прав и аппаратов власти. Не игнорируя глубокие демократические традиции, присущие данному обществу в рамках его общинно-родовых отношений, усиление этатистских тенденций находит поддержку и поддержку народа.

В то время этому феномену видится в преобладании в политической культуре чеченцев традиции единения и консолидации общества, единства и принципы демократии, глубоко заложены в сознании чеченцев. Но если на этапе общинно-родовых отношений общинного самоуправления и демократии, как внутренние механизмы самоуправления, способствовали поддержанию этнической целостности и стабильности, то в условиях оформившегося государства они не в состоянии выполнять эти функции. Поэтому усиление роли государства в обозримом будущем в рамках общинного механизма власти, не подлежит сомнению. Усиление этатистских тенденций обусловлено рядом факторов.

Во-первых, это обусловлено тем, что в переходный период, в условиях неопределенных причин (последствия военного конф-

лика на его территории в конце XX в.), еще пребывавшая в состоянии анархии, несколько задерживаясь в его преодолении от лидеров и институтов Российской Федерации, только государство и общество должны выступить главным орудием реформирования общества и обеспечения в нем стабильности и порядка. Кризис переходного периода, обусловленный полным развалом прежних государственных и правовых механизмов, отсутствием преемственности в государственном строительстве в виде резкого перехода от авторитаризма к демократии, несоизмеримо обострился в связи с поставленными задачами на территории Чечни. В результате — высокая степень недовольства, незащищенность личности в обществе, массовый коллективистский менталитет. В обществе еще сохраняется надежда на то, что только с помощью сильных органов государственной власти и централизованных общественных организаций возможно создание благоприятных условий для безопасности населения, экономического взаимодействия людей, реализации интересов и прав граждан.

Во-вторых, чеченское общество традиционно регулировало свое поведение средствами и санкциями, с помощью которых могло воздействовать на члена общества в целях соблюдения им общепринятых норм и принципов поведения. Таковыми у чеченцев являются традиционные нравственно-нормативные установки, сконцентрированные в кодексе чести и шариате, а также институты общественного регулирования — старейшины, теппы, советы рода и общин, совет страны, институт семьи, взаимопомощь. Тоталитарное государство с усиленным репрессивным аппаратом существенно ослабило этнонациональные институты общественной-политической жизни чеченцев. Попытки реформирования традиционных ресурсов власти в постсоветской Чечне закончились полной неудачей.

Это объясняется тем, что политические традиции чеченского общества, основанные на принципах морали, этики, ритуала, этикета, и регулирующих на таком мощном нравственно-психологическом фундаменте, как совесть, выполняли в чеченском обществе функцию внутреннего механизма достижения общественного согласия. В сложном переплетении политических и социальных институтов

в условиях хаотичной рыночной экономики, стабилизирующим механизмом воздействия, несомненно выступают только система государственных органов.

Современный мир республики противоречив. Более того, он стал ареной «вареной междоусобной» борьбы различных, житейских, клановых и криминальных сил за власть и влияние. Поскольку власть стала главной сферой действия и общественного влияния, оттеснив на второй план утверждение личности через успехи в работе и творчестве, приобрел самодовлеющий характер. Но, как свидетельствует исторический опыт, противоречия перестали бы развиваться двигатели общественно-исторического прогресса без превращения непримиримым антагонизмом. Люди, находясь в противоборстве неизбежно объединяются в сообщества, стремясь к совместной жизни, в конечном счете, к единению. Как говорил великий Аристотель, «человек — животное социальное». В реализации этой задачи важнейшая роль принадлежит институту государства, который обязан «блокировать» различные тенденции, направить их в созидательное русло.

В настоящее время чрезвычайно актуально, государство является главным действующим лицом в процессе формирования и консолидации социальных и этнических групп. Но это — задача временная, это будущее чеченского этноса.

Важно и верно, усиление исполнительных органов государства и абсолютизация института государства, хотя в конечном счете и приводит к возвышению исполнительных органов над представительными институтами, все же способствует возмущению демократические тенденции, законодательные инициативы и Конституции Чеченской республики. Поэтому, в отличие от института народной власти, его представительные органы должны стать исполнителем воли народа.

РАЗДЕЛ II

Традиционная социально-политическая организация чеченского общества

Социально-политическая организация чеченского общества удивляет сложным, пришедшим из глубины веков традиционным устройством. Основы общественных связей здесь основаны прежде всего, близким или дальним родством, а также родом. Именно к такому порядку были приспособлены условия совместной общественной и хозяйственной жизни чеченцев.

Изучение социально-политической структуры чеченского общества представляет собой трудную задачу, так как трудно сразу охватить или разграничить сферы влияния различных политических институтов в силу того, что значительная часть связанных с ними отношений, скрыты под покровом перекрывающихся общинных, семейно-брачных, соседских и родственных связей. Так, например, родовая организация чеченцев в процессе разложения оказалась настолько переплетена с общинной, что легко отслоить функции генеалогические, каковыми являются родовые, и территориальные, характерные общинным отношениям.

Если говорить в целом, то социально-политическая структура чеченского общества представляла собой автономные, децентрализованные общины, равные между собой и не образующие территориально достигшие уровня государственности, но объединенные в крупные военно-политические союзы. Эти союзы объединяли трех до нескольких десятков сельских обществ, которые существовали постоянно действующего характера. Важным шагом в развитии общественной организации чеченцев стал переход от родовой к территориальному принципу расселения, что особенно было характерно для равнинной части Чечни. И, все же, организацией этих общин оставалась родовая структура. Сюда входили объединения родовых объединений, а также малые индивидуальные семьи, связанные между собой родственными и хозяйственными узами.

В фундаментальных источниках по истории Чечни следующая характеристика общественно-политической

Условно-общее устройство Чечни и в XVIII веке от-
личалось раздробленностью и наличием многих незави-
симых родов обществ. Разобщенность более всего цари-
ла в эпоху распада феодальной общины, кроме случаев
временного объединения тейпов, кроме случаев
политической и политической зависимости слабых и
средних родов или ассоциации «тукхумы, или джамааты», —
сказывает в своем труде по истории Северного Кавка-

заков А.И. Козлов. Это вполне естественное и неизбежное следствие естест-
венно-географических условий, в которых происходила стабили-
зация родовых институтов чеченцев, порождение изоляции
родовых общин в горной местности. Ведь «разви-
тие родового общества — это приспособление к окружающей
среде, к природно-ресурсному и климатическому
условию». Рассеянные в горах, отдаленные друг от друга
родовые общины предшественниками поселения чеченцев не яв-
лялись структурными элементами для формирова-
ния политического объединения.

Основной политической структуры чеченского об-
щества традиционно составляла родовая община чеченцев —
«тукхум» (сабфа) — арабское и означает — совокупность
родовых общин на территории определенного участка зем-
ли. Слово чеченского языка оно вошло как обозначение
родовых общин. По свидетельству ученых, исходной базой
для формирования общин служат 135 так называемых изначаль-
ных родовых общин, начало всем остальным родовым подразделе-

ниям. Эта родовая структура относится к числу древних
родовых институтов. Чеченцы сохранили родовую органи-
зацию, которая пронизывала всю их жизнь, выступая
основой родовыми и семейными отношениями, а порой
играя важную роль в этих отношениях, например, в
решении вопросов при вступлении в брак, кровная месть и т.д.
Детальный анализ этого института показывает, что у
чеченцев родовые институты претерпели такие изменения,

что природа их оказалась почти утраченной, и они стали для принципиально иной, сословно-классовой дифференциации общества⁶³. Но у чеченцев на протяжении всей истории прослеживается динамика функционирования родовой системы родовой системы.

Несмотря на это, чеченский народ принадлежит к числу более политически активных этносов Северного Кавказа. По многим показателям общественного развития даже превосходил народы, у которых процессы эволюции и разложения родовой структуры зашли значительно дальше, а по уровню развития национального самосознания даже превосходили их.

Чеченский народ достаточно весомо давал о себе знать на политической арене региона. Поэтому на примере чеченского общества мы можем со всей определенностью утверждать о более длительном сохранении родовых институтов еще не только как свидетельством архаичности народа, а лишь как фактом в исторической динамике исторического развития этноса. Общественно-политическая организация чеченцев, основанная на родовой системе, являла собой достаточно жизнеспособное социальное образование, способное противостоять любым проявлениям феодализма в их жизнь.

Так, в судьбоносный для народа период формирования национального самосознания чеченцев, в связи с разложением родовой системы, отсутствием централизованной власти, в качестве правителей в Чечне волею судьбы оказались князья из Дагестана. Но была установлена власть посредством своих вооруженных дружин, налогообложения, выкупа, дани и т.п. Однако, как только князья обнаруживали свое пренебрежение, возможно в результате непонимания обычаев и традиций чеченцев, или стремления укрепить свою единоличную власть, чеченцы тотчас же восставали от них и возвращались к прежним демократическим формам правления⁶⁴.

Как отмечает М. Мамакаев: «...Чеченским тайпонам удалось в упорной борьбе с феодализирующейся аристократией в какой-то мере ограничить их жадные претензии».

...и не боясь потерять свою свободу и общинное устройство своей жизни». Развивая далее эту мысль М. Ма-
... что из-за отсутствия у чеченцев сложившихся
...и, наличия довольно прочного правового
... (1) феодальная знать не смогла закре-
... привилегии как исключительное право на
... в матамне⁶⁵.

... — это группа людей или семейств, вырос-
... отношений. Члены его,
... правами, были связаны между
... (по отцовской линии). Свобода, равенство,
... сформулированы, являлись основой,
... связей чеченцев.

... помнить, что чеченский тейп к XVIII—
... родом, сконцентрировавшим
... отношения и связи в обществе. Тейпо-
... период являл собой продукт своего
... проявлением потенциаль-
... Препежде всего, это разложение
... форм и его первоначальных правовых
... цементировали тейповый строй и
... от разложения.

... принципы функционирования
... в противоречие с социально-
... которые с каждым днем все более
... тейпов. Так, тейп, прежде всего, рас-
... — гар, некий,

... историческую группу составляли родо-
... по образу и подобию аборигенной
... Члены представляли других народов. Кто-то
... сам, а других приводили сюда сло-
... обстоятельства. «По
... в кровные родст-
... членам своей общины, объявляли кровную

месть за убийство своего сородича, придерживались обществу обществу-обязательных принципов правового индивидуализма».

Немало также примеров, когда чеченское общество по обычаю, принимало, как равного, того, кто изыскал убежище в него. Совершив соответствующий обряд, они принимали в тайп представителей самых разных народов, и все это происходило находилось под защитой принявшего их тейпа⁶⁷.

В социально-политическую структуру чеченского общества как неотъемлемая ее часть, входили туккумы, которые, в отличие от тейпа, не имели официального главы. Поэтому туккум не являлся стольким органом управления, как тейп, сколько общественной организацией. Вместе с тем, в решении бытовых проблем туккум обладал большими полномочиями, чем тейп. По сведениям М. Мамакаева, в период с XVI—XVII и XVIII веков в Чечении сложилось девять туккумов: акхкий, мялхий, терлой, чархой, чмахкхой, чеберлой, шарой, шотой, эрштхой. В большинстве своем основные родовые единицы чеченцев — тейпы, входили в состав иной туккум. Но существовали тейпы, не входившие в туккумы, жившие самостоятельно. Это — майстой, садой, перий и др.

Все это определяло чрезвычайную раздробленность чеченского общества, и всегда служило источником к внутренней раздробленности и серьезным препятствием к единению и консолидации. Выходя на плоскость, чеченцы в основном сохраняли традиционную форму организации, но в новых условиях проживания перешли смешанную форму многотейповых сельских общин, которая была более жизнестойким социальным образованием.

Взаимоотношения тейпов не были лишены естественного стремления занять особое место в обществе, получить какие-либо преимущества. Так, У. Лаудаев еще в середине XIX в. писал: «...Сильные фамилии обижали слабые; для противодействия последние соединялись с другими слабыми или присоединялись к сильной, и тем давали отпор обидчикам. ... Фамилии соединялись между собою, не позволяя некоторым возвышаться в роду». Но что следует подчеркнуть, это противоборство тейпов

которая не переводила в военное противостояние об-

щество, проанализированное социально-политическое устройство, основанное на родовых тейпово-тукхумных отношениях существующей ему системе управления, подвергнутой социальной и политической трансформации. Процесс, что было связано с массовыми переселениями, вызванным сокращением населенных пунктов, в которых происходила обособленность чеченских тейпов, ассимиляция этнических групп с чеченцами и образованием новых. Важно сказать, процессы ассимиляции горных тейпов получили продолжение и в годы советского периода, когда они начинают втягиваться в экономические, социальные процессы, протекавшие в Чечне, что привело к трансформировало их образ жизни, общественно-культурные, ритуальные и идеологические ценности

В начале XIX в. уже был в значительной степени разрушен родовой и племённый уклад в плоскогорной части Чечни, и представлял собой группу кровных родственников, утративших родовой родство и компактность проживания. Вплоть до недавнего времени было встретить в нескольких, а то и во многих семьях, иногда отдаленных друг от друга десятками километров. Это и понятно, ведь род становится слишком разобщенным, дисперсифицированным, в результате чего сохраняются только роды атрибутов родственной группы родового строя. Например, экзогамия. К тому же, не являясь родственной группой, изначальный род уже не мог существовать в качестве типа.

В условиях историческими формами социально-политического устройства общества уже выступают не только родственные образования, как род и его сегменты, а также племя и община. При отсутствии такого существенного атрибута социально-политических отношений в лице общества, в лице общины мы имеем яркий обра-

зец политических единиц, пока и разобщенная, но этническое единство чеченцев. Они были объединены традицией проживания, единством языка, нравов, традиций национального характера, и этнического самосознания. К периоду формирования раннефеодальных обществ в чеченском обществе происходили следующие, существенно и исторически значимые процессы:

во-первых, родовые отношения тесно переплетались с общими — в решении социально-бытового характера, и решении земельных наделов и т.д.;

во-вторых, семья, хотя и была неотделима от рода, но в ее функционировании все же происходили существенные перемены;

в-третьих, генеалогические ветви чеченцев не только росли и простирались за пределами своего исторического проживания, что образовали новые элементы социальной структуры общества — «некий» и др.;

в-четвертых, община представляла собой совокупность родственно-родственных групп, ядро которых составляла Совет старшин, представлявших совокупность родов.

Таким образом, чеченское общество представляло собой совокупность групп, в составе которых основу составлял род, как экзогамный коллектив. Однако к анализируемому периоду представлял собой систему разросшихся социальных образований, численность которых нередко достигала тысячи и более человек. Локализация этих родов систематически нарушалась в период вмешательства внешних сил, войн, миграции, эпидемий и т.д. Эти роды оказывались рассредоточенными среди большого или меньшего количества сел, далеко не всегда образуя компактную территориальную общность, а зачастую разбросаны на больших расстояниях друг от друга. По мере перестройки происходило также слияние родов, так как в подавляющем большинстве сел жили представители не одного, а нескольких родов.

К тому же, сами условия жизни — крутые горы, скалистые ущелья, труднопроходимые места и бездорожье способствовали

и от других отдельных частей рода. В связи с этим у чеченцев великое значение точек соприкосновения у населяющих их разных разнородных родов, чем у сородичей, разбросанных на большой территории и имеющих лишь ограниченные возможности для общения друг с другом.

Вместе с тем, постепенно фактор территориального единства у чеченцев все более укрепляется и оказывается важным стабилизирующим фактором социальных коллективов. По мере того, когда и начальный род, разросшийся и расширившийся, не мог осуществлять свои исконные функции организатора, собственника, ряд этих функций переходит к общине. Но все же, чувство кровной близости соплеменников не утрачено даже между теми его членами, между которыми расстояния не могли иметь регулярное

выступление важнейшей функции рода, как активного организатора и многоамной единицы, то эти функции осуществляли компактные, хотя и меньшие группы, родовые группы — сегменты-тейпы, названные так. Как родовые единицы родовой структуры, как части родового целого и той или иной сельской общине. И надо отметить, что часть рода действительно представляла собой родовую группу сородичей, которая могла принимать участие в общинных делах, локализованных частям рода. Сами по себе по силе и численности, — даже общине в целом, — не играли никакой роли в структуре чеченского общества. Роль этих частей рода являлось закономерным следствием их самостоятельности по отношению к остальным частям рода.

Самостоятельность этих частей рода способствовал развитию разнородности сельских общин, становящихся основой политической организации народа, поскольку интересы разных родов все более сплетались в интересы общины. В конечном счете, совокупность их деятельности определяла характер и направление функционирования пос-

ледней. Важное значение уже приобретают соседские связи, которые сохранялись и для кровнородственных групп. Так, в небольших селениях запрещались браки в пределах села даже между членами различных родов, то есть развивалась сельская общинная экзогамия. И при постепенной утрате основными родовыми коллективами своих функций, особенно в реализации предписаний экзогамии, дольше всего запрет на брачные связи сохранялся среди членов этих локальных групп.

Они давали о себе знать и в деле обеспечения порядка закона в общине. Так, Совет родовых старейшин имел в общинных делах, безусловно, значительно больший вес, чем вожди автократических обществах. Когда при решении конфликтных ситуаций речь шла о коллективной ответственности или возмещении убытков, в основе этого коллективизма лежали, как правило, кровнородственные связи. Подмена в некоторых случаях функций общины родовой вытекала из того, что сплоченность внутри рода, объясняемая их кровнородственным единством, противостояла пока еще недостаточно спаянным интересам общинников. Поэтому мы с полным правом можем говорить об определенной степени аморфности сельского общинного коллектива, в котором организованность родовых структур преобладала над общинной политической структурой.

Но, тем не менее, несмотря на образование структурных подразделений, сформировавшихся по мере разрастания рода, образования на их основе соседских общин и т.д., родовая организация пронизывала все общество чеченцев. Переплетаясь с социальными общинными, семейными отношениями, она, на наш взгляд, продолжала играть более значимую роль в этих отношениях. Например, в функционировании института кровной мести, вступления в брак, ответственность за соблюдение надлежащего ритуала в проведении похоронных процессий и т.д. Но главное, и это обозначает суть рассматриваемого вопроса, — в процессе их функционирования социально-политическая структура демонстрировала неразрывную связь своих составных элементов, способствуя консолидации общества и обеспечивая общественный порядок.

Каждый из этих структурных частей целостной социально-этнической организации выполнял свою, незаменимую роль в жизненных процессах. Так, каждый из этих родов выступал в качестве основной экзогамной единицы, а по мере разрастания и разделения родов в качестве экзогамных единиц уже выступают подразделения родов. Этот процесс передачи экзогамных свойств следовательно уменьшающимся родовым коллективам продолжается и сейчас — ведь пока социальный организм живет, идет и эволюция. При этом изначальные роды постепенно теряли свои экзогамные функции. И это естественно, так как род становится слишком крупным, рассредоточивается и сохранение за собой свойства экзогамии теряет реальный смысл. Поэтому эти роды, хотя и составляют низшее звено в системе родовых подразделений, являются, с одной стороны, единственно реальным социальным родовым коллективом, а с другой стороны — реальным структурным подразделением. Такое постоянное взаимодействие родовых форм и постепенное оформление новых, выделение их от существующих групп составляет процесс непрерывной эволюции родовой структуры и продолжается с момента начала существования родовой системы.

Родовые отношения породили специфические общественные взаимоотношения. Так, именно родовая организация породила такое социальное явление, характерное чеченскому менталитету, как круговая порука. Особенно востребована она была в горной местности. Ее мотивами, наряду с убийством, могли быть: нарушение соглашения о браке, насильственное похищение, предательство, как добрачное, так и супружеское. К тому же, срока давности такая месть не имела. Были и другие обычаи, отражавшие единство родовой группы.

Неизбежный процесс эволюции рода неизбежно вел к постепенному растворению локализованных родовых групп в общину, и в XIX в. соотношение рода и общины, уже на преобладающей территории Чечни, изменилось в пользу общины, особенно если это касалось политической и экономической сфер функционирования общества. То есть, община становится основ-

ной административной и политической единицей. Инициативы начинают преобладать над интересами группы, человек все в большей степени ощущает себя членом определенной общины. Наблюдается единая общинная организация, и старейшины главы родов и составляли совет старейшин, а дружина выполняла ритуал для села в целом.

Но в сфере социальной локализованные роды продолжали сохранять свое влияние значительно дольше, и продолжали хранить, вплоть до сегодняшнего дня. Это такие вещи как заключение и расторжение брака, передача имущества по законам права, установленного на основе Конституции Чеченской Республики, вопрос о наследовании родовой земли и др., разрешение родовых и соседских тяжб и др.

И, хотя родовые институты являлись важнейшими институтами чеченцев, основой политической жизни постепенно начинают выступать сельские общины. Это связано с тем, что принадлежала ведущая социальная роль в чеченском обществе, социальной, и политической, и экономической единицей является сельская община.

Для чеченца община становится средоточием его жизни: это был мир, в котором он жил, трудился и участвовал в ритуале. То есть можно сказать, что община являлась ритуальной. Здесь все было точно определено: ритуальный статус, нормы права, основанные на принципах справедливости, и т.д. Так, в жизни чеченца, как общественной, так и индивидуальной, видную роль играли многочисленные обряды, церемонии, ритуалы, и все они носили, в первую очередь, общинный характер, выступая в качестве важного фактора сплочения члена общины. В этих вопросах вставшей выше рода. В общине было разрешено, с кем позволено брак, кому помогать, как строить отношения с односельчанами и мн. др. И, что интересно отметить, существовавшая тесная взаимосвязь различных социальных сфер. То есть родственные связи говорили о связях родственных, они же говорили о связях по ритуалу — свадебному, похоронному и т.п.

Община — это и экономическая структура, состоящая из семей, ведущих самостоятельное хозяйство, но живущих на одной территории, то есть соседскими общинной ответственностью на главное средство производства — пашбища. Здесь, как правило, сочетаются хозяйствование отдельных семей и коллективная.

Община — это и организация политическая. В первую очередь, общинные формы управления, основанные на ярко выраженный демократизм, совместное принятие решений, наличие определенного идеологического, а также политического единства общинников. Главный признак общины — это замена связей, основанных на родстве, на общинными. Они причудливо переплетались друг с другом и в первой даже облекались в кровнородственную форму. Поэтому может служить хотя бы то, что часто в общинах сохранились названия первоначальной общины.

Община — это община «вообще» и каждая ее разновидность занимает определенное место на ступенях общественного развития. Для общин чеченцев необходимо определить ее тип в зависимости от ее границ, а также, в зависимости от того, к какому общинному роду она принадлежит. Нельзя рассуждать в рамках преимущественно общинной структуры трехчленной периодизации: родовая — общинная — соседская община, то в нее не умещается все многообразие общинных типов. Не находит в ней места и общинная форма, существующая сама по себе. Если же говорить о чеченской общине, то община чеченцев должна быть отнесена к общинной. Так считают многие известные ученые — исследователи.

Община — это община, но нельзя считать чисто родовой и выше общинной общинности. Ее нельзя квалифицировать и как соседскую, так как традиционная чеченская община состоит из нескольких семей, включающая не более двух супружеских пар. Отнесение чеченской общины к соседскому

типу классовых обществ также не отражает ее специфики, поскольку соседская община классовых обществ и сельская община чеченцев, социально и экономически не дифференцированная — это абсолютно разные формы. Поэтому, на наш взгляд, община чеченцев более всего соответствует той стадии, которую квалифицируют как соседско-родовую, состоящую из нескольких локализованных частей различных родов, живущих в близком соседстве. Таким образом, жители одного села входят в одну общину, состоящую из отдельных сегментов — частей рода.

Как мы отмечали, природная и экономическая среда, в окружении которой живет народ, оказывают решающее влияние на психологию, язык, общественное устройство, образ жизни и традиции, то есть на все, что является отличительными особенностями этноса. И это является главным двигателем эволюции этносов⁷¹. Поэтому, характеризуя тип чеченской общины, мы можем придерживаться следующей типологии: «родовая, большесемейная и соседская», и использовать такие понятия, как «община горных чеченцев» и «община равнинных чеченцев». В данном случае мы имеем в виду исторические типы общин, сложившиеся у чеченцев в ходе эволюции в изолированных друг от друга условиях до начала бурных изменений XVIII—XIX вв.

Общину чеченцев, обычно, составляло село вместе с прилегающими к ней землями. Это было вполне оправдано географической разобщенностью многих поселений. Границы территории земли, принадлежащие общине, были определены достаточно точно и чаще всего проходили по какому-либо естественному рубежу: реке, горному хребту, или просто обозначались грядой камней. Всякое посягательство на чужую землю приводило к серьезным конфликтам, которые могли вылиться в кровопролитную войну.

По своей структуре чеченская община имела свои особенности. Она, в большинстве своем, состояла из семейно-родовых групп, а не из обособленных и разрозненных семей — малых или больших. Эти группы оказывались для входящих в их состав семей общностями первого порядка, а сама община — общностью второго порядка. Этот признак в большей степени был характерен

общинам горных районов, поскольку в основном эти сельские общины совпадали с родовой группой.

Из состав семейно-родственных коллективов входили в качестве члена семьи рода, локализованного в данном селе, а также пришельцы по браку, принадлежащие к другим родам в силу экзогамии. Эти группы оказывались для входящих в их состав семей общинами первого порядка, а сама община являлась общиной второго порядка. В селе обычно проживало несколько таких групп, образуя локальное единое целое. У общин, поддерживавших систему родовых отношений — имеются в виду те, что совпадают с родом — члены такой группы обычно расселялись компактно, занимая определенный квартал, который назывался «купу».

«Купа» — это экзогамная группа, локализованная в общине. Обычно она занимала подчиненное по отношению к общине положение. Но, по ряду вопросов, он обладал значительной независимостью, вплоть до того, что иногда заслоняли саму общину. Они владели своей землей — землей рода, и сплочению жителей купы способствовали родственные узы. И поскольку в общине изначально отсутствовали традиции централизованного управления, которому были бы подчинены все внутриобщинные подразделения, в ней на первый план выступали «купы», как активно функционирующий, инициативный социальный институт. От многочисленности и силы «купов» зависела степень организаторской роли общины. Они проявляли настолько значительную самостоятельность, что вполне уместен вопрос, что следует считать общиной — село в целом или ее часть — «купа». Но, вместе с тем, «купа» — это остаток рода, а эволюция, как известно, идет не в направлении смены ими общины, а, напротив, в направлении последней. И этот процесс происходит параллельно с обособлением родственных связей внутри «купа».

В поселениях чеченцев обычно проживало несколько таких групп. Поскольку у них сохранилась система родовых отношений, члены такой группы старались расселиться более или менее компактно, занимая определенный квартал села. По мне-

нию некоторых авторов, они представляли собой социально-экономические союзы определенных групп людей, связанных между собой кровным родством. Они могли приобрести столько значительную самостоятельность и порой такую действенной структурной единицей, что возвышались до значения общины как функциональной организации всего общества.

Но, несомненно, что община выступала как традиционный политический институт, члены которого были связаны между собой общими правами и обязанностями. Поэтому в селу проходит вся экономическая и общественная жизнь чеченца. Основная масса земли также относилась к общинной. Таким образом, сельская община воплощалась в воплощении общинного демократизма, индивидуализма и единства общины и рода.

Можно привести и другие примеры построения общинно-соседско-общинного коллектива. Но, в целом, чеченская община выступала как вполне стабилизировавшийся коллектив, члены которого были связаны общим управлением, правами и обязанностями. Каждая община в качестве автономной политической организации ведала такими вопросами, как пограничные споры, вопросы хозяйственной деятельности, владение землей. Каждый общинник в равной степени имел право на свободное пользование лесными участками, принадлежащими общине, а также право в лесу необходимых материалов для построек. Кроме того, общинника относились право на участие в социальном и религиозном ритуале, право быть избранным в органы общинного управления.

Были у общинника и свои обязанности: участие в общинном собрании и выполнение различных общинных повинностей, участие в общем жертвоприношении и обряды, участие в коллективных работах — «белхи», защита сел от нападения.

В качестве специфической черты чеченской общины можно выделить более сильную, чем у ряда народов, зависимость от общинных коллективов. Эта зависимость может делаться

не могли развиваться, так как ряд общин были не столь развиты в дифференциации и своих внутренних отношениях. В некоторых общинах почти не используются особые земельные подразделения и правила. И хотя член общины, и без учета разрабатывания, может иметь достаточно свободных возможностей завися от общины.

В этом случае дело даже не в земле, а совершенно в отсутствии природных условий, неразвитости средств производства, что для члена общины совершенно невозможно существование общинного коллектива. Поэтому самым страшным из нарушений норм обычного права было изгнание, а не земельные, то есть хозяйственно-экономические.

Особенной чертой общины чеченцев был и его, несколько усиленный, но лучше сказать, «спартанский» характер. Для этого народа и условиях доклассового состояния войны являлась стабилизирующий фактор. Но, если у одних народов война становилась становлению ранних деспотий, то в Чечении, где сам рельеф служил препятствием к созданию и созданию здесь постоянной системы государственной власти, войны укрепляли авторитет и влияние тех общин и родов, но только на период войны.

Таким образом войны оказывали огромное влияние. Прежде всего, они ускоряли, подталкивали выработку новых форм государственной организации. Кроме того, войны в Чечении привели к появлению рабства. Но в чеченской истории проследить ни одно из этих последствий. Это можно предположить, заключается в том, что войны носили форму периодической «охоты», носили эпизодический характер, поэтому были особенно востребованы ни организационно-управленческие отношения.

Важно также, что также была формой войны и она, как это можно видеть, давала отпечаток на воспитание юношей, на понимание его достоинства и мужские, пониманию его достоинства и на основе этнологических исследований, С.Х. Ну-

нуев пишет: «Периодически совет старейшин проверял военную дисциплину мужского населения. Делалось это таким образом неожиданно, чаще всего ночью, объявлялся всеобщий сбор. Тот, кто приходил последним, бросали со скалы. Естественно, никто не хотел опаздывать...»⁷².

Далее он приводит легенду, которая свидетельствует о том, что в чеченском обществе воспитывались не только мужество и отвага, но и высоко ценились искренняя дружба и готовность жертвовать во имя нее. «Жили два друга. Один из них был влюблен. Там случилось, что тревогу объявили в ту ночь, когда влюбленный отпрашивался на свидание с девушкой в далекий аул. Зная об этом, чувствуя, что он опоздает, друг притаился в роще, для того, чтобы пропустить вначале того, кто с опозданием придет на свидание, чтобы подойти к месту сбора последним. И, вот, наконец, примчался со свидания друг. Его хотели сбросить со скалы, но тут появился притаившийся. «Не трогайте его! Я последний!», — сказал он. Старейшины разобрались в происходящем и, говорят, оставили в живых обоих. Поэтому и сейчас, когда отношения в обществе стали совершенно дружными и приняли мирный характер, воинственный дух народа в сочетании с благородством дает о себе знать в воинственном характере танцев, песен и фольклора.

Таким образом, община — это реально функционирующая ячейка общества. Являясь системой институтов и связей, она составляла основную единицу чеченского общества и представляла собой сложный, комплексный организм, где были переплетены самые различные интересы и социальные взаимоотношения. В свою очередь, родовые коллективы были теснейшим образом связаны с жизнедеятельностью общины. Именно в их функционировании зачастую выражалось функционирование общины в целом. Так, родовые старейшины входили в состав общинного совета, составляя его костяк, участвуя в осуществлении обычного права. Между землей рода и общины не было определенных границ, эти формы переходили одна в другую.

Самой мелкой ячейкой общины являлась семья, которая выступала как основная единица при распределении земли и осу-

в отношении всего производственного процесса. То есть, для общинных институтов, как мы видим, была характерна такая черта, как полифункциональность, то есть нерасчлененность институтов по назначению функций, которые распределялись довольно строго. I ац, локализованная в конкретной общине часть рода могла играть роль экономическую, являясь владельцем родовой земли, политическую, являясь военным отрядом в случае военных действий, религиозную — ритуальную, при жертвоприношении. Отдельные семейные и родовые коллективы, несомненно, имели свои формы деятельности, но само функционирование общины складывалось из множества действий, входящих в ее состав институтов.

Нет сомнений, значение соседской общины, как политическо-экономического института регулирования, в истории народа велико. Но, все же она была немыслима без такого социального института, как род. Функционирование общины в целом все же складывалось из действий множества входящих в ее состав семейных институтов. Это базируется семья как социального института и ее соотношения с родом и общиной, большинство этнографов признает, что семья была экономически самостоятельной и лишь временно, в целях полного освоения природных ресурсов, могла обособляться в форме родовой общины. По мере хозяйственного обособления семьи родовая община переставала быть необходимой как производственный коллектив, так как препятствовала развитию частной собственности.

В результате возникла борьба между частнособственническим началом, которое олицетворялось отдельными семьями, и коммунистским, олицетворявшимся общиной и отстаивавшим общинный коллективный производственный и уравнивательный расклад, а также кровнородственными связями, которые все более отдаляются от производственных связей.

Среди всех социальных институтов семья всегда была и остается ее важнейшей социальной единицей и формой организации личного быта. А в условиях чеченского общества, еще не окончательно определившихся в своих функциях политических инсти-

тутов, семья играла роль универсального института, сконцентрировавшего всю совокупность общественных отношений. Она выступала мощным рычагом, механизмом социализации и защиты члена общества, основным каналом подключения человека к общественному целому.

Если в неразрывной связи — «семья — государство», характерной для обществ со сформировавшимся институтом государства, семья выступает как один из вариантов социализации личности, то в чеченском обществе, где институт государства отсутствовал, семья фактически сконцентрировала государственные функции, располагала довольно жесткой технологией подключения человека в общественную жизнь.

Семья чеченцев не была свободна в общей системе родственных и общинных структур. В ней тесно переплетались кровнородственные и брачные связи. Здесь фактически формировался круг общения и нормы поведения каждого члена общества. Многочисленные связывали семью с общиной, но связи с родом все еще оставались неразрывными. Все жизненные события — и свадьбы, повторяющиеся из поколения в поколение, церемонии, обряды и т.д., и различного рода инициации или конфликтные ситуации, и, наконец, просто соблюдение норм обычного права, происходило при самом непосредственном участии в первую очередь сородичей.

Связь между членами этих родственных групп выходила за рамки обычных прямых семейно-родственных связей. Его членом объединяло (да и сегодня продолжает объединять) глубокое убеждение в своей ответственности за всех членов рода. В свою очередь они расцениваются как коллективы, наделенные специфическими чертами, самостоятельными группами, способными решать свои внутренние проблемы. Членство в тейпе оказывало огромное влияние на все стороны жизни человека, который даже в отношении к дальним родственникам выполняет в принципе те же обязательства, что и к близким. А тейп, в свою очередь, обеспечивал важнейшие экономические, социальные и идеологические функции по отношению к семье — трудовая и материальная взаимопомощь, наследование имущества, ответственность за ис-

такие же обычая кровной мести, защита (обязательность круговой поруки), культовая жизнь, и, что важно подчеркнуть, экзогамия.

Но определенной степени автономности, семья, несомненно, обладала, и она была различной в разных сферах общественной жизни. Сравнительно большей самостоятельностью она обладала в сфере хозяйственной, во все большей мере становясь экономически коллективом, концентрирующей в своих руках право на землю. И надо было ожидать, что в результате этого зависимость семьи от рода и чувство долга по отношению к ним должны были ослабевать. Но, скорее всего, мы можем говорить лишь о наметившейся и набиравшей силу тенденции парцелляции, когда семья становилась индивидуальными собственниками земли. Реальным собственником всё же продолжал оставаться род в лице если не самого клана — «тейпа», то, во всяком случае, субкланов, но в большей степени — община.

Многими нитями семьи были связаны со своим родом, выступавший его ячейкой. Возьмём, к примеру, традиционную функцию семьи, связанную с наследованием имущества. Проявление этой функции непосредственно связано с линейностью общества, которая, в свою очередь, совпадает с линейностью рода. Именно линейностью определяется наследование родовой принадлежности, право собственности, передача имущества.

Одной из сторон семьи как психологической и социальной единицы людей является её сложная ролевая структура. В условиях сложного переплетения семейно-родовых и общинных отношений, половозрастная дифференциация семьи вобрала в себя всю совокупность социальной и политической жизни, отражаясь и на поведении человека, и на его положении в обществе и в сложной системе отношений между людьми.

Как известно, семейно-брачные отношения в чеченской семье складывались на основе патриархальной регламентации. Младшие подчинялись старшим, женщины подчинялись мужчинам — вот та традиционная, иерархическая лестница, которая распространялась не только в семье, но и простиралась за её пределами. Иначе и не могло быть, — подчёркивает известный кавказовед

Смирнова Я.С., ведь сама динамика семейности в Чечне многие семьи как бы осколками больших, сохранивших родовых групп, сохранявшими между собой родственные связи, и структурные связи»⁷³.

Именно чёткое распределение социальных и семейных ролей в семье способствовало тому, что все члены семьи и обществе были основаны на признании границ ролей каждому его ролю. Поэтому в чеченском обществе реально невозможен произвол по принципу «кто сильнее того и, несмотря на патрилинейность, проигрывал авторитет и влияние к женщине. А обеспечение порядка, когда власть принадлежала старшим, женщины — мужчинам, неслабая сторона общества.

Такое положение в обществе было естественно и, более того, единственно возможным, поскольку в чеченском обществе соответствовало условиям жизни. Она защищала старость, давала приют немощной старости и оберегала в трудные времена, защищала честь и достоинство человека, привносила в общество наиболее значимым ценностям и идеалам. Поэтому в чеченском обществе регулирование общественных отношений осуществлялось не государством, а всего, ложилась на семью.

Семья представляла собой не только рациональный механизм, но и единственный механизм включения человека в общественную жизнь. Уже в семье член общества приучался к тому, что в обществе, в слове, каждом поступке по отношению друг к другу необходимо соблюдать величайшую осторожность. Так, у чеченцев было запрещено давать клятву, потому что его социальный авторитет был настолько высок, что его слово считалось клятвой.

В чеченской семье не поощрялось применение физических наказаний ни в отношении старших к младшим, ни в отношении мужчины к женщине, ни в методах воспитания. В этих чеченских установках как в зеркале отражались отношения людей в обществе, где господствовал институт кровной мести, то есть возмездия и наказания за своевольное применение физической силы.

То есть отношения в семье и обществе определялись личной властью одного лица над всеми остальными, а власть

под другими, основанном, в свою очередь, на принципах равенства и справедливости. В чеченском же обществе эти функции выполнялись одновременно всеми, оставляя за главой ответственность за принятие общего решения. При этом характерные для общества личные интересы общим, олицетворявшими интересы главы семейства, определённого лица или даже определённых правил. Ни один закон современных демократических государств не в состоянии обеспечить такой уровень социального порядка.

Изучение лишь некоторых аспектов социально-политической структуры чеченского общества обнаруживает, что:

в традиционной системе общественных институтов, выполнявших в традиционном обществе как социальные, так и политические функции одновременно, общество и человек, взаимопроциркулируя и транслировали свои фундаментальные ценности, в том числе: равенство, справедливость, гуманизм; в традиционных взаимоотношениях структурных элементов общества все же определяющую роль играли родовые характеристики и мотивы, несмотря на ее усложнение, составляя основу традиционных политических, хозяйственных и культурных отношений чеченцев;

в системе переплетающихся общинно-родовых отношений наиболее отчетливо дифференцируются функции социальные, но в которых остаются кровнородственные отношения, и политические, посетелем которых становится родовая соседская община чеченцев.

Традиционная социально-политическая структура чеченского общества и основанные на них социальные отношения и семейные общности обончуживают себя в слабом развитии личной власти, подчинении воли человека воле коллектива, представляющих в качестве традиционных феноменов общинного коллективизма, нормативных установках, ориентированных на общинно-родовые отношения, единственном характере бытийности народа.

РАЗДЕЛ III

Традиция власти и подчинения в чеченском обществе

Важнейшим фактором единения и консолидации чеченского общества выступают отношения власти и подчинения. Основанное на глубоко традиционных социально-политических структурах чеченское общество представляло собой пример родовой иерархии и эгалитарной (уравнительной) этики личностных отношений.

Как известно, у чеченцев отсутствовал важнейший атрибут власти как глава общества, но, тем не менее, в лице ряда социально-политических институтов чеченцев мы имеем образец структуры общественных отношений, образующих этническое единство, образец традиционной политической культуры с характерными признаками коллективизма. Эта социально-политическая структура существовала и развивалась у чеченцев, обладая внутренней сплоченностью, тесной связью и взаимообусловленностью своих элементов, обладая способностью обеспечивать удовлетворение личных и коллективных интересов.

По системе управления, как мы рассмотрим далее, организация общественно-политических отношений чеченцев соответствовала демократической форме властных отношений, и это отличало его от народов Северного Кавказа, система политической организации которых в большинстве случаев носила авторитарный характер. Как пишет К.С. Гаджиев, «на микроуровне — в общинных, традиционных структурах, по сути, действовала внутренняя демократия, в них существовали довольно эффективные коллективистские формы и методы принятия решений»⁷⁵.

Традиции демократического управления в чеченском обществе, как проявление непосредственного общинного демократизма, реализовывалось в различных формах: в выборности органов общинного самоуправления, каковыми в чеченском обществе являлись совет страны, советы старейшин, способом коллективного принятия решений и др.

но, на первый взгляд, слово «демократия», применённое к такому обществу, может вызвать недоумение. Но, как утверждает известный политолог Ильин И.А., «...демократией сам по себе представляет лишь форму власти и его не отличает, прежде всего, от содержания, которое способно в эту форму»⁷⁶.

Признаками демократии в чеченском обществе являлись — отсутствие наследственной власти и развитых отношений социального превосходства;

неформальность принятия решений;

неформальная система формирования коллегияльных органов (Советов старейшин, Совета страны);

авторитарная этика межличностных отношений, гипертрофированное отношение к соблюдению принципов равенства;

восприятие свободы, как высшей ценности, идеала,

неуклонительное соблюдение принципов справедливости;

патриархальный тип наследования (младшему из сыновей)

и имущества (передача имущества старшему из сыновей характеризует авторитарный тип властных отношений) и др.

В этих условиях основными формами социально-политической организации чеченского общества являлись: род, семья, община. Структурное и функциональное их соотношение демонстрировало их неразрывную связь, обеспечивая системное единство этноса в целом.

Обращает на себя внимание, что чеченскому обществу было характерно крайне слабое развитие личной, персонифицированной власти. Вместе с тем, «та или иная власть нужна в любом обществе, то общество без власти не бывает...»⁷⁷. В чеченском обществе обычно главой — субъектом власти — выступали руководители Советов старейшин в пределах общин, и Совета страны (Кхап кхел) в пределах Чечни. Но важно отметить, что власть главы (или нескольких лиц) не была неограниченной, как в обществах авторитарного типа, а подчинялась воле общины, рода, и, впрочем, совпадало, поскольку основополагающие нравственные принципы были едиными для всего этноса. К тому же, она не

была и постоянной. Мнение этих лиц имело силу до тех пор, пока оно не приходило в противоречие с общественным мнением, которое было выше их субъективного мнения. То есть соблюдение коллективного авторитета является характерной чертой традиционной демократии, которое, в конечном счете, доходит до фактического отрицания личной власти.

Поэтому вполне логично встает вопрос: каким же образом может существовать общество при полном отсутствии дисциплинирующей власти? Тем более, что здесь неукоснительно соблюдались все предписания морали и права, и это находилось в полном соответствии с его правосознанием.

Строгость дисциплины, которая соблюдалась в чеченском обществе в целях обеспечения порядка, не знает аналогов в современных временных демократических обществах. То есть в лице чеченского общества мы имеем пример политической единицы, состоящей из разобщенных социальных и политических образований в виде тейповых образований, вольных сообществ, но образующих этническое целое.

Был и главный атрибут этого единства — этническая солидарность на землю, а также единые для всех нормы обычного права, которые тесно переплетались с нормами шариата. И тогда действовали и оставались обязательными для народа эти нормы морали и права, регулирующие поведение каждого члена общества, порядок поддерживался неукоснительно, демонстрируя неподдельную силу традиционной системы властных отношений.

Обеспечение социального порядка невозможно без надлежащего контроля. В так называемых, организованных открытых обществах — это приоритетная функция государства. Но, в традиционном, так называемом, закрытом обществе, каковым являлось чеченское общество, эти функции выполнялись обычным правом, нормами нравственности и культуры, укорененными в обществе и поддерживаемые традициями.

Следует обратить особое внимание на то, что чеченское общество располагало мощным и безотказным внутренним механизмом властвования, сложным комплексом ресурсов власти, ко-

Для чеченскому обществу возможность функционирования самоорганизации, саморазвития и самозащиты, а также свобода человека заканчивались там, где заканчивались интересы общества. «Во внутренней жизни оно осуществлял исполнительный механизм решений верховной власти. При исполнении решений... консолидировались все общественные силы»⁷⁸.

В то же время, здесь каждый располагал достаточной свободой, которая позволяла ему если не властвовать над другими, то, во всяком случае, не повиноваться. Однако «...народ выживал и преодолеть и пронести через все тяготы долгий путь борьбы и неудач, радостей и печалей, громадных людских жертв и величайших страданий... свою идентичность»⁷⁹ во многом благодаря умению подчиняться неписаным законам народа. Запрещение или пренебрежение к соблюдению этих законов чеченец подвергался своими же сородичами «...жестокости и несправедливому до тех пор, пока он не смочет с себя позора...»⁸⁰

Нельзя с тем, было бы наивно полагать, что традиция беспрекословного подчинения в чеченском обществе означала наличие благоприятной среды для деспотического режима, что на нем зиждился «твердой руки». Мотивация подчинения в чеченском обществе носила совершенно иной характер, была чрезвычайно сложной и ничего общего не имела с покорностью.

Во-первых, подчинение было детерминировано интересами людей, связанных между собой, прежде всего, кровнородственными связями и обязательствами, а в масштабе всего общества — интересами этноса, с которым они идентифицировали себя (потеря идентичности в тех суровых условиях выживания была равносильна смерти).

Во-вторых, власть не была персонифицирована, и чеченец политически никому лично не подчинялся. Эта черта характера этноса на уровне ментального и поныне сказывается в его политической культуре.

В-третьих, наиболее основательной мотивацией природы подчинения в чеченском обществе являлся непререкаемый автори-

тет старших. Перенести упрек старшего, подчиниться младшему, даже если это противоречит его намерениям, — не было постыдным, а, наоборот, вызывает у чеченца глубокое уважение.

В-четвертых, отношения власти и подчинения строились на основе глубокой веры в священность издревле существовавших порядков. Принцип — «так поступали наши предки» послужил для чеченцев критерием оценки любого поступка, каким бы незначительным он ни был.

Свое реальное воплощение демократизм политической организации чеченцев находил в органах выборной власти, как здесь являлись советы — страны, рода, общины, и т.д. Так, например, П.М. Сахне-Устинович в своей работе «Чеченский обычай» пишет: «Чеченцы не имеют ни правления, ни начальников, не существует где-либо чистый демократизм, без примеси всякой другой формы, то это в Чечне. Там нет различий состояния, нет ни аристократии, даже настоящей исполнительной власти.

Так всякий взрослый человек равен другому, и ни от кого не зависит. Природные способности и дарования иногда всплывают над поверхностью этого общества равенства, но не надолго. Первое соприкосновение другого, имеющего дар слова, уничтожает всю власть и авторитет бывшего любимца народа: он сходит опять в среду других, часто оскорбленный бранью и даже побоями. Первое и единственное средство к достижению некоторого уважения и власти — красноречие, которое высоко ценится чеченцами»⁸¹.

Совет страны — Мехка кхел — это древняя верховная политическая организация чеченцев. В него собирались старейшины из сельских или территориальных общин. В число старейшин входили: сельские старейшины — представители общин, почитаемые люди, ораторы.

Изучение этого органа власти чеченцев занимает значительное место в научной и публицистической литературе, начиная с XIX в. Так, на уникальность этого социального института обратил внимание Вахушги Багратиони, Семен Броневицкий, И. Понкин, Г.Вертепов, Н.Семенов, У. Лаудаев, Н.Яковлев. Отмечая необычайную эффективность его деятельности, В. Багратиони писал:

Убийства и кровосмесительство им неизвестны, если же между ними убийство, то стороны мирятся через своих старейшин.

В работе подробно рассмотрены вопросы, связанные с формированием и функционированием Мехка кхел, в работах И. Саидова, М.Манаева, С. Дауева и др. Поэтому мнение автора по поводу деятельности не выходит за рамки научных выводов, сделанных этими специалистами.

Выборный орган власти чеченцев не оставался неизменным по своему составу, социальному составу и форме руководства. В VIII—XIX вв. в них уже прочное господствующее положение занимает мусульманские алим — богословы. Их власть проявляется в период приглашения в Чечню для правления Шамиля. При нем был организован единый государственный орган Дагестана и Чечни (Диван-хана), состоящий почти исключительно из старейшин и руководителей имамата — теократического характера Шамиля. Но, как видно из того, что ему все же пришлось неоднократно часто обращаться к традиционному институту регулирования — Мехка-кхел, созданный им орган управления — Диван-хана — не имел особого успеха. Так, например, при правлении Шамиля именно Советом страны, а не имамом, был избран наиб всей Чечни — Шуаиб.

В зависимости от внутренних и внешних обстоятельств мекхка кхел являлось местом сбора Мехка-кхел, чаще всего, по принципу «от равнины и обратно». Не раз менялось его название. В начале XIX в. известному языковеду К.Чокаева, Мехка-кхел в то время назывался пхьамат, пхьегъа, цъой-пхеда, цъон-пхьам, мажказ, межли и т.д.⁸³

Если говорить о местных советах старейшин, то они обычно избирались по имени сельских или территориальных общин, к которым принадлежал. Некоторые из них временно превращались в органы управления, что на какое-то время превращало их в органы управления. Так, в своем исследовании И. Саидов приводит сообщения У. Лаудаева о широко распространенных в преданиях, приводит пример с Мехка-кхел с. Майсты, кото-

рый в древние времена славился не только мудростью старейшин, но и знанием адатов в совершенстве. Поэтому, ни тяжбы, в которых не могли разобраться в другом месте, поступали только в Майсты.⁸⁴

Местные советы Чечни были наделены достаточно широким объемом полномочий. Так, именно они могли выбирать или приглашать местных князей. Но если между ними возникали конфликты, то они же, поддерживаемые народом в борьбе против власти князей и вообще против всяческого деспотизма, незамедлительно лишали их этого титула.

Князьям ни разу на территории Чечни не удалось установить неограниченное единовластие ни в одной из чеченских территориальных общин. И даже насильственные меры по восстановлению их прав, принятые в ряде случаев со стороны России, не смогли изменить ситуацию — в организованном сопротивлении обычно участвовали как жители восставших сел, так и пришедшие им на помощь сородичи — представители рода, проживающие в других общинах. Возможно, поэтому в Чечне княжество так и не смогло оформиться как неотъемлемая составная часть социальной структуры чеченского общества.

Совету страны и местным советам старейшин принадлежала вся полнота власти в стране. По мере необходимости созывались сходы, они решали все вопросы общественного устройства. Следует отметить, что решения во многом носили авторитарный — обязывающий характер, и защита прав частного лица отсутствовала (о демократическом принципе разделения власти в чеченском обществе мы, конечно, говорить не можем). Они устанавливали, а затем и контролировали порядки землевладения и землепользования. Согласовывали нормы поведения и меры наказания за их нарушение. Решали вопросы внутренней торговли, устанавливая единицы измерения, цены на скот и прочее. Контролировали процесс образования новых поселений. При необходимости решали вопросы войны и мира, самообороны, установления крепостей, оборонительных башен. Для общественных нужд проводили сборы материальных средств и устанавливали различные обложения и повинности.

Как мы видим, чрезвычайно широк был круг вопросов, разрешаемых Советом страны и местными органами власти в Чечне. Связались они и строгостью их исполнения. Так, например, судя по некоторым данным, если решению Мехка кхел, принятому в интересах целого народа, отдельные общины не подчинялись, то эти общины могли быть полностью уничтожены. О строгой власти, которой располагали Совет страны и советы старейшин в Чечне, свидетельствует и народное изречение: «Махко динарг дисна, махкана динарг дисна дац» (решение страны пройдет, то есть имеет силу, а что сделано против нее — нет)⁸⁵.

Свидетельством развитости демократии в чеченском обществе является соблюдение принципа выборности Совета страны и советов старейшин. Выборы проводились тщательно. Для конъюнктурных манипуляций не было оснований, поскольку в XVI—XIX вв. общественные отношения чеченцев были всецело подчинены принципам равенства и справедливости. Требования были одинаковыми как для Совета страны, так и для советов старейшин на местах.

Прежде всего, избираемый должен был хорошо знать адат и шариат, являвшиеся нормами права, иметь умственные способности, выделяющие его из общей массы населения, быть честным, независимым и самостоятельным в суждениях, пользоваться авторитетом общинников. В обществе, где почитался возраст человека, важное значение имело, чтобы его не считали молодым, а зрелым, опытным.

Но, все же, самым необходимым требованием к избираемому была способность к речи, требованиями к которой были: ее продуманность, краткость, содержательность, взвешенность каждого слова, осторожность в высказываниях, бесстрастность. Поэтому искусство риторики в чеченском обществе было развито чрезвычайно. И здесь невольно обращаешь внимание на сходство, которое возможно будет квалифицировано как «натянутое», с общественно-политическим устройством Древней Эллады, в частности, полисной системой управления, где, в частности, при принятии важных социальных и политических решений огромное значение

имела риторика — искусство речи. Значение языка в общественно-политической жизни чеченцев подчеркивали многие исследователи, что дало основание для ряда дореволюционных кавказоведов сделать вывод о том, что «...если где-нибудь есть полная демократия, то она есть в Чечне»⁸⁶.

А в газете «Кавказ» автор одной анонимной статьи писал: «...Сколько удивительного и достойного изучения мы найдем в этом народе! Борьба демократизма и феодализма, характерны истинно рыцарские, герои, исполненные доблести, чести, ума и высокого красноречия, воспитание презрения всех слабостей тела и духа, которыми сила природы расположила человека — иная суровости спартанской. Условные идеи, предрассудки, обычаи, законы, совершенно выходящие за рамки обыкновенных понятий европейца. Коренные обычаи, принявшие силу закона, связывающие общество устройством, уравновесившие слабость с силою, но иногда неограниченный деспотизм безнаказанно попирает законы, а угнетенные безропотно покорялись ему из одного уважения к роду, и рядом с этой картиной — буйная вольность, не терпящая никакой степени власти. Наконец народ, не имевший письменности, передающий из рода в род в песнях историю, законы, мысли и чувствования. ... Какое богатое поприще для начертания картины прежнего быта этого народа, для размышлений о его происхождении и переворотов духовной и политической его жизни»⁸⁷.

Решение ряда важных вопросов, касающихся общественного быта чеченцев, в частности, о том — состоялись ли чеченцы в XIX в., как единая этническая общность, делились ли структура управления чеченцев на горные и плоскостные и пр., обусловлено выяснением статуса Мехка кхел: охватывал ли он все или большинство чеченских общин. Поэтому, в поисках объяснения истоков консолидации чеченского этноса мы обращаемся к выяснению вопроса: являлся ли Мехка кхел системообразующим органом, главным центром, объединяющим и местные органы самоуправления.

Известные этнографы республики, опираясь на исследования дореволюционных кавказоведов, ссылаются на неоспоримые

ности, когда централизация власти в чеченском обществе временно достигала достаточно высокого уровня. Особенно благоприятные условия для консолидации были на плоскости, чем в горах. По мнению исследователя проблемы И. Саидова, самыми важными и авторитетными центрами Мехка-кхел на плоскости в разные времена были селения: Чечен-аул, Алды на р. Сунжа, Чанг суьйра юкъ (Ханкала), Герменчуг, Дада-Юрт, Майртуп. Так, о с. Алды У. Лаудаев пишет: «Значительным аулом на плоскости в начале нынешнего столетия был Алды, он состоял из около 40 фамилий и из него же являлись испытанные вожаки»⁸⁸. Другой кавказовед пишет: «Для решения всяких спорных дел и установления условий в то время созывались наши почетные старейшины — председатели ... племен. Утвержденные постановления совета были обязательны для всех членов всех племен и исполнялись беспрекословно»⁸⁹.

Вместе с тем, нельзя игнорировать и иное мнение, которое высказывали, в частности, И. Попов, А.П. Ипполитова и др., которые, не разделяя эту точку зрения, считали, что утверждение в Мехка-кхел, охватывающего все или большинство вайнахских племен, вряд ли может найти сколько-нибудь убедительное подтверждение. На наш взгляд, наиболее обоснованной представляется следующая точка зрения:

Такой общественный порядок не имел устойчивого характера и устанавливался, скорее всего, временами, по мере усиления власти или иного местного совета, который брал на себя функции централизованного центра — Совета страны;

Это, на наш взгляд, не противоречит тому, что еще до принятия ислама здесь были достигнуты определенные успехи в формировании этнической общности чеченцев, консолидированной единой властью;

Наиболее действенным механизмом консолидации здесь все же выступали единые для всего народа принципы нравственного регулирования и единая система общественной организации;

Этот процесс, как известно, ускорившийся после укрепления ислама, позволяет говорить о становлении этниче-

ской общности, которую к концу XIX в. можно квалифицировать как этнонацию.

Одним из действенных традиционных механизмов регулирования и фактором правовых норм по реализации отношений власти и подчинения выступало обычное право чеченцев — адат: «...Основные нормы правовых отношений вайнахских «вольных» обществ, — пишет Ш.Б. Ахмадов, — и других политических образований были определены в адатах»⁹⁰.

Трудно переоценить то влияние, которое оказывали нормы обычного права (адата) в различные периоды истории чеченцев. Некоторые из них, пройдя через испытания советской идеологией, сохраняются до сих пор и продолжают играть заметную роль в жизни народа. Роль обычного права в функционировании общества обусловлена многими обстоятельствами. Прежде всего, она определяется самой спецификой обычного права, позволяющей ему играть ведущую роль в системе общественных отношений.

Следует напомнить, что правовое пространство современной России, в рамках которого пребывает и правовая система чеченцев, — явление сложное, раскрыть которое пытались, и по сей день пытаются, представители различных научных дисциплин, а также политики, журналисты, писатели. Среди причин неадекватности многих ее звеньев часто называют реформы, которые проводятся без учета социокультурной специфики России, во многом копирующие западноевропейские правовые модели. Копирование федеральных схем, в свою очередь, характерное для права и в Чеченской Республике, оторванное от традиционного права чеченцев, не имеет особого успеха, а порой даже приводит правосознание народа назад. Недооценка обычного права в формировании правосознания приобретает негативные последствия, поскольку в обыденной жизни социальное поведение человека в его отношении к тем или иным законам во многом определяется его менталитетом. Ведь «обычное право вытекает из самой природы человека...»⁹¹. Поэтому не удивительно всеобщее признание его позитивного значения, когда ученые, политики, правоведы единодушны в своих высказываниях, что актуальным об-

преодолением развития правовой системы в XXI веке все-таки можно стать постепенное воссоздание отдельных элементов местной правовой культуры.

Как известно, обычай, в широком понимании этого слова, — это устойчивые поведения, которые являются обязательными для всех членов этноса, основной регулятор отношений между людьми. Обычай в чеченском обществе строго регламентировал поведение членов общества и служил средством их приобщения к социальному и культурному опыту, накопленному предшествующими поколениями. Известно высказывание имама Шамиля о том, что «горец даже отступится от ислама, чем от своего обычая, даже если этот обычай повелевает ходить без рубахи».

Есть, адат — это обычай, сложившийся еще при первобытно-общинном строе, и сохранивший на более высокой стадии своего развития свои основные характеристики — обусловленность общественным мнением и силой рода. Это отмечает в своем исследовании «Чечни и Ингушетия в XVIII— начале XIX вв. и Ш.Б. Ахмедов: «Адаты — это обычаи, древние законы. Они создавались предками чайнахов в далеком прошлом, еще в пору первобытного общества. Но тогда они еще не были законом»⁹².

По мере развития родовых обществ, а именно, их дробления на поселения и зарождения классовых государств, адаты трансформировались в юридические нормы, защищающие интересы определенных классов. Поэтому термин «право», употребляемый даже в сочетании с «обычаем» (обычное право), казалось бы не применимо к доклассовому обществу, каковым являлось чеченское общество. Ведь право — это система обязательных правил поведения, впрочем, как и обычное право, но в отличие от него, его соблюдение обязательно должно обеспечиваться силой государства. И обычное право чеченцев, выступая действенным средством социального регулирования, так и не обрел форму юридической системы, выполнявшей функции правовой нормы. В свете этого, известный исследователь проблемы адатов Северного Кавказа А. М. Ладыженский, последователь М.О. Косвена, даже предлагает называть их «не правовыми нормами» общест-

венных отношений, характерных для родового строя всех горных народов этого региона, в том числе, и чеченцев»⁹³.

Однако в чеченском обществе, где процессы классообразования не зашли столь далеко, правовой обычай, концентрируя внутреннюю силу этнической общности, продолжал поддерживать здравый смысл и справедливость, и равенство, и отношения власти и подчинения, и свободу личности, и, в конечном счете, традиционный правовой порядок не силой закона, а силой общественного мнения. И, несмотря на мнение таких авторитетных авторов, как Ш.Б. Ахмедов о том, что «...в вайнахском обществе и даже у каждого рода (тейпа) или тукхума существовали свои адаты, которые, не имея много общего между собой, в то же время несколько отличались друг от друга и даже воплощали собой суд «по правилам закона, установленным обычаем, освященным давностью»⁹⁴ адаты чеченцев обеспечивали необходимый общественный порядок, служили фактором, сдерживающим от саморазрушения социальную и хозяйственно-экономическую сферы жизни общества и т.д. именно благодаря целостности правового поля, которое обеспечивалось ими. Опираясь на общие для этноса нравственные нормы и правила и принципы поведения, этническую ментальность, одинаковое для всех чеченцев понятие личной ответственности перед обществом, адаты реализовывали важнейший принцип социального единства — общественный порядок. Этот порядок, как основу единых принципов правовых норм, как главный этнообразующий фактор. Выступая критерием правомерности или неправомерности поведения и поступков членов общества, а также предохраняя их от неблагоприятных последствий их совершения, обычное право выступало в роли регулятора общественных отношений.

Вместе с тем, нормы адата были обусловлены конкретными жизненными ситуациями того или иного рода, тукхума, и это дает основание исследователям говорить о том, что «... все адаты кавказских горцев представляют много сходных черт и, тем не менее, каждая сельская община до сих пор строго придерживается своих домашних обычаев...»⁹⁵.

Но адаты тем и отличаются от юридического закона современных государств, что их основой является не столько принцип наказания, хотя его неотвратимость в необходимых случаях со-
ставлялась неукоснительно, а соглашение, примирение, по мере возможности, защита чести каждой из сторон. Возможно, поэтому адаты действительно мягкие, терпимые к слабостям человека обычно-
равные нормы несколько замедленно уступали дорогу для ша-
рита — жесткому, не терпящему отклонений, закону. И, как мы
уже это заметили, нормы шариата, в первую очередь, привива-
лись в таких сферах общественных отношений, где речь шла о
браковании, завещании имущества, заключении брака и спорах
между супругами и др.

Таким образом, хотя наше утверждение об однородности
обычного права чеченцев, на первый взгляд, и может показаться
противоречащим общепринятой точке зрения о раздробленности
закона, но, тем не менее, некоторая изменчивость решений, их раз-
нообразие, текучесть, обусловленная реальной ситуацией, не изме-
нили общности и единства в основном и главном. Такие ее
особенности, как кровная месть, гостеприимство, моральные нормы
привычки поведения, почитание старости, культ предков, общие
для всех традиции, обрядовая ритуальность, форма проведения
свадебки и похоронных обрядов, традиционные нормы этикета,
и многое другое, в защиту которых и действовали адаты, были
общими и едиными для этноса в целом.

К тому же, в отличие от юридического закона классовых
обществ, обычное право чеченцев являлось той внутренней силой,
которая охватывая все сферы жизнедеятельности человека, про-
двигала разум и совесть членов общества, в то время, как юри-
дический закон — это лишь внешний механизм регулирования
социальных отношений. А в роли внешней контролирующей
силы в чеченском обществе выступала мораль, которая одновре-
менно выполняла функции и формы общественного сознания, и
моральной воли этноса.

Апеллируя к нормам морали, выступая внутренним механиз-
мом регулирования, обычное право делает невозможным избе-

жать воздействия нравственного суда, суда совести. Угрызения совести были выше суда, который в современных обществах устанавливает наказание на основе действующих законов. И если в классовых обществах с развитой системой судопроизводства главная задача преступника — избежать наказания, а для этого он идет на новые преступления, нравственные ухищрения и т. д., оставаясь недоступным для правового воздействия, то в чеченском обществе регулирующую роль играло сознание ответственности, ставшее внутренней потребностью достойного поведения. Нормы обычного права, перейдя на уровень психики, в конечном счете, стали ментальной этнической характеристикой чеченцев.

Как мы видим, обычное право чеченцев, даже при отсутствии законодательно очерченных форм, обладает теми же атрибутами, что и закон. Но оно носит не внешний, формальный характер и содержит внутреннюю силу — неотвратимость наказания. И потому же, высшая цель любого юридического закона современных государств — стать обычаем, перейти в кровь и плоть народа, и не нуждаться в санкциях принуждения, то есть обрести такие характеристики, которые веками вырабатывали нормы обычного права.

В современном мире моральный фактор в общественной жизни — это абстрактное проявление чисто человеческого измерения, а моральные требования носят характер идеалов, за которыми реально ничего не стоит. Совершенно иное значение имеет моральный фактор в чеченском обществе. Здесь универсальные моральные требования имели практическую целесообразность. В условиях отсутствия писаных законов, мораль удерживала людей от опасных для общества искушений, обеспечивала самоконтроль человека даже в тех ситуациях, когда общественный контроль был затруднен. Моральные установки были предусмотрены на все случаи жизни и равноценны для всех. Поэтому не внешнее насилие, а нормативные установки на выполнение моральных принципов определяли поведение чеченцев в рамках общественной необходимости, а также полезности. «Мораль есть истинно активное регулирующее начало действия, начало, которое удерживает

«...создает совместную жизнь этноса...», — писал еще известный психоаналитик К.Юнг⁹⁶.

Нормы морали здесь обладали ярко выраженной спецификой — её предписания носили универсальный характер:

во-первых, они были применимы во всех жизненных ситуациях;

во-вторых, они регулировали не только личную жизнь граждан, но и сферу общественных отношений; и,

во-третьих, выполняли функции правового института. Но самое главное — они выступали как цементирующий материал сплочения и консолидации чеченского общества.

Конечно, моральные нормы и сегодня можно записать и зафиксировать до сведения членов общества. Но от этого они не станут нормой права, поскольку их сила, используемая обычным правом, не в этом.

Мораль, выступая в роли права, исходила из совокупности общественных отношений, была частью сложной системы социальных, политических, хозяйственных, культурных связей, сформировавшихся в обществе. Но она могла выполнять свою важнейшую функцию — регламентировать действия людей в рамках обычного права, только в условиях полного взаимодействия всех сфер общественной и личной жизни человека.

Так, возникнув в силу объективных причин как санкционированная сила общественного мнения, направленная на общественное поведение, обычное право активно взаимодействовало с обществом. В этом взаимодействии ведущая роль все-таки принадлежала обществу. Именно общество определяло содержание обычного права, нормы и принципы поведения своих членов, влияло на его развитие, а не право определяло рамки дозволенного — ведь право само по себе не могло быть выше того состояния, того уровня, которое было достигнуто обществом в социально-экономическом и духовном развитии. В этом принципиальное его отличие. Поэтому, Советы старейшин и советы старейшин, при вынесении решений на основе обычного права, исходя из многообразия жизненных ситуаций, могли принимать самые нестандартные решения.

Таким образом, обычное право чеченцев сконцентрировало в себе господствующие в обществе традиции, обычаи, моральные и правовые установки. Не вытесняя такие социальные регуляторы личных и общественных отношений, как семья, род, община, обычное право выступало стержнем единой нормативной системы чеченского общества.

Так, например, правовое регулирование семейно-брачных отношений в чеченском обществе. Брак здесь был, в первую очередь, психологическим союзом, а уж затем — социальным. Экономические интересы не играли столь существенного значения. Обычное право чеченцев предусматривало это и закрепило все необходимые правовые принципы регулирования этих отношений. Так, например, сама форма заключения брачного союза, в основном, ориентированная на брак по уводу (его разновидность — брак по уходу) кардинально отличалась от брака по сватовству, характерного для родов с формирующимися классовыми отношениями, в заключении которого мнение женщины имело второстепенное значение.

Брак по уводу демонстрировал такой основополагающий признак брачных отношений чеченцев, как преобладание в нем психологической функции, то есть чувства любви. В результате «парный брак», каковым являлся по своему типу брак чеченцев, предполагал относительную легкость его заключения, которое зависело от намерений вступающих в брачные отношения, за исключением случаев вражды между семьями, основанной на кровной мести. А также относительная легкость его расторжения, поскольку не предполагало деления имущества, как и наследования детей, которые традиционно оставались у мужчины. Общественное мнение не осуждало повторное вступление в брак, возможно, на этой почве родилась пословица: «Пусть не будет счастлива та женщина, которая не выходит замуж до тех пор, пока она не станет счастливой».

Вместе с тем, обычное право, основанное на общественном мнении, и, в свою очередь, защищающее его, особенно бережно относилось к сохранению брака и семьи. Так, фольклор чеченцев сохранил по этому поводу различные поучительные сказания

Пример, если в семье одновременно случаются два события, исключаящие друг друга — женитьба члена семьи (сына, брата и т.д.) и неожиданная смерть кого-либо в семье, то следует традиционно — «спрятав умершего»), имеется в виду, не разглашая случившуюся смерть, все же завершить свадьбу. Конечно, в реальной жизни вряд ли какая-либо семья могла пойти на это, но подобными высказываниями народ давал оценку и выражал свое отношение к значимости для общества института семьи и брака.

Или такая притча: «Встретились два всадника — один, преследовавший кровника за убийство отца (считается самым непростительным убийством), а другой — спешивший рассорить вступающих в брак любящих молодых людей. Тогда перед первым всадником встала задача: продолжить преследование, но упустив того, кто хочет помешать созданию семьи, или, упустив своего кровника, наказать ступившего на путь зла. Общественное мнение и, соответственно, обычное право, оправдывают второй вариант решения этой трудной для любого чеченца задачи.

Обычное право закрепило также социальные роли супругов в семейных отношениях в семье. Оно, в соответствии с патриархальными общественными отношениями, исходило из главенства мужчины в семье, его престижа, власти и, соответственно, — неформального признания женщины. Затем, после укрепления здесь норм патриархата, это соотношение социальных ролей в обществе полностью закрепляется. Так, до вступления в брак женщина находится под опекой обоих своих родителей, а по вступлении в брак рассматривается как объект опеки своего мужа. Мужчина — отец, а мать или опекун — представляет личные и имущественные интересы женщины при разбирательстве дел. Дети принадлежат не матери, а отцу (или его семье). Мужчина имеет право иметь сколько угодно браков одновременно, женщина такого права не имеет. Однако в том, в обязанности мужа входило обеспечение жены одеждой, жильем, одеждой и ее лечение в случае болезни. Муж, хотя и имел право наказывать жену за «дурное» поведение, но все же считалось приоритетом только ее рода по мужской линии — наказание со стороны мужа не допускалось.

Наличие норм, ограничивающих правоспособность женщины в чеченском обществе, все же не является свидетельством ее бесправного положения в семье и обществе, как принято было считать, и широко пропагандировалось советской идеологией, изображая образ «забитой горянки».

Женщина в чеченском обществе, несмотря на некоторые правовые ограничения, занимала достойное место в обществе, которое было несравнимо с ее положением в ряде других регионов мусульманского и, тем более, христианского мира (например, в России), где ее положение в обществе было строго ограничено правилами Домостроя, в котором, например, побои, как мера наказания, были общественно оправданы. Обычное право чеченцев не допускало применение силы и произвола к женщине, с какой бы то ни было стороны: отца, мужа, брата, и т.д. Как пишет в своем исследовании С.М. Джамирзаев, «женщина в нахском обществе была свободной и, соответственно, гордой. За ней могли ухаживать несколько мужчин, но окончательный выбор делала она сама».

Ссылаясь на известного кавказоведа Арн. Чикобава, он далее пишет, что «... когда такие развитые народы древности, как греки и римляне ... ушли с исторической арены, маленький чеченский народ выжил благодаря свободной и гордой женщине»⁹⁷.

Одна из центральных отраслей обычного права — право наследования имущества. Прежде всего следует обратить внимание на то, что в традиционном наследовании содержатся предписания, как это и закономерно для патриархальных отношений, средоточия функций главы большой семьи, рода и т. д., у мужчин. В праве наследования отчетливо отражены различия в статусе, связанные с полом, возрастом, семейным положением и т.д. Существует разный порядок не только наследования мужчинами и женщинами, но и в отношении самого наследуемого имущества. Вариации в наследовании были связаны с системой родства и типом собственности.

Так, например, в рамках одного хозяйства под разными видами наследования попадали родовая собственность (земля, скот, бище под сенокос, и др.), и имущество, приобретенное владельцем

самостоятельно, в результате личных усилий, в частности, домовладелец, личное имущество — одежда, личное оружие и т.д.

Но особо бережное отношение, даже можно сказать, символическое, сложилось в отношении наследования головного убора главы семейства, возможно, как атрибута власти, наследование которого должно было символизировать передачу функций умершего главы. «Снять его с чужой головы считалось смертельным оскорблением. Даже отлучаясь, мужчина мог оставить папаху (например, на пашне, и т.д.) на шесте или колу забора, давая знать, что у этой собственности есть свой хозяин»⁹⁸. Покушение на эту собственность расценивалось как покушение на честь и достоинство ее владельца. В своем высказывании по этому поводу Президент Чеченской республики Рамзан Кадыров подчеркивает, что «...культ головного убора, как женского, так и мужского, у чеченцев существовал издревле и прописан в адате. Адат — это свод этических норм, традиций и правил поведения, который с глубокой древности регулировал жизнь чеченского общества. Именно в нем заложены все особенности чеченского характера. Можно сказать, что это чеченский кодекс чести. Согласно этим нормам папка у чеченца является не только частью костюма, но и символом чести и достоинства ее хозяина. Сбить с кого-либо папку считалось невиданным оскорблением. Человек мог снять папку, оставить ее где-то и ненадолго уйти. И даже в таких случаях никто не имел права ее трогать, понимая, что будет иметь дело с хозяином»⁹⁹.

Но и в отношении самостоятельно приобретенного имущества допускалась большая свобода распоряжения — его раздел можно было произвести еще при жизни главы по собственному желанию, или распорядиться им в завещании, то ритуал наследования головного убора не выходил за рамки общепринятых норм обычного права. Головной убор (обычно папах) доставался будущему главе семейства, или, согласно предсмертному желанию владельца, дарилась наиболее уважаемому им члену рода. При этом следует уточнить, что ценность представляла не сама вещь (она не могла быть объектом купли-продажи), а честь

семьи, которая передавалась наиболее достойному, кто мог бы, не теряя, пронести ее дальше, через поколения.

Если говорить о завещании имущества, то здесь следует уточнить, что институт наследования по завещанию — явление более позднего времени, обусловленное нормами шариата. Строгая регламентация со стороны обычного права во всех сферах жизни — личной и общественной, — не оставляла для чьей-либо инициативы реальной возможности. Исключения могли быть, и в редких случаях, не предусмотренных обычным правом.

Когда мы говорим о чести и достоинстве, которое так ценилось в чеченском обществе, хочется процитировать строки из трактата Цицерона «О республике», где говорится о необходимости установления «...наказания в виде смертной казни, ... когда кто-нибудь сложил или будет распевать песню, которая содержит в себе клевету или опозорение другого»¹⁰⁰. Как и в данном случае в чеченском обществе достоинство человека ценилось особенно высоко. Уничтожение, насмешка и т.д. приравнивалось убийству. «Рану, нанесенную кинжалом, можно залечить, а рану, нанесенную языком (словом), залечить невозможно», — говорят чеченцы.

Порочение имени, клевета и оскорбления в раннеклассовых обществах относились к особо тяжким правонарушениям. На это в своей работе «Чеченская традиционная культура и этика» обращает внимание и Мусса Ахмадов. Он пишет: «...Словесное оскорбление расценивалось наравне с насилием, произведенным при помощи оружия. Поэтому любой человек держал данное слово и даже в разговоре со своим врагом избегал грубых слов и оскорблений»¹⁰¹.

Хотя смертная казнь за это не назначалась, поскольку мера наказания осуществлялась лишь в форме кровной мести со стороны потерпевших, однако разбирательства между сторонами обязательно доводились до конца. Обычно это реализовывалось в форме равного по значимости ответного оскорбления, или реже — уплатой компенсации, как правило, скотом.

Несмотря на отсутствие в правовом поле догосударственных норм поведения членов общества, предписаний наказания, а также

и устройства аппарата насилия, тем не менее, одной из характеристик, определяющих систему обычного права, и демонстрирующих неотвратимость наказания, являются особо жестокие виды наказаний, существовавших в традиционном обществе чеченцев. Примером могут служить распространенные в Чечне вплоть до XIX в. «позоряющие» наказания. Их применение в области морали носило всеобщий характер, начиная с наказания за нецеломудрие невесты, и до убийства, как добрачного, так и супружеского.

Но, что примечательно, возможно, в связи с отсутствием в традиционном чеченском обществе укрепившихся отношений индивидуальной собственности как закономерного следствия неравенности классовых отношений, в сфере обычного права мы не находим предписаний, относящихся к решению имущественных отношений, за исключением отношений наследования или наказания за воровство.

Такое место в нормах обычного права занимали проблемы юридической дипломатии. По мнению современного французского исследователя традиционного общества и его обычаев Н. Рулана, задача традиционного правосудия заключалась не в том, чтобы прибегать к заранее установленным нормам, а добиваться восстановления общественного равновесия, нарушенного каким-либо инцидентом. Такая общественная структура решает конфликты внутри группы правом, а вне ее — силой. Иначе говоря, речь может идти о правосудии только внутри группы. Спорные вопросы решаются примирением сторон»¹⁰².

Действительно, правовой обычай и нормы права, закрепленные в нем — это результат непосредственного правотворчества самого народа. И главная их задача — примирение сторон. Нормы правового обычая формировались в течение длительного времени, вошли в психику, культуру, и, в целом, в самосознание народа. И если юридическая практика современных обществ исходит из приоритета нормативного правового акта как источника права, то правовой обычай из многообразия жизненных ситуаций допускал различные варианты наказаний за кажущиеся равнозначными нарушения.

Их цель заключалась в примирение сторон. В основе таких правовых решений лежал один принцип — справедливость. Поэтому в социокультурном пространстве чеченского этноса мы имеем сформировавшееся, характерное для коллективистского самосознания восприятие правовых норм, в которых понятие справедливости стояло выше закона. Принципы справедливости были наиболее охраняемыми обществом ценностями. Весь комплекс нравственных принципов, жизненных установок был всецело направлен на защиту идеалов равенства, свободы и обеспечения справедливости во имя общей пользы.

Ещё Аристотель подчёркивал, что «...высшим благом в обществе является справедливость, то есть то, что служит общей пользе...»¹⁰³ Таким образом, справедливость составляет один из краеугольных камней любой политической системы. Не случайно даже самые тиранические режимы декларируют свою приверженность именно принципам справедливости.

Однако нравственная категория справедливости в чеченском обществе выражала иное содержание, чем те, которыми оперирует политическое мышление в современном мире. Оно было далеко от утопических представлений социальной уравниловки или с пониманием этих принципов в современных демократических обществах, где равноправие юридическое прикрывает глубокое социальное неравенство и несправедливость. Главным мотивом современной политики выступает «достижение цели, которая», говоря словами Н. Макиавелли, «оправдывает средства».

В традиционном чеченском обществе справедливость прежде всего ассоциировалась с принципом равенства. Вся система организации чеченского общества служила регулированию равноправных, а потому, и справедливых отношений между людьми. Понимаемый как равное воздаяние за свои поступки, этот принцип, обеспечивая состояние равновесия между социальными группами, способствовал самосохранению этноса.

Прежде всего он реализовывался в обычае кровной мести. Известный исследователь проблемы А.А. Гусейнов считает, что обычай кровной мести «... является универсальным обычаем».

характерным для всех народов на уровне их родового развития... обычаем, призванным сохранять состояние равновесия между группами, способствовать их самосохранению»¹⁰⁴.

В нём отразились коллективная ответственность за члена кровнородственной группы, понимания равенства и справедливости, как причинение адекватного ущерба обидчику. Не будет преувеличением сказать, что, благодаря этому обычаю, у чеченцев дольше, чем у других народов, сохранялось социальное равновесие, по сегодняшний день, не позволяющее им психологически ощущать отношения господства и подчинения в межличностных отношениях, какие бы социальные или имущественные барьеры не стояли между ними.

В политических установках чеченцев обычай кровной мести — это проявление неотвратимости наказания за своевольное применение силы, несправедливость и унижение. В нем отразилась коллективная ответственность, дух равенства, характерные менталитету чеченцев, представления народа о справедливости, неотвратимости наказания. Кровная месть преследовала в чеченском обществе цель — блокировать опасность, и обезопасить себя и близких.

В условиях отсутствия органов, защищающих право человека на жизнь, применение силы, реализуемое институтом кровной мести, становилось неизбежным и даже желательным, так как этим достигалось взаимное сдерживание, прекращалась открытая агрессия на индивидуальном уровне, обеспечивалась безопасность всех членов общества. Несмотря на то, что этот обычай был законодательно запрещен в 1920 г., но продолжает выступать реальным сдерживающим началом во взаимоотношениях чеченцев и в годы советской власти.

Кровная месть — это социально-историческое явление. Возникнув на определенном этапе исторического прошлого чеченцев, этот обычай преследовал жизненно обусловленную цель — обезопасит себя и своих близких от посягательств на честь, жизнь и т.д. В результате он выполнял гуманную роль — блокировал опасность, спасая чеченское общество от саморазрушения. С

позиций современной морали такое сочетание понятий вряд ли считается допустимым. Однако в условиях отсутствия органов защищающих право человека на жизнь, применение силы становилось неизбежным и даже желательным, так как этим достигалось взаимное сдерживание, прекращалась открытая агрессия на индивидуальном уровне и обеспечивалась безопасность всех членов общества. Поэтому мы вполне можем отнести месть и к нормам морали, и нормам права, считая её и социальной нормой, и личным мотивом. Тем более, что мораль в данном случае не делала различия между обидами личными и общественными.

Несомненно, отношения между людьми, как и у всех народов у чеченцев оценивались в категориях добра и зла, и люди в большинстве своём отрицательно относились к убийству и насилию над человеком. Однако цель перевешивала любые сомнения и поэтому отсутствовал вопрос о выборе поведения: он должен убить кровника, отомстить за семью, род в целом, иначе обида могла повторяться. То есть этот обычай был морально оправдан. Месть являлась делом чести, и никакие сентиментальные соображения не могли помешать её воплощению в жизнь.

Хотя в этом институте ярко выражена коллективная заинтересованность но, вместе с тем, он устанавливал и личную ответственность. За преступление предусматривалось суровое наказание. Самым действенным наказанием, несомненно, являлась смерть. Применялись также и такие меры наказания, как членовредительство, клятва, эквивалентный ущерб. И только тогда конфликт считался исчерпанным, и потерпевшая сторона не имела права возмездия. Но если же она пыталась совершить ответные действия, то начиналась длинная цепь убийств, которая продолжалась на многие поколения. Но до такого состояния конфликт старались не доводить.

Принцип равенства здесь проявлялся в том, что наказание в соответствии с которым виновному причинялся ущерб, должно было быть равным тому, который причинил он. Например, если человек повредит глаз какого-либо из людей, то необходимо было повредить его глаз и т.д. А после принятия здесь мусульманской

Для определения ответственности за преступление стала использоваться клятва, когда человек мог поклясться на Коране и быть недостижимым для равноценного физического наказания.

Справедливость была неотделима от милосердия. Можно даже сказать, что они были различными сторонами и основаниями нравственности. Однако суровые условия жизни чеченцев предполагали и жёсткие нравственные требования. Такие нравственные установки, как прощение обид, любовь к своему врагу — всё это оставались на уровне идеала, высшей ценностью, к которой следовало бы стремиться. Необходимость выживания была сильнее этики ненасилия.

Исторические и этнографические данные свидетельствуют о том, что действенными механизмами, регламентировавшими социокультурную жизнь в традиционном обществе, были также многочисленные ограничения, запреты, табу. Присущая табу, как регулятивному механизму, необходимость превращала его в закон. Хотя большинство табу сегодня могут показаться нелепыми, достаточно обоснованно принято считать, что в целом они были направлены на подавление и регулирование биологических инстинктов человека.

Выдающийся современный исследователь традиционных обществ И.Ю. Семенов выделяет в структуре табу три компонента: Первый компонент — глубокое убеждение коллектива в том, что если кто-то из его членов совершит определенные действия, то это неизбежно навлечет не только на него, но и на весь коллектив опасность, возможно, даже приведет к гибели всех. Второй компонент — это чувство страха или ужаса перед неведомой опасностью, которую навлекают некоторые действия людей на коллектив, и тем самым страха перед действиями. Третий компонент — собственный запрет, норма. Наличие запрета свидетельствует о том, что ни страх и опасность, навлекаемую данными актами поведения человека, ни ужаса перед ней не было достаточно для того, чтобы отвратить людей от совершения опасных действий. ... Понятие «мораль» к ним неприменимо, поскольку нарушение табу... грозило физическим наказанием, в том числе смертью»¹⁰⁵.

При этом ни эмоциональные, ни кровнородственные отношения не могли воспрепятствовать наказанию. Она была оправдана тем, что при всей своей причудливости, система табу устанавливала границу между социокультурным и животным способами жизнедеятельности. Животное начало действительно представляло опасность в обществе, где еще не сформировались государственные институты подавления и ограничения вне общественных, вне нравственных поступков. Поэтому табу — запрет, устанавливал непреодолимую стену, можно сказать, «линию силовой обороны» человека от дремавшего в нем инстинктивного, природного начала.

Одной из наиболее значимых частей обычного права чеченцев является этикет. Это и этика труда, где были строго регламентированы межличностные отношения членов семьи, и распределение между ними трудовых обязанностей, и этика проведения всяческих торжеств и праздников, соблюдение этикета общения и т.п. То есть, как пишет З.И. Хасбулатова, «... вайнахи четко понимали, каким видам отношений соответствуют те или иные нормы поведения». Так, были дифференцированы отношения между мужчинами и женщинами разных возрастов, отношения друг к другу, в соответствии со степенью родства, соседства и т.д. «...когда мы говорим о нормах поведения при выполнении тех или иных хозяйственных работ, то имеем в виду не производственные действия и приемы, а традиционные формы личных контактов и отношений вайнахских крестьян при выполнении этих работ (сюда входят внутрисемейная трудовая этика, традиционные нормы поведения в поле, на сенокосе, и.д.)»¹⁰⁶.

Одной из форм социального поведения молодежи в обществе являлся традиционный институт взаимопомощи — белхи. Это сложный по своей структуре обычай, в центре которого находилось совместный неоплачиваемый труд, основанный на коллективистских принципах общественной жизни чеченцев. Это была, наряду с такими формами добрых отношений, как «встречи у родника», приглашений на свидание в доме (обязательно близких друзей девушки) лиц («ирахь еьер» — букв. «общаться стоя»), и, конечно

во), распространенными в быту чеченцев вечеринками (синкьером), выступало формой официального, общественно дозволенного общения молодых людей. «Сюда приглашались девушки, замужние и незамужние женщины, холостые и женатые парни для общения между собой, знакомиться, определить свое общественное лицо как в процессе общения, так и в процессе трудовой деятельности. Как правило, белхи собирали по поводу лушения ковурумы, обработка шерсти, обмазке дома и т.п. Поскольку это было не только трудовое мероприятие, то оно было подходящим мероприятием для знакомств, встречи, возможности потанцевать и пошеселиться»¹⁰⁷.

Таким образом, обычное право чеченцев традиционно выступало фактором общественного развития, внутренней силой, поддерживающей здесь правовой порядок. Поэтому неудивительно, что вновь и вновь не только ученые, но и само общественное сознание все чаще обращается к вопросу о необходимости возрождения правового регулирования на основе обычно-правовых норм.

Вместе с тем, обращаясь к традиционным истокам правового регулирования чеченцев, говоря об этом, как о «возвращении забытой традиции», трудно связать это стремление с каким-либо конкретным правовым институтом. Являясь способом регуляции нравственных и межличностных отношений, обычное право на протяжении всей истории его развития продолжает оставаться наиболее устойчивым традиционным фактором общественно-политических отношений чеченцев.

Так, еще в условиях советской действительности многое в правосознании и общественном мнении чеченцев продолжало создаваться нормами обычного права. Прежде всего это касалось поддержания примиренческих норм между ними. При этом применение традиционных обычно-правовых норм было возможно лишь при попытках разрешения конфликтов на бытовом уровне, когда совершались неумышленные преступления, и, как правило, могли быть использованы для примирения сторон. То есть, когда стороны были в состоянии решать конфликты, не обращаясь к юридическим правоохранительным органам. Но если хотя

бы одна из сторон была не довольна итогом переговоров и разрешению конфликта традиционными нормами, следовало обращение в правоохранительные органы.

Администрация советского государства, осведомленная о традиционной правовой практике примирения, нормах компенсации при примирении конфликтующих сторон, вынуждена была признавать наличие и правомерность данного факта, хотя это и выходило за рамки идеологического и правового поля тоталитарного режима. Например, сохранились архивные данные о решении исполкомов ряда местных Советов Чечено-Ингушской Республики по поводу размера калыма за невесту, установленного старейшинами села, за пределы которого не разрешалось выходить. Допускались различные варианты примирения кровников, которое совершалось вне советских законов (но не в нарушение их). Использование обычно-правовых норм наблюдается и при несогласии с решением официальных судебных или иных правоохранительных органов по конфликту или спорному вопросу одной из сторон, втянутых в конфликт.

Современная демократия, с ее принципами народовластия свела «на нет» и то минимальное следование народным обычаям, которое позволяло себе тоталитарное общество. А тот подъем традиционной социокультурности, который наше общество пережило в 90-е гг. XX в., ввиду его искусственного характера так и не дал ожидаемого результата, лишь продемонстрировав тщетность попыток неумелого вмешательства в традиционную культуру общества. Конечно, сегодня, возлагая определенные надежды на позитивный потенциал обычного права, следует иметь в виду, что нормы адата не могут воспроизводиться в любое время и в любых условиях в своем первоначальном виде и в полной мере.

К тому же, нельзя не согласиться, в какой-то мере, с тем, что чрезмерная увлеченность нормами обычного права может обернуться обособлением этносов на территории России, являющихся субъектами Российской Федерации. А возможно, приведет к росту национализма, а, в конечном счете, к политической децентрализации. Поэтому вопрос о легализации норм обычного права

может быть решен положительно лишь при соблюдении необходимой разумной пропорции норм обычного права и фиксированных законов Чеченской Республики в рамках правотворчества Чеченской Федерации.

Вместе с тем, следует исключить отношение к обычному праву, как пережиточному институту или проявлению этнической отсталости. Реставрация традиционных норм общежития должна воспроизводиться как неотъемлемая часть самобытной национальной культуры, способной к созиданию и творчеству.

Реальным шагом социокультурного возрождения этноса стала бы письменная фиксация систем обычного права чеченцев в максимально полном объеме, то есть сведение его норм в «Свод положений обычного права». Его создание и постепенное интегрирование в правовую систему, прежде всего, отвечает практическим нуждам правосудия. Вместе с тем, исключительно велика научная значимость этих документов: запись норм обычного права открыла бы еще одну завесу над богатой духовной и правовой культурой чеченского этноса.

РАЗДЕЛ IV

Традиция межэтнических отношений как фактор политической культуры чеченцев

Этническая психология и самосознание чеченского народа неразрывно связана с ее историей. Свойственное им уважение к предкам, глубина исторической памяти, зафиксированная не только в письменных источниках, но и в исторических преданиях, генеалогиях, эпосе во многом обусловили формирование таких ярких ментальных качеств народа, как защита родной Земли которую чеченцы бережно называют Даймохк (Земля отцов) Нана-мохк (Мать-земля).

Защита Земли — территории своего обитания, стало и условием формирования этнического единства, и одновременно фактором межэтнических отношений. Ведь постоянная оборона своей территории от вторжений со стороны иных племен и народов выработывала у этноса способность к объединению. И именно в этом процессе в сознании народа выработывалась мысль о существовании общей, одинаково важной для всех ценности Родины-Земли, составлявшей источник их жизни и развития.

Мысль об абсолютной ценности своей Земли выступала как объединяющая и вдохновляющая сила, и превращалась в постоянный элемент этнической памяти народа, оформляясь в традиционные представления, образы и символы, поскольку подобной типа идеи, как социокультурные архетипы, человек получает по наследству от предшествующих поколений на уровне бессознательного. Они глубоко заложены в сознание человека, и поэтому импульсы, вызываемые ими, чрезвычайно сильны.

Несмотря на отсутствие системы государственного управления, мысль об абсолютной ценности земли веками выработывалась в национальном самосознании чеченцев в процессе многовековой борьбы за ее неприкосновенность. На всех этапах своей многотрудной истории они с одинаковым упорством защищали ее от посягательств многочисленных и сильных врагов. Обращение чеченцев к родине-матери, как к высшей ценности, по сегодня-

важный день сохраняется как устойчивый компонент национального самосознания, как отражение его самобытного характера.

Одним из наиболее значимых условий формирования самосознания чеченцев выступало коллективное право на землю. И в целом вся совокупность социально-политической организации чеченцев была обусловлена отношениями собственности на землю. Поэтому формы собственности на нее оказывались тем самым аспектом социальной структуры, в которой в первую очередь отражаются все изменения, происходящие в общественной жизни народа, поскольку право на землю — это, одновременно, фактор этнического самосознания и политической культуры, это и фундаментальная основа, и основа правовых отношений в обществе. Благодаря праву на землю реализовывались и всячески поддерживались коллективистские отношения в обществе, и на этой же основе складывалась специфика социальной структуры чеченского общества.

Поэтому логично представить ее как одно из звеньев следующей цепи: среда обитания — характер хозяйства — право на землю — социальная структура общества — правовое регулирование в обществе — политическая культура — национальное самосознание. В данном случае право чеченцев на территорию своего обитания предстает как фактор политической культуры общества, в том числе и в вопросах, касающихся межэтнических отношений.

Но, прежде всего, следует обратить внимание на то, что в чеченском обществе так и не возникла потребность в выработке четких правил индивидуального владения землей. Земля с точки зрения чеченца не может быть личным владением. Возможно, это было вызвано тем, что в историческом прошлом, до периода разложения родовых отношений, у чеченцев, в принципе, не стояла столь остро проблема нехватки земли. Но, все-таки, это не было вызвано и ее избытком. Причина скрывалась в другом.

Собственностью для чеченца являлась не столько земля, поскольку возможности владения для него были достаточно ограничены родовыми и нарождающимися общинными отношениями,

сколько средством поддержания жизни — пищей и прокормом домашнего скота. За пределами этой функции земля ценностью не представляла, главным образом потому, что она не могла быть средством купли-продажи, а потому — и личного обогащения. Связанная с родовым владением, а затем — с естественной сакральной участков в пределах общины, осуществляющей контроль над распределением наделов, эта форма землевладения не позволяла члену общества относиться к земле, как к собственности. Впрочем, если бы общине удалось бы сохранить свой контроль, если бы не переделы земли — каждый участок не задерживался в одних руках дольше двух-трех лет, после чего возвращалась в коллективный фонд общины.

К тому же сам характер труда способствовал поддержанию его общинного характера. Концентрация общинной земли в руках отдельных семей заставляла членов общины придерживаться одних и тех же сроков в посеве и сборе урожая, а зависимость от атмосферных явлений заставляла общинников прибегать к взаимопомощи, что нашло выражение в традициях ярко выраженного общинного коллективизма чеченцев. Об этом свидетельствуют многие традиции народа, и они всесторонне рассмотрены в трудах местных исследователей¹⁰⁸.

Эта форма землевладения отражалась в преобладании коллективных форм общественной жизни чеченцев, и, соответственно диктовала свои правовые нормы. Именно с коллективной формой землевладения связано отсутствие здесь экономической иерархии, которую, как правило, формирует отношение различных слоев общества к земле. Соответственно, отсутствовала и политическая иерархия и правовые категории владения, так как для этого не существовало достаточно четко сформулированных оснований. Если кто и мог выступать владельцем земли, так это община, как родовая, так и соседская. Поэтому мы можем говорить лишь о нормах взаимоотношений между членами общины и самими общинами по поводу владения землей. Вместе с тем, права общины на землю лишь отчасти следует квалифицировать как владение, так как передача земли производилась обычно только среди своих же

общинников, и она не уходила из традиционного коллектива. Чтобы получить землю, необходимо было войти в состав общины и даже в состав одного из родов общины.

Таким образом, права общины на распоряжение земельным фондом также были ограничены системой традиционных связей и обычаев. Это право владения постепенно со временем, но уже достаточно отчетливо к XIX в., в связи с распространением парцеллярного типа хозяйства, переходит к семье.

Необходимо добавить, что земли многих общин по своему происхождению представляли собой земли того или иного рода, существовавшего здесь ранее. Когда-то такой род занимал определенную территорию — землю, образовывал ее. В дальнейшем, по мере усложнения родового состава за счет представителей других родов, положение с землей менялось, и поначалу род оставался действительным землевладельцем, а остальные только пользовались землей.

Но, постепенно, неравноправие между ними стиралось, и земля начинала осознаваться уже не как родовая, а как общинная, то есть как земля, на которую имеют равные права все жители данного села, независимо от их родовой принадлежности. То есть в основе общинной земли лежала родовая земля, которая как бы выросла из родовой собственности. Так обстояло дело в старых селах, где родовая организация оставалась ведущей. В более новых селах, которые были основаны позже, земли сразу же признавались общинными. То есть в сфере землевладения общинные порядки всё более накладываются на родовую структуру, способствуя переходу чеченского общества на новую, более развитую ступень общественно-политических отношений.

Поэтому коллективная форма землевладения определяла, соответственно, и нормы взаимоотношений, диктуя отношения равенства и справедливости. С коллективной формой землевладения связано отсутствие у чеченцев экономической иерархии, основанной на различиях в отношении тех или иных слоев общества к земле. Поддержанию коллективистских отношений способствовал сам характер труда. Концентрация владения землей в

пределах общины заставляла людей бок о бок придерживаться одних сроков в посеве и сборке урожая, а зависимость от атмосферных явлений заставляла их прибегать к взаимопомощи. Это нашло отражение в традициях, обрядах и ритуальной жизни, фольклоре.

Несмотря на отсутствие классических форм владения землей, в чеченском обществе, в самосознании чеченцев все же преобладали представления о «своей земле» — «Земле отцов» (Домохк). Она выступает как атрибут этнической целостности и прослеживается в контексте их общественно-политической жизни. Прежде всего, в характере межэтнических связей и политических отношений.

Но в какой бы форме ни шел процесс вызревания этнической общности чеченцев, важнейшим атрибутом социально-политического единства была собственность чеченцев на землю, собственность на территорию своего обитания, которую, несмотря на отсутствие института государства, они защищали в разные времена и с одинаковым упорством. Они хорошо осознавали, что народ без своей земли не может считаться народом.

Как известно, специфической чертой общины горных народов вообще считается их отчётливо выраженный военизированный характер¹⁰⁹. Многие исследователи обращают внимание на функциональную роль войн в истории обществ в период перехода к классовому состоянию¹¹⁰, когда на определённом этапе развития человечества они способствовали ускорению развития этносов и подтолкнули вызревание у них тех или иных форм государственной организации.

В жизни чеченского общества во все времена действительно важную роль играла необходимость защиты территории своего обитания от посягательства других этносов. Вся многотрудная история чеченского народа наполнена примерами смертельных схваток с завоевателями за свободу и независимость. В различные времена чеченская земля оказывалась под ударами завоевателей, которые приходили со всех сторон света. «На территории Чечни побывали древние греки, скифы, сарматы, гунны, хазары

арабы, татаро-монголы, полчища Тамерлана и Крымского хана, турки, горские евреи, персы. Под прикрытием внешних сил господствовали аланы, черкесы, кумыки, лезгины и т. д.»¹¹¹

Как мы видим, чеченскому народу приходилось защищать свою Родину в борьбе с многочисленными завоевателями. Многие народы, воины которых побывали на территории Чечни, оставили свидетельство их позорной гибели. И, как следствие устойчивой закономерности, у чеченского народа выработался соответствующий стереотип мышления, ориентированный на свободу и независимость, хотя речь и не могла пока идти о государственной независимости.

Этот фактор, носящий скрытый характер, оказывает генерирующую роль политических, идеологических идей, увлекающих за собой массы людей, которые в большинстве своем и не понимают истинного смысла происходящего. ... Отдельные этнические группы, ... привязанные своими корнями не к чеченскому народу, а каварам: персам, туркам, черкесам, ногайцам, тавлинам и т.д., в моменты, когда во весь рост встал вопрос о новом переделе мира и расширении географии влияния, ориентируются на свою историческую родину или этническую общность¹¹².

Многочисленные топонимы оставили свидетельства позорной гибели тех, кто посягал на земли древних чеченцев. Здесь есть кладбища турков, калмыков, черкесов, хазаров и т.д., что говорит о том, с кем в своей истории приходилось сталкиваться чеченскому народу. «За последние 200—300 лет против чеченцев было применено столько хитрости, подлости, коварства в целях лишения его исторической памяти, культуры, этнического самосознания и даже физического существования, что вряд ли такого испытал какой-либо другой народ. Все это делалось под прикрытием самых «гуманных» лозунгов: газавата, свободы, независимости и т.д.», — пишет С. Дауев¹¹³.

Чеченское общество, согласно обычаю гостеприимства, признавало как равного того, кто изъявлял желание войти в него. Совершив соответствующий обряд, чеченские тейпы радушно принимали представителей любого народа. После этого они находи-

лись под защитой принявшего их тейпа и являлись его полными равными членами.

В период войны достаточно аморфная структура чеченского общества приобретала характер системы и организованности. В военном конфликте чеченцы всегда достигали высокой степени мобилизации. Например, в период военных действий на Кавказе под предводительством имама Шамиля. Кроме того, они показывали способность вести длительные военные действия, используя приёмы военного искусства и проявляя образцы мужества, а постоянная угроза войны побуждала их к сплочению. Видимо поэтому и сейчас воинственный дух народа даёт о себе знать во многих сторонах жизни: в воинственном характере традиционных танцев, песен, фольклора.

Как мы видим, этнополитическое становление чеченцев как консолидированного этноса в XV-XVIII вв. протекало через освоение плоскостной территории, что приводило к определенным противоречиям и к конфликтам с соседними народами, также имевших притязания на эту территорию. Соперничество со стороны сильных в военно-политическом отношении соседних превратили «мирное пастушье племя чеченцев» в «самое суровое и воинственное племя Кавказа»¹¹⁴, а общины, не входившие в состав феодальных владений, были объединены в мелкие и крупные военно-политические союзы.

В условиях постоянной угрозы потери свободы и этнической идентичности (достаточно вспомнить татаро-монгольское нашествие в XIII в.), народ был поставлен в условия необходимой обороны, что способствовало выработке им достаточно продуманной системы военной дисциплины. Так, по этому поводу С.-Х. Нуруев пишет: «В горах существовала четко продуманная система оповещения о появлении врага. На вершинах гор, в четкой видимости друг от друга, были построены каменные сигнальные башни. При появлении в долине кочевников на вершине башни зажигался костер, дым от которого предупреждал об опасности. Сигнал эстафетой передавался от башни к башне, таким образом дымящиеся башни означали тревогу, подготовку к обороне»¹¹⁵.

Сама терминология опасности, прочно вошедшая в лексику чеченского этноса, свидетельствует о постоянной тревоге, в состоянии которой вынуждено было пребывать чеченское общество. Так, призыв о помощи у чеченцев («орцахдовла!») означает «идите ко мне на помощь», как это следует ожидать и действительно характерно подобной терминологии многих народов, а «уходите в горы», то есть «спасайтесь».

В чеченском языке прочно бытуют слова, отражающие существование у чеченцев необходимой системы самообороны. Так, в чеченской лексике есть слова: «хой — стражники, гъашлой — пастуха, дошлой — всадники, пхъарчой — лучники, меченосцы, чурхой — копьеносцы, гъамахой — меченосцы, бъахой — командир отряда, сурхо — командир полка, дивизии, баъча — предводитель отряда»¹¹⁶.

Таким образом, войны накладывали определенный отпечаток на все сферы жизнедеятельности чеченского народа, на его традиции, быт, взаимоотношения, этикет. Особенно это касалось воспитания юношей, к которым общество относилось как к потенциальной военной силе, призванной защитить его. Поэтому центральное место среди духовных ценностей народа занимала традиция воспитания мужества и физической выносливости мужчин, исключительно порицались предательство и трусость. Поэтому в период войны достаточно аморфная структура чеченского общества приобретала характер системы и организованности. В военном конфликте чеченцы всегда достигали высокой степени мобилизации. Например, в период военных действий на Кавказе под предводительством имама Шамиля. Кроме того, они показывали способность вести длительные военные действия, используя приемы военного искусства и проявляя образцы мужества, а постоянная угроза войны побуждала их к сплочению. Видимо поэтому и сейчас воинственный дух народа даёт о себе знать во многих сферах жизни: в воинственном характере традиционных танцев, песен, фольклора.

Вместе с тем, ставить вопрос о значимой функциональной роли войны в развитии чеченского этноса вряд ли представляется

уместным. Домыслы обывателей, а сегодня — и журналистов, и политиков о чрезмерной воинственности чеченского народа также несколько преувеличены и во многом беспочвенны. В общественном мнении о чеченцах есть даже попытки приписать им так называемое «набеговое хозяйство», как основной источник их существования.

Чеченский народ ни по характеру социально-политической организации, ни по характеру жизнедеятельности не принадлежал к типу этносов, функционирование которых было основано на грабеже соседних народов, когда войны превращались в постоянный промысел. А имевшие место набеги, в основном, на соседние казачьи станицы, носили эпизодический характер и, можно сказать, были взаимными. Эти эпизоды в их отношениях не накладывали в целом негативного впечатления на добрососедство. Фольклор народа сохранил примеры красивых родственных отношений, которые возникали между семьями казаков и чеченцев.

Казачьи и горцы оказывали положительное влияние друг на друга в течение многовековой совместной жизни — в хозяйственной области, строительстве жилища, одежде и пище, в танцах и песнях и даже в складывании антропологического типа, так как совместные браки были самым заурядным явлением среди них. Так, один из героев рассказа Л. Н. Толстого «Казачьи» признаётся, что «...теперь наш народ вырождаться стал. Вся наша родня — чеченская: у кого бабка, у кого тётка чеченка была...» Как пишет Хасбулатова З. И., «...живя между чеченцами, казаки усвоили обычаи, образ жизни и нравы горцев, черты их поведения»¹¹⁷.

Неоспоримое свидетельство их, в основном, добрососедских отношений — это тейпы русского происхождения, ассимиляции которых произошла настолько всесторонне, что сегодня лишь только в шутку могут намекнуть представителям этих тейпов, что они русского происхождения.

Чеченцы — один из немногих народов Кавказа, который никогда не вёл войны за захват чужих территорий. Достаточно убедительным свидетельством тому, на наш взгляд, является от

сутствие у чеченцев политической системы, обслуживающей интересы войны — военной организации в совокупности с установившейся политической властью военных предводителей. Создание на Северном Кавказе, в том числе и на территории Чечни военно-теократического государства под руководством имама Шамиля не имело соответствующей социальной почвы и поэтому с его пленением бесследно исчезло, в корне чуждое менталитету чеченского народа образование.

Кроме того, в Чечне не было специализации населения по изготовлению оружия, хотя в период Кавказской войны здесь, как и в Дагестане, были созданы и какое-то время функционировали центры по производству огнестрельного и холодного оружия. Как пишет в своём исследовании Х. Х. Рамазанов, в этот период «...главным государственным центром по производству оружия стал аул Ведено...», то есть речь идёт о резиденции имама Шамиля, где были построены небольшие оружейные заводы. И далее автор отмечает, что «...вблизи заводских строений жили рабочие, большинство из которых составляли беглые нижние чины царской армии»¹¹⁸.

Поэтому, определяющей, социально-психологической, регуляторной основой функционирования общества являлась не врождённая агрессия по отношению к другим народам, как это сейчас пытаются приписать чеченскому народу, а, вполне закономерная в тех условиях, дихотомическая ментальная схема — «они» и «мы», которая переходила в состояние войны только в случае угрозы его независимого существования. То есть при отсутствии государства активную солидарность в обществе обеспечивала ненависть к «чужакам» вообще, то есть потенциальных претензий на их порабощение, на их земли. Совершенно справедливо отмечает политолог и известный политический деятель постсоветского времени Абдулатипов Р. Г., «предрассудки и крайности исторически всегда существовали, когда речь шла о разных народах, культурах и религиях. Здесь оценки «свой» и «чужой» проявляются гипертрофированно»¹¹⁹.

Нет сомнений, что время этой схемы давно ушло. Но эта традиция, как врождённый архетип, всё ещё продолжает прояв-

лять себя, и только включение чеченского общества в мирный интеграционный процесс будет способствовать её преобразованию.

В целом, менталитету чеченца характерно толерантное, терпеливое и бережное отношение к чести и достоинству других народов и уважение тех же качеств, проявленных к себе. Свидетельство тому — принципы и нормы поведения, ориентированные на добрососедство, оказание помощи и др.

Так, многовековыми были традиции совместной борьбы чеченцев и других народов Северного Кавказа с общими внешними врагами. Как пишет профессор Гапуров Ш. А., «...вместе с кабардинцами защищали пограничные рубежи Русского государства от персидских и турецких вторжений... В XVII веке ингуши и чеченцы совместно с кабардинцами вели борьбу с ногайскими кочевниками, совершавшими частые набеги на Кабарду, ...успешно защитили Сунженский острог от иранских войск»¹²⁰.

И это несмотря на то, что завоеватели, исходя из изначального предположения о всеобщей враждебности горцев друг к другу, не раз пытались натравить их друг против друга. Однако многовековые традиции добрососедства и взаимной помощи в борьбе северокавказских народов за свою свободу не раз демонстрировали беспомощность таких планов.

А если говорить о тесных культурных, религиозных, экономических и военно-политических связях населения Чечни и Грузии в эпоху раннего средневековья вплоть до начала опустошительных набегов орд монголо-татар и Тимура написано в ряде научных работ. Эти работы проливают свет на тот факт, почему на территории Чечни и Ингушетии так много следов, связывающих их с христианской Грузией той эпохи.

Наиболее дискуссионной является тема о взаимоотношениях Чечни и России. Она вызывает интерес политиков, исследователей, уже начиная с прошлого века. В ее решении можно выделить два подхода. Один из них, получивший наибольшее распространение в постсоветский период, исходит из того, что эти отношения

... частью строились на конфликтах, чем на мирных диалогах. Что, якобы, они стали важнейшим препятствием прогрессивного развития чеченского общества, и оказали пагубное воздействие на формирование всего общественного и политического уклада чеченцев. Как мы знаем, на ее обоснование была брошена интеллектуальная сила окружения сепаратистов.

Другая точка зрения, с которой следует согласиться, исходит из того, что, несмотря на противостояние, обострявшееся время от времени, русско-чеченские отношения оказали прогрессивное воздействие на процесс развития чеченского этноса. При этом, отнюдь не потеряв важное значение советским социалистическим преобразованиям в Чечне, не отрицается факт, что они не способствовали развитию политической культуры народа в целом, не сформировали навыки государственного управления и т.д. Такой точкой зрения придерживается в основном вся научная элита современной Чечни.

Как пишет известный исследователь проблем истории чеченского народа Хамзат Адамович Гакаев, «в историческом прошлом чеченцы и ингуши не раз сражались вместе с русскими за общие интересы своего Отечества. История хотя нас и ссорила, но и роднила.

Так, в «Слове о полку Игореве» друзья советуют князю идти в горы, к чеченцам, где он может получить приют и сподвижников. Рядом с Мининым и Пожарским в освобожденную Украину входил и князь Черкасский, кровью породнившийся с турками. С армией Наполеона сражался и генерал Александр Ермоловский. Чеченцы вместе с Суворовым переходили Альпы, а в Крым полками защищали Россию в русско-турецких войнах, а русский генерал О. Чермоев стал героем русско-турецкой войны 1877—1878 гг.»¹²¹.

Контакты вайнахов с русскими, казаками оставили свой след и в чеченском фольклоре. Контакты эти были разные, но в целом способствовали развитию культуры, работали на прогресс. Один современный чеченский писатель, не оставивший своего имени, писал, что чеченцы и ингуши, «как и всякие соседи, ссорились и мирились, угоняли скот

и дарили лихих скакунов, менялись оружием и торговали хлебом, похищали девушек и пиروвали на свадьбах, запоминали имена кровных врагов и братались с кунаками»¹²².

Дружба между чеченцами и русскими, безусловно, приводила к взаимообогащению их материальной и духовной культуры. Первый чеченский этнограф У. Лаудаев писал: «Основан на плоскости аулы, чеченцы и ингуши в тот час воспользовались выгодами, которые могли, из земли своей. Подражая русским, они заменяют свои горские сохи плугами; производят правильное хлебопашество и по этой отрасли промышленности превосходят прочие племена окружающих стран»¹²³.

Обряд куначества (дружба, братание) широко распространялся между казаками и вайнахами. «Дядя Ерошка прост был, ничего не жалел. Зато у меня вся Чечня кунаки были. Придет ко мне какой кунак, водкой пьяного напою, ублажу, с собой спать уложу, а к нему приеду, подарок свезу», — вспоминает о своей молодости один из героев повести Л. Толстого «Казачьи»¹²⁴.

Основой развития хозяйственно-культурного взаимовлияния между чеченцами — с одной стороны, и русским населением Терека в лице казачества — с другой, была реальная взаимная заинтересованность, возникшая в процессе укрепления многонационального соседства.

Большую роль в укреплении дружественных связей с чеченцами с казачеством сыграли многочисленные переселенцы из Чечни. В казачьи городки и крепости бежали десятки семейств (из-за кровной мести, и т. д.). Число таких перебежчиков было очень велико, что придавало особый колорит казачьим станицам в укладе жизни, в обрядах, песнях, и танцах. В свою очередь и казаки бежали в горские аулы и оседали там, что привело даже к образованию целых ветвей (гаьр) русского происхождения в чеченских тейпах.

Важной предпосылкой для взаимодействия двух народов, кроме переселений, являлись горские обычаи гостеприимства и куначества. Так, куначество было прекрасным народным обычаем, способствовавшим безопасности контактов и постоянной дружбе.

По словам Л.Н. Толстого, куначество у чеченцев состояло в следующем: «Чтобы стать кунаком, то есть другом, по обычаю купцо, во-первых, обменяться подарками и затем принять пищу в доме кунака. И тогда по древнему обычаю этого народа... становишься друзьями на живот и на смерть, и о чем я ни попросил его — деньги, его оружие, все то, что у него есть самого драгоценного, он должен мне отдать, и, равно, я ни в чем не могу отказать ему¹²⁵. Искреннее стремление чеченцев и казачества к дружбе и добрососедским отношениям, развитие политических, экономических контактов приводили к обоюдному знанию языка. Чеченский язык содержит память об этих добрососедских отношениях во многих взаимствованных словах¹²⁶.

Логика развития исторических событий свидетельствует, что процессы укрепления политических связей и тенденции сближения чеченского народа с Россией были необратимыми. Эти связи для народов Северного Кавказа все более становились политической необходимостью. Огромную роль в укреплении русско-кавказских отношений играл постоянный, крайне полезный для народов рост торгово-экономических связей.

Как известно в период с XVI в. по первую половину XVIII в. доминирующим процессом в рамках внешнеполитических отношений России в регионе было ирано-турецкое соперничество, сопровождавшееся войнами и периодическими переделами сфер влияния. Это во многом определяло политические отношения, которые складывались между Чечней и Россией, как с народами Северного Кавказа в целом.

Россия по началу не включалась напрямую в военно-политическое противоборство с другими державами, но реализовала политику, позволившую ей постепенно наращивать влияние и укреплять свое присутствие на Северном Кавказе. Это было началом длительного процесса покорения Северного Кавказа, с момента первых политических контактов, например, черкесского посольства в Москве в 1552 г., и до окончательного включения Чечни, как последнего оплота независимости Северного Кавказа, в состав Российской империи после завершения Кавказской войны в 1864 г. Это

были тяжелые для чеченцев 300 лет, когда в чередовании дипломатических мирных соглашений и ожесточенного противостояния с мощным северным соседом складывались такие черты национального самосознания, как этническое единение и консолидация.

На этом длительном историческом отрезке, в котором прослеживается определенная направленность эволюции русско-кавказских отношений, среди которых все более значимую роль приобретают вольные сообщества чеченцев, выделяются три крупных этапа, различающихся характером и интенсивностью установления связей.

Первый этап — с середины XVI и до начала XVIII в. укладывается в рамки Московского периода российской империи. В эти годы сама инициатива сближения зарождалась в феодальных верхах народов, где происходило интенсивное формирование классовых обществ. Так, устойчивые систематические связи с Москвой на этом этапе наладили Кабарда и ряд дагестанских феодальных владений. Это взаимное сотрудничество прежде всего, поддерживалось наличием внешней угрозы, а также общностью феодальной социально-политической структуры. Первые попытки в этом направлении делают и общества чеченцев. И в течение этого длительного исторического периода русско-кавказские отношения были наполнены непрерывными посольствами — кабардинскими, грузинскими, дагестанскими, осетинскими, в том числе и вайнахскими¹²⁷.

В 50—60 гг. чеченцы неоднократно обращаются к кавказской администрации с просьбой принять подданство России, присягают на верность. Так, в 1778 г. принесли присягу алдинцы и получили высочайшее повеление переселиться на р. Сунжа у слияния с ней р. Гойты, в 1779 г. гехинцы поселились на подвластной России территории, считаясь подданными российскими. И к 1780 г. на верность России присягнули почти все общины Чечни¹²⁸. Так, постепенно, в процессе исторической и политической практики взаимных, чаще всего, добрососедских, отношений, закладывались основы традиции политических связей между чеченским обществом и Российским государством.

При этом социальные и цивилизационные системы многих северокавказских народов, в том числе и чеченцев, сохраняли традиционный характер. Однако многие из этих этносов уже имели сходство черт феодальной социально-политической организации, и это делало возможным их взаимное понимание. Этот период насыщен фактами подписания грамот и присяг, в которых оформлялось подчинение этих народов царю.

Второй этап этих взаимоотношений обычно связывают с петербургским периодом российской империи, и охватывает весь XVIII в. В этот период нахождение дипломатического языка во взаимоотношениях с народами Северного Кавказа становится все более затруднительным. Это было обусловлено тем, что в государственно-политической системе России происходят серьезные изменения — возникает бюрократическое государство, которое все больше заявляет о себе на международной арене в качестве достойного партнера и противника европейских держав.

В то же время на Северном Кавказе сохраняется традиционная социальная и политическая организация. Разрыв уровней социокультурного развития России и многих народов Северного Кавказа, и в первую очередь, чеченцев, с их самобытной общественной организацией, еще основанной на родоплеменной структуре социальных отношений, не мог не вызывать противоречий и в сфере политического взаимодействия.

Поэтому вторая половина XVIII в. стала переломным этапом в русско-чеченских отношениях. Хотя процесс добровольного перехода в русское подданство целого ряда феодальных образований и вольных обществ Северного Кавказа, в том числе Дагестана, Ингушетии, Осетии, продолжался, в Чечне в 1785 г. начинается первое заметное на политической арене Европы движение — национально-освободительное восстание под предводительством шейха Мансура из селения Алды.

Но уже в начале XIX в. стали складываться предпосылки международных, геополитических — к прямому покорению народов Северного Кавказа. Прежде всего, подавление горцев в этом военном противостоянии создала для России новую геопо-

литическую ситуацию, которая позволяла ей приняться за окончательное и полное присоединение тех северокавказских земель, которые оказались со всех сторон окруженными российским влиянием. Кроме того, Россия окончательно укрепилась в Грузии и присоединила Северный Азербайджан.

Такое «удачное» накопление предпосылок военно-силового противостояния с российской стороны, в конечном счете, привело к длительной, изнурительной и бесславной для обеих сторон Кавказской войне, которая и определила третий этап российско-кавказских отношений.

Главным просчетом политики царизма, считают исследователи¹²⁹, заключалась в том, что была определена задача — усмирение или истребление непокорных народов. Специфический образ жизни, обычаи, психология народа, обусловленные во многом отсутствием здесь такого объединяющего института властных отношений, как государство, требовали высокой степени дипломатии, терпения и времени.

«Русское правительство, спешившее поскорее навести порядок на Северном Кавказе, и посчитавшее излишним глубоко вникать в местные тонкости, решило попросту разрубить мечом гордые узлы горской политики. Но вместо решения проблемы оно получило Кавказскую войну...», — пишет исследователь В.В. Дедюгов¹³⁰. С другой стороны, для горцев «подчинение чьей-то постоянной, чуждой власти означало катастрофическое крушение всего миропорядка, потерю органичного мироощущения и самовосприятия. Отсюда и уровень непримиримости»¹³¹.

Это вооруженное противостояние окровавленной раной вписалось в историю чеченского народа, и в этот ответственный для формирования чеченского этноса период оказало огромное влияние на его мировоззрение, дав новое дыхание и еще более укрепив в его этническом самосознании дихотомическую систему — «они и мы». Эта система родоплеменных обществ по сегодняшний день всплывает в генетической памяти чеченцев, время от времени обретая те или иные исторические образы, становясь серьезной помехой объективным интеграционным процессам.

Традиционная социально-политическая бытийность чеченского общества накладывала отпечаток на межэтнические отношения чеченцев и с иными народами. Так, известное у чеченцев гостеприимство проявлялось не только в межличностных отношениях.

Как мы уже отмечали, чеченское общество по своей структуре было неоднородно и его, как мы уже говорили, составляли около полусотни тейпов, значительная часть которых — это родо-племенные образования, сохранившие ментальные черты этносов, представители которых в разные исторические времена по тем или иным причинам оказывались на территории Чечни. Это обстоятельство наложило свой отпечаток на этнический состав населения и породило до сих пор сохранившуюся этнополитическую структуру чеченского общества.

Судя по разнообразию мозаики этих этнических образований, в разные исторические времена чеченцы гостеприимно брали под свою защиту представителей этнических общностей Кавказа, и, тем более, Северного Кавказа. При этом нет исторических свидетельств тому, что этот процесс протекал бы болезненно. Даже наоборот, чеченское общество, следуя традиционному обычаю гостеприимства, принимало как равного того, кто шёл не с попойкой, а хотел найти здесь убежище и жить с ними в мире и согласии, и считаться чеченцем.

Известно, что национальные традиции, частью которых являются политические традиции, развиваются одновременно с национальным самосознанием. Здесь существует тесная взаимосвязь. Так, например, осознание своей этнической принадлежности неотделимо от национальной гордости — приверженности к своим национальным ценностям: языку, территории, культуре, обычаям. Как правило, оно присуще только устойчивой политической общности людей и выражается в осознании людьми своей нации, как общественного целого, а себя — неотделимой его частью.

Несмотря на то, что отсутствие у чеченцев традиции самостоятельной государственности обусловило понимание ими политического единства, как единства этнического, где ведущую роль

играет фактор кровного родства, процесс формирования политического сознания, как составной части этнического самосознания чеченцев шёл одновременно с развитием и обогащением его традиций, и наоборот. В советское время этот процесс несколько ускорился. Однако наложение новых традиций не только не разрушило традиционный образ этноса, а в какой-то степени способствовало его большей консолидации.

Идеалы равенства, коллективизма, приоритет не экономических, а нравственных начал во взаимоотношениях людей, характерные советскому образу жизни, совпадали с представлениями чеченцев об общественных отношениях. А создание своей государственности (советской социалистической автономии в рамках Российской Федерации) придало этим процессам статус хотя и формальной, но все же политической организованности.

На взгляд автора, именно в этом кроется секрет неподдельного патриотизма чеченцев, проявленного им в условиях советской действительности и в суровые годы Великой Отечественной войны. Просчёт теоретиков фашизма заключался именно в том, что в их захватнических планах ставка делалась на родоплеменную раздробленность чеченского народа, на его незрелое национальное сознание, на то, что «... адаты и мусульманские законы ещё крепко держат в руках большую часть населения и повиновении и это во многом облегчает задуманную акцию»¹³³.

Но с первых же дней войны обнаружилось просчёты планов военного командования фашистской Германии найти опору и поддержку в лице чеченского народа. Период Великой Отечественной войны, участие чеченского народа в достижении великой победы нашел отражение в фундаментальных исследованиях таких ученых, как Абазатов М.А., Ошаев Х.Д., Гакаев Х.А. и др., и на этих страницах истории по известным причинам хотелось бы еще раз обратить внимание.

Так, беспримерным был подвиг, совершенный воинами-чеченцами в защите Брестской крепости, которая находилась на пути главного удара наиболее мощной группировки немецко-фашистских войск. Он нашел свое освещение в работе Халида

Опасна «Брест—орешек огненный», в которой чеченские и ингушские воины предстают исполненные мужества и отваги, непреклонные в борьбе за победу.

Как известно, задача захвата крепости была поручена хваленной 45-й армейской дивизии, год назад бравшей Париж. Однако крепость не удалось захватить ни через два часа, как это планировалось, ни через двенадцать дней, ни даже через месяц. Среди защитников крепости было свыше 200 сынов Чечено-Ингушетии. Многие пали смертью храбрых. Только из одного чеченского села Старые Атаги здесь погибло 16 воинов¹³⁴.

С первых же дней войны в Чечено-Ингушетии проходила мобилизация в ряды Советской Армии. «С просьбой отправить в действующую армию обращались участники митингов и собраний, которые проходили на всех предприятиях, в государственных учреждениях, научных и учебных заведениях, во всех селах и станциях Чечено-Ингушетии.

В результате уже в июне — начале мая 1941 г. свыше 17 тыс. тружеников записались в народное ополчение, из них около 50 процентов — чеченцев»¹³⁵. И уже 1-го июля 1941 года в газете «Правда» сообщалось о боевых подвигах танкиста, капитана М. Мазаева, совершённых им вблизи г. Перемышль. В тяжёлых боях на подступах к Волге завоевал себе бессмертие пулемётчик Х. Нурадилов. Мужество и отвагу в боях с фашистами проявил снайпер, бывший учитель, М. Амаев. Об отважном воине А. Идрисове писала в апреле 1943 года «Вечерняя Москва».

Немало бойцов чеченцев сражалось в партизанских отрядах по вражеском тылу в Белоруссии. В партизанском отряде имени Л. В. Суворова боевую славу заслужил З. Ахматханов¹³⁶. Образцы героизма проявили в боях с гитлеровскими полчищами летчики Д.К. Акаев, А.Г. Ахмадов. Бесстрашным воином показал себя на полях сражений Х. Магомед-Мирзоев, до призыва работавший директором Алхазуровской средней школы¹³⁷.

Однако уже в начале марта 1942 года без всякой видимой причины представители чеченского и ингушского народов были лишены права на защиту советской Родины, воины этих нацио-

нальностей отозваны из действующей армии, а награды и боевые отличия воинам-чеченцам задержались на долгие годы и даже десятилетия.

Так, с первых же дней войны в самых горячих точках боевых действий находился отважный сын чеченского народа Мовлади Висаитов, командир 255-го отдельного Чечено-Ингушского кавалерийского полка, а звание Героя Советского Союза, к которому он заслуженно был представлен лично Рокоссовским, было присвоено ему лишь в мае 1991 г., уже после его смерти¹³⁸.

Поэтому, когда, на основе скурых цифр делаются поспешные выводы о том, что у чеченцев всего пять героев Советского Союза¹³⁹ а в соседних республиках — до несколько десятков, нельзя забывать насильственную депортацию чеченцев и ингушей в Среднюю Азию и Казахстан в 1944 г., где они пребывали в течение долгих 13 лет до своей реабилитации.

Таким образом, важнейшим атрибутом национального самосознания народа оставалось чувство Родины, основанное на собственности территории своего обитания. «Земля отцов» в сознании народа полностью идентифицировалась с понятием «нохчо» — «чеченец». Вот поэтому во все времена идея защиты Родины оставалась важнейшей духовной ценностью народа. В годы советской власти это понятие уже стало идентифицироваться с понятием Страны советов в целом.

Глубокое чувство любви к Родине и привязанность к родной земле не имели для народа ни временных, ни пространственных измерений. Согретый светом надежды, этот образ продолжал оставаться ядром духовной культуры чеченцев и в годы их насильственной депортации в 1944 г. Рассеянные по степям Казахстана, Киргизии и Сибири, чеченцы передавали его своим детям и внукам, и у каждого, кто родился в условиях ссылки, глубоко и навсегда запечатлелись пронизанные глубокой скорбью и надеждой рассказы старшего поколения о неповторимом по красоте и благодатном крае. Его фольклор сохранил яркие образы бережного, если не сказать святого, восприятия «Земли предков». Поэтому вряд ли представляется возможным языком

овучного анализа отобразить всю глубину трагедии изгнания с родной Земли — «Даймакках вакхар».

А на Родине коммунистический режим яростно стирал саму историю существования Чечни. Для этого менялись названия населенных пунктов и районов. Чечено-Ингушская Республика была переименована в Грозненскую область. Уничтожались архивы, сжигались книги об этих народах и на языках этих народов, срывались древнейшие памятники культуры и архитектуры. Так, согласно сведениям, опубликованным в последние годы, было взорвано около 1000 жилых и боевых башен, культовых сооружений и склепов¹⁴⁰.

Примечательно, что лишение мест своего исторического проживания, ограниченность или затрудненность, а порой и полное отсутствие внутриэтнических контактов, не привело к потере народом того, что веками объединяло их. Это кровнородственные связи, ответственность друг за друга, взаимная поддержка и помощь. И, что особенно парадоксально, как отмечают очевидцы, это чувство национального единения, как отражение его национального самосознания, в этот период нечеловеческих испытаний, наоборот, еще более обострилось.

В сфере медицины есть такое явление, когда организм в период болезни включает все свои внутренние резервы. Можно сказать, что чеченский народ в борьбе за свое этническое выживание мобилизовал силы и задействовал резервы, о которых ранее, в более благоприятных условиях, возможно, и не подозревал.

Национальное самосознание чеченцев неотделимо от его исторической памяти. Историческая память чеченского народа, как впрочем, любого народа, насыщена трагическими воспоминаниями. Для чеченцев она пополнилась еще одной страницей, когда народ, помимо великих испытаний, познал цену жестокого вероломства, предательства. Эта рана, эти страдания уничтожаемого народа запечатлелись в его мышлении вызывая глубокий трепет и обиду до слез, временами препятствуя объективной оценке перспектив дальнейшего развития.

Трагизм заключался и в том, что в отношениях чеченцев с другими народами — русскими, грузинами, осетинами, дагестан-

РАЗДЕЛ V

Свобода и традиции в чеченской традиции

«Изменить можно все,
кроме врожденных качеств...»

Томас Джефферсон

Свобода — одно из фундаментальных понятий человечества, одно из вечных и незыблемых духовных ценностей. Филологи считают, что слово «свобода» восходит к санскритскому корню *sva-* (своя), после самого слова — человек, это одно из самых прекрасных слов в языке человека. Слово «свобода» само по себе, но, в то же время, оно хранит в себе много тайн для людей таким же загадочным явлением, как любовь и другие формы бытия.

В течение существования тысячелетий многие из проявлений свободы считались благом. Даже величайший ум античности считал предоставление людям возможности выбора и заблагорассудится, признаком неправильных действий. А некоторые цивилизации вообще не знали свободы, но она была синонимом от власти и общества вообще. В древности иероглифов нет обозначения феномена свободы. Это понятие принесли европейские христианские философы в XIX в. Китайское общество исходило из принципов коллективной и политической иерархии и построения общества на основе таких принципов, как уважение старших о младших и полное послушание старшим, а также неотвратимость наказания за нарушение этих предписаний¹⁴⁵.

В Китае и отрицании свободы зашла тоталитарная система, основанная на советской модели идеи «казарменного режима». Идеологи этого режима отождествляли свободу с преступлением, самым низким состоянием человечества, обратной стороной которой могут быть только преступления и несчастья.

Сегодня, когда демократия провозгласила демократическую свободу, она продолжает оставаться одной из высших соци-

окультурных ценностей, подавляющее большинство из них предпочитают поменьше свободы, особенно политическую, на материальное благополучие, безопасность и порядок. И это можно объяснить.

Такое отношение к свободе свидетельствует о недостаточности значения этой ценности духовной культуры человека. Но речь идет не только о том, что они ставят под сомнение социальную ценность демократических общественных отношений — демократию, как систему организации свободы в рамках государственного устройства. Тем не менее, стало очевидно, что демократия может претендовать на универсальность реализации свободы лишь в узких аспектах общественной свободы, поскольку вполне совместима с отсутствием государственной индивидуальной свободы. Ведь не секрет, что важнейшим элементом неотъемлемым для демократии является понятие равенства в сфере свободы, предполагающий равное право граждан на участие в делах государства. Вместе с тем, та же демократия не может запретить ее ограничение с помощью экономических, политических и других ресурсов, объясняя это всецелым развитием государства и экономики.

Но, тем не менее, свобода остается сложным и противоречивым феноменом общественной культуры XIX века, притягательность которого сохранится, и тем не менее, и остается одним из основополагающих идеалов культуры человечества. Как отмечает К.С. Гаджиев, «необходимо обратить внимания на тот факт, что при всей разнородности и противоречивости самих идей свободы и равенства, как основополагающих принципов человеческого существования, определены значения этих понятий с помощью какого бы то ни было одного всеприменимого, не менее четко установленного понятия, трудно, если не невозможно»¹⁴⁵.

Вновь поднимать вопрос о сущности свободы, возникший в восторженной в недавнем прошлом — дело по своему характеру это вполне объяснимо, ведь именно идея свободы, «идея свободы», превратилась, по словам основоположника теории «перестройки», в «идею, которая привела наш народ к неисчислимым страданиям и потерям. Но, возможно именно поэтому, идеология перестройки

и эфирности, следует на рациональном уровне дать ответ древожному чеченской традиции.

Важность исследования проблемы обусловлена также тем, что во всех аспектах нравственных и социально-политической общественной жизни чеченцев ключевое место занимает свобода. И на протяжении столетий представления о свободе сдерживали политическую духовность чеченского общества: она была здесь и общественный порядок, и безопасность, и свобода выступала гарантом реализации принципов справедливости общественных отношений. Все ценности общества соизмерялись только с ней, что нашло отражение и в языке, и в фольклоре народа, и в традициях. Представления о свободе чеченцев содержат в себе колоссальный нравственный заряд.

«Свободным», «возвращайся свободным» — таковы самые распространенные пожелания чеченца чеченцу, характерные для культуры. Именно с ней соизмерялись все явления в обществе по принципу — если кто-то или что-то делает кому-то свободу, посягает не только на всякое нравственное, но и на физическое.

Свобода, необходимое чувство свободы — вот фундаментальный элемент менталитета. Самим рождением человек приходит на свободу. Самый незащищенный младенец уже рождается свободным. «Мать — это исток и гарант свободы» — почти всегда пишет о чеченцах исследователь Я.В. Чеснов¹⁴⁶.

Важно и феномену свободы в чеченском обществе — это феномен. Поэтому мы не можем не процитировать высказывание по этому поводу писателя, известного поэта и драматурга Аюдова. Так, он пишет: «О том, что эта ценность ценнее людьми выше всего, свидетельствует традиционное чеченское поверье, которым чеченцы обмениваются при встрече:

«Свободу тебе (свобода для тебя)», — говорит начинающий

«Свободу от Бога да будет тебе» (свобода от бога да будет тебе)», — отвечает другой.

«Приходи свободным», — говорит уходящий остающимся, «иди свободным», — слышит он в ответ¹⁴⁷.

Свобода — категория и социально-политическая, и психологическая, и нравственная. В то же время, эта категория историческая, поскольку в процессе развития общества неизменно менялась, и каждую новую эпоху развития человеческого общества раскрывалась все новыми и новыми гранями. Она претерпела длительную эволюцию: от отрицательного, агрессивного понимания свободы в традиционных обществах «от кого-то», ведущее к противостоянию и войне со всеми «чужими» (как, например, запоздалые всплески поиска свободы в чеченском обществе в 90-е гг.), до положительного, прогрессивного понимания свободы «для чего-то», ведущему к толерантному восприятию многообразия жизни.

Несмотря на фундаментальный характер исследования проблемы в работах таких мыслителей, как Н.А. Бердяев, В.С. Барулин, Э.В. Ильенков, Г.Д. Левин, Д. Лукач, М. Мамардашвили, Ж.П. Сартр, П. Сорокин, Э. Фромм, К. Ясперс и др.¹⁴⁸ в своей попытке дать оценку феномена свободы мы обнаружили, что ее интерпретация в современной социальной философии в целом связана с некоторой неоднозначностью и незавершенностью ее осмысления. К ней все реже обращаются исследователи, и надо полагать, проблема свободы теряет не только свою социально-нравственную, но и научную притягательность. Авторы учебников ограничивают формулировку свободы, как осознанной необходимости.

Логика ретроактивного поведения чеченцев в конце XX в еще раз выявила неопровержимость факта, что духовная культура — это самая консервативная сфера общественного сознания народа. Развитие ее определяется не только успехами в политической и экономической сферах. У нее свои, внутренние механизмы действия. Поэтому мы обратились к еще одной — психологической интерпретации феномена свободы, основанной на открытиях З. Фрейдом бессознательного в человеке¹⁴⁹.

Психоанализ, подрывая представления о самосознании, привнес в новое понимание феномена свободы: признание фунда-

ментальной роли бессознательного в процессе формирования сущностных качеств человека придало свободе изначально иллюзорный характер. Это дало возможность переориентации исследований с вопросов о границах свободы на вопрос о самой возможности существования свободы как таковой.

Таким образом, в большинстве своем авторы склонны или лишать феномен свободы его социально обусловленного характера, по крайней мере, в реалиях современных обществ, или подводят к мысли о том, что свобода пребывает в духовном мире особым образом и носит неоднозначный характер.

Вместе с тем, высказывания, отрицающие свободу или ставящие под сомнение сам факт существования реальной свободы, как явления психологического, социального, и тем более, политического, также противостоят, поскольку расходятся с исторической и социально-политической практикой, реальной деятельностью личностей и целых народов, ценою жизни добивавшихся свободы. Далеко не последнее место среди них, как мы знаем, занимал и чеченский народ.

Сравнительный анализ различных позиций по поводу феномена свободы, а также социокультурных реалий, в рамках которых формировались представления о свободе, характерные чеченскому этносу, подводят к пониманию этого феномена, как одной из фундаментальных родовых характеристик общественной жизни. Этот подход предполагает интерпретацию свободы, как возможности сообщества создать для своих членов условия, в которых каждый сможет быть таким, каким он хочет быть.

В подобном толковании проблемы не существует исторических рамок, поскольку этот процесс обусловлен самой природой человека, как существа общественного, коллективного. К тому же, достаточно объективно объясняет глубинные истоки исключительной живучести и природу неподдельной тяги человека к свободе. И, как ни парадоксально, хорошо осознавая на уровне рационального мышления, что за этим стремлением в условиях глобальной интеграции современных обществ фактически ничего не стоит¹⁵⁰.

Но свобода не может мыслиться исключительно в отношении отдельно взятого человека или отдельно взятого народа. Свобода в соотношении с «другими»: народами, индивидами. Человек — это часть общества, народ — часть мирового сообщества. Нарушение этой гармонии приводит к потере человеческого достоинства, а этнос ведет к самоизоляции, и соотв. тенденциям. Творческая, созидательная деятельность человека или народа не совместима с долговременной изоляцией, самоограничением в рамках собственного политического и нравственно-психологического бытия.

Таким образом, мы подошли к пониманию свободы как высшей ценности, как идеала, облагораживающего личность человека и общества, как к качеству, наполняющему смыслом жизненную повседневность, на уровне которой мы вошли в XX в. Свобода, являясь одним из ведущих духовных образов сознания чеченцев, несмотря на их традиционную религиозность, продолжает мотивировать поведение людей. И как всегда, в первую очередь по собственному опыту, наиболее активно свободная жизнь начинает высвечиваться в сознании нашего народа в периоды национально-политических кризисов, обусловленных разрывом традиционных связей и, в первую очередь, разрывом связей носителей этих связей, и нарушением сопутствующих когнитивных и рациональных процессов.

В чеченском обществе, являющемся сообществом традиционных образований — тейпов, регулируемых сложившимися нравственными принципами и нормативными требованиями, мы помним: по мнению исследователей, признавая, что этнос достиг высокого уровня развития любого этноса), проявляя уважение к благовоспитанности, совестливое и уважительное отношение к другу, член общества оставался равным среди равных и свободным. К тому же, в своем сообществе человек был защищен от посягательств со стороны других обществ на земле, которую также гарантировало ему свободу. Поэтому для него не было ничего ценнее, чем сохранить эту свободу, и поэтому в экстремальных случаях он был готов бороться ценою собственной жизни.

...но чеченцев всегда ощущало себя внутренне сво-
...они бы суровыми ни были условия жизни, по край-
...то время, когда во время выселения они жили в
...внешние всяких прав... «но была одна нация,
...не поддавалась психологии покорности — не оди-
...тарии, а вся нация целиком. Это — чеченцы. ...
...нигде не пытались угодить или понравиться
...не всегда горды перед ним и даже открыто враж-
...новит А. Солженицын в своей известной работе
...ГЛАВГ»¹⁵¹.

...знаем, 90-е гг. поставили народы бывшего советс-
...перед необходимостью самостоятельного решения
...крупной противоречий, обусловленных развалом со-
...вой политической системы: отсутствием реальной
...экономических, социальных отношений, бесси-
...и движений и т.д.

...следует учесть, что массовое сознание советского
...рамками одной коммунистической идеоло-
...от понимания объективных законов обществен-
...и перспектив дальнейшего развития чеченского
...Нашему, ни конституционный закон, ни властные струк-
...представления и установки людей о меха-
...и собственном месте в политической жизни, о разных
...определяли политическую ситуацию в республике.

...наиболее близкой и понятной была идея свободы.
...сознание, вернувшись к традиционным
...прежним ее смысловое наполнение в рамках
...параду мифологем — «мы и они», «свои и чужие»,
...прага». Без особого труда были найдены и пове-
...депортация 1944 г., репрессии в отношении к
...ошибки партократии, и иные трудности, которые, в
...характер в масштабе всей многона-
...в страна,

...образ свободы, не подкрепленный конкретными
...о его цели и содержании, вне перспектив его

реального воплощения. По крайней мере, ни в одном из официальных положений новоявленных властных структур не была очерчена ни одна из характеристик «провозглашенной» ими свободы.

История развития человечества накопила различные модели свободы. Одна из них — борьба за свободу, когда человек или этническая общность вступает в открытый и часто непримиримый конфликт, стараясь добиться своих целей любой ценой. Это трудный и опасный путь, чреватый тем, что в такой борьбе можно утратить все другие, не менее важные ценности, и даже попасть в худшее подчинение. Есть путь достижения свободы бегством от мира, когда человек, будучи не в силах обрести свободу среди людей, бежит в мир, который творит сам, обретая статус отшельника, монашества, а в условиях тоталитарного режима — диссидента, возможны и другие варианты.

Современное понимание свободы демонстрирует способность цивилизованного человека или этноса действовать в соответствии со своими интересами и желаниями, но находясь в обществе «других», не противопоставляя себя им, и выполняя общие для всех предписания и нормы.

Две последние модели, в силу причин, о которых мы упомянули ранее, оказались для чеченского этноса неприемлемыми. Поэтому менталитет чеченцев вновь обрел свое воплощение в модели, выработанной в условиях родоплеменных отношений и упомянутой нами первой.

Итак, свобода — продукт родоплеменных общественных отношений чеченцев. Кроме понятия свободы, чеченский этнос сохранил в своей ментальной схеме многие характеристики родоплеменной бытийности. Это такие социальные институты саморегулирования, как кровная месть, взаимная порука и др. Кроме того, родовыми являются и такие характеристики, как активность, воспроизводство себя на своей собственной основе, самодостаточность, то есть способность рода охватить все сферы и обеспечить свое независимое существование.

Как известно, самостоятельность рода раскрывается в независимости от какого-либо внешнего влияния. Род представлял

собой целостную совокупность, то есть упорядоченную взаимосвязь и взаимодействие. И если перечисленное нами — это специфические характеристики общественного бытия рода, то интегральная его характеристика — это свобода. Поэтому наиболее емко сущность родовых связей воплотилась в представлениях о свободе. Именно она пронизывала общество, одновременно охватывая и сферу нравственности, и сферу общественной жизни, и сферу межличностных отношений и т.д.

Еще не определившиеся границы территории обитания, нескончаемо оспариваемые иными родоплеменными объединениями, не сформировавшиеся политические связи, аморфная социальная структура вынуждала к четкому разграничению «своих» и «чужих», исключительно по родовому признаку — принципу происхождения. Согласиться с любым проявлением влияния со стороны «чужих» — значит потерять свободу. Эта характеристика родовых общественных отношений, как отражение силы родовых объединений чеченского общества, стала ментальной особенностью чеченцев, определяя на все последующие времена его социальную и политическую направленность.

Необходимым условием организации родового общества и существования людей являлся труд с целью создания материальных благ, то есть, созидательная деятельность человека. Это условие существования любого общества, но специфика трудовой деятельности в родовом обществе заключена исключительно в его коллективности, возможности самореализации лишь в общественной группе, где индивид располагал свободой для всестороннего развития индивидуальных способностей. Именно в условиях действительной коллективности, только при включении в коллективные общественные отношения, член общества обретал желанную свободу. И стоя на страже этой свободы — для себя, членов коллектива и своих потомков, он готов был жертвовать самым дорогим — жизнью.

Таким образом, в родовом пространстве исторического развития понимание свободы сводилось к достижению возможности для максимальной самореализации, как высшей ступени созидания

ния и творчества. При этом сама по себе личная независимость еще не гарантировала самореализации человека, то есть его свободы. Свободная индивидуальность была неотделима от свободного общества, самодостаточного по своему содержанию, независимого от «других»¹⁵².

Напомним еще одну характеристику родовых объединений — это неперенное поддержание внутренней активности социальной общности с целью самосохранения в борьбе с окружающей средой, в процессе адаптации к природно-климатическим условиям, а также в воспроизводстве своей общности. На этом уровне развития этнос вынужден находиться в состоянии постоянной активной деятельности, проявления которой носят, как правило, защитный характер. Иначе говоря, постоянная борьба за выживание (а выживать чеченцы, как мы знаем, научились), гарантом которой выступает свобода — вот те центробежные и центростремительные силы, определившие суть формирования этнической общности чеченцев.

В реализации этой функции свобода все также ограничивалась категорическим неприятием «врагов», в число которых попадали все «не свои», а «другие». Такое восприятие мира вырабатывалось естественное в данных условиях враждебное отношение к любой иной культуре, носителем которой выступали их «враги», неприятие нравственных ценностей иных этносов, языка, обычаев, и, в конечном счете — вера в исключительность всего того, что связывает «своих людей».

«Мы» и «они» — такова исходная ментальная схема этого общества, и, по общему мнению исследователей, наиболее агрессивная форма свободы. Это была свобода от «кого-то».

По мере дальнейших преобразований, неизбежно сопутствующих процессам формирования этноса (политическая, духовно-нравственная и, в какой-то мере, социальная консолидация, то есть формирование общественной целостности, в противоположность достаточно размытым, аморфным представлениям этнической идентичности в родовом обществе), необходимость в подобном восприятии свободы постепенно ослабевает.

Свобода, из категории неперемного условия общественного бытия людей, каковым оставалась в родоплеменных сообществах, постепенно переходит в категорию духовных ценностей — в нравственный идеал. Теперь уже социальное значение свободы можно определить только через функциональную сущность идеала, но уже прослеживающуюся не в бытийной повседневности, а в периоды общественных кризисов и потери обществом перспектив дальнейшего развития. То есть, как идея развития, с помощью которой можно объединить общество в периоды потери ею интегрирующих социально-политических и экономических связей.

В связи с этим, проблема свободы обрела иные параметры, обусловленные спецификой свободы уже не как феномена социально-политического, а как духовно-нравственного явления: значение, которое приобретает свобода в той или иной исторической реальности, соотношение идеала свободы и реальной действительности, и, наконец, принципиальная возможность, или невозможность, реализация идеала свободы.

Здесь уместно вспомнить слова М. Хайдеггера по поводу сущности свободы, как цели современных демократий: «...Свобода не заключается ни в разнузданности своеволия, ни в связанности с абстрактными законами. Свобода есть та озаряющая тайна, в просвете которой веет стерегущий существо всякой истины покров и из-за которой этот покров кажется утаивающим. Свобода — это область судьбы, посылающей человека на тот или иной путь раскрытия тайны»¹⁵³.

Такую же оценку свободе дает и Ф. Достоевский: «...Если исповедовать свободу без внутреннего самоограничения, она неизменно приведет к распушенности. Ведь человек, хотя и является существом нравственным, все-таки преследует собственные эгоистические цели и интересы. А справедливый общественный порядок, несомненно, должен содержать предписания и запреты, ограничивающие свободу этой человеческой природы»¹⁵⁴.

Вот потому, феномен свободы, как воплощение абсолютного идеала, в так называемом возвышенном, «чистом» его состоянии, уже мог бы противоречить общественному порядку и справедли-

ности, выступая дестабилизирующим фактором общественных отношений. Стремясь к преодолению хаотичности во взаимоотношениях индивидов, стали строго регламентироваться рамки этих взаимоотношений. Такими социально-политическими институтами выступают традиции, обычное право, кровная месть, ритуалы, национальный этикет и т.д.

Несомненно, свобода человека должна быть ограничена интересами общества в целом. И самый, что ни на есть, справедливый порядок, должен содержать определенные предписания с угрозами применения силы. Поэтому, несмотря на чрезмерную идеализацию феномена свободы, ее реальное воплощение в чеченском обществе было достаточно сдержанным.

Здесь каждый располагал достаточной свободой, которая позволяла ему, если не властвовать над другими, то, во всяком случае, не повиноваться. При этом механизм регулирования был настолько успешным, что вполне закономерен вопрос: «А была ли вообще свобода у чеченцев?» Ведь не зря чеченец, в ситуации предъявляющей к нему эталон особой выдержки, ответственности и т.д., с достоинством скажет: «Нелегко быть чеченцем» («ма атта дац нохчо хила»).

Хорошо осознавая, что свобода без внутреннего самоограничения — это распушенность, вседозволенность, гибельная не только для индивида, но и всего общества, чеченцы, строго регламентируя общественные отношения, оберегали себя от самоуничтожения.

Поэтому стремления лже-идеологов и доморощенных политиков, всплывших на политической арене Чечни в 90-е гг., придать свободе характер абсолютного приоритета перед другими ценностями, преподнося ее как вседозволенность, и, при этом, делая ссылки на прошлое чеченцев, не имеют под собой никакой реальной почвы. Но, несомненно и другое — настаивая на свободе, эти люди, прежде всего, стремились лишить свободы других.

Следует также уточнить, что стереотип понятий о свободе в духовном опыте чеченцев складывался на уровне родовых отношений и историческая память народа не может содержать рефлексий по поводу государственной независимости.

Сущность любого идеала — быть вектором деятельности, определять устремленность общества к чему-либо. Если свобода обрела статус нравственного идеала, то реально можно ставить вопрос лишь о стремлении к ней. Но обществом движет не один единственный идеал. Любая культура способна возделывать множество идеалов, которые сосуществуют друг с другом — в этом суть культуры и ее богатство.

Эти идеалы неизбежно сосуществуют друг с другом, и от их гармонии зависят как позитивные, так и негативные тенденции общественного прогресса. При этом, их сосуществование не всегда может быть гармоничным, поскольку этнос в процессе адаптации отдает предпочтение тем или иным ценностям и идеалам. И здесь возникает проблема выбора приоритетов. Так, например, в традиционном обществе чеченцев приоритетным было все то, что обеспечивало общественный порядок, когда социальные отношения выстраивались как строго регламентированный набор образцов поведения, передаваемых с помощью традиции.

Проблема выбора приоритета наиболее остро встала перед чеченским народом в тяжелый для него период Кавказской войны. Как известно, во второй половине XIX в. на политической арене Чечни столкнулись две политические силы, носители двух прямо противоположных идеологий в рамках одной мусульманской религии.

С одной стороны — ставшая идейным знаменем наибского мюридизма идеология нравственно-религиозной свободы, как идеология газавата и теократического государства, во главе которого встал имам Шамиль. С другой стороны — мистико-философские учения шейха Кунта-Хаджи. Они не содержали в себе политические аспекты, которые присутствовали в газаватском мюридизме.

Еще в период активных военных действий, осуждая войну, как способ решения конфликта, шейх призывает к ее прекращению, считая бессмысленным дальнейшее тотальное сопротивление царским властям. Выход ему виделся только в смирении, взаимной поддержке, братском отношении друг к другу. Его речи,

пропитанные глубокой скорбью за будущее своего народа, исходили из совершенно иных мотивов, чем воинственные призывы Шамиля. В этот ответственный для выживания этноса период, его идеология сыграла огромное стабилизирующее значение. «Учение «зикр» ... служит лучшим средством народного соединения, ожидающего только благоприятного времени для фанатического пробуждения отдохнувших сил», — писал один из чиновников в своем донесении царю для обоснования ареста проповедника шейха Кунта-Хаджи¹⁵⁵.

Таким образом, в этот исторический и ответственный для судьбы народа период чеченский этнос продемонстрировал свой, исторически обусловленный, выбор приоритетов, суть которых — единение, солидарность и консолидация в мусульманской религии.

Итак, свобода — феномен духовной культуры народа, устремленность этноса к чему-то совершенному, и до тех пор, пока будет сохраняться эта идеальная сущность свободы, она не теряет свою притягательную силу. Но, попытки воплотить идеал в действительность, как правило, обречены на неудачу, так как естественные границы регламентированных общественных отношений нарушают совершенство идеала. К тому же, свобода, являясь воплощением высших духовных устремлений человека, остается идеалом лишь постольку, поскольку остается на уровне не реализованной высшей ценности.

Но, несмотря на иные, несколько противоречащие идеалу свободы, духовные приоритеты, вряд ли кто будет оспаривать, что среди всех идеалов, на которые ориентировано мышление и чувства чеченца, свобода относится к наиболее возвышенному и совершенному. Именно в качестве таковой продолжает воспринимать его народ и сегодня. Возможно поэтому, оставаясь доминантой духовной культуры чеченцев, идеал свободы ищет и наиболее крайние формы проявления, вплоть до «добровольной бесстрашной смерти», что, к сожалению, переходит в самоуничтожение этноса, а также экстремизму, сепаратизму, и даже терроризму.

Историческая память чеченцев хранит достаточно фактов, как чрезмерная возвышенность в восприятии идеала свободы не

находила (да и не могла найти) адекватного отражения в реальной действительности. Но всякий раз утопические стремления, изначально обреченные на неудачу, становились причиной психологической и эмоциональной катастрофы, и, в конечном счете, обобщались глубокими разочарованиями и ложным чувством собственной неполноценности. То есть чеченцы в своей устремленности к свободе, неоднократно попадали в добровольный плен собственного эмоционально-чувственного воображения.

Однако потенциал идеала свободы в духовной культуре чеченцев еще не исчерпан. И свидетельством тому стали события недавнего прошлого чеченцев. Поэтому, наряду с повышением общего уровня образования молодежи, воспитания в них истинной любви к своему народу, умения взвешенного обращения к его исторической памяти, необходимо решение задач социально-политического и экономического характера.

В первую очередь — извлечь урок из собственных ошибок. А урок первый и основной: потенциальные силы родовой сущности этноса имеют способность к реанимации, прежде всего, в условиях ослабления в обществе властных отношений (в традиционном обществе эту роль выполняло нравственно-правовое регулирование), политической и социальной нестабильности, потери обществом перспектив дальнейшего развития.

Но с другой стороны, не менее негативные последствия сопряжены с полным игнорированием идеала свободы, поскольку, как родовое явление, как традиционный феномен, присутствует в духовной культуре чеченцев, сохраняя способность охватить индивидов и общество в едином порыве. Эта потенциальная сила может быть использована для решения созидательных задач, для достижения иной, рационально взвешенной цели. Свобода «от кого-то» должна стать свободой «для чего-то».

Известный футуролог Френсис Фукуяма, в качестве ведущей в современном мире и в перспективе на будущее, выдвигает «западную идею» либеральной демократии. Так, противореча марксизму, он утверждает, что не материальный способ производства определит развитие мира, а, наоборот, «...мир идеологии, мир ду-

ховный станет основой дальнейшего развития «экономики производства». Среди них ключевым остается и далее тот, который предстает в новом образе, требуя расширения рамок акцентов¹⁵⁶.

Действительно, анализ феномена свободы в различных обществах в современном мире показывает наметившиеся тенденции зависимости, как зависимость людей друг от друга, от конкретных форм личного подчинения, в сторону зависимости человека от абстрактных символов. Эта форма свободы дает определенную иллюзию независимости, но, на самом деле, более расширяет рамки зависимости до глобальных масштабов.

Если свобода от «кого-то», ставшая ментальной характеристикой чеченцев — это свобода-освобождение — выходящая и совершенно неприемлемая в современных условиях, то свобода, как осознанная необходимость, — это адаптация к новому миру.

К сожалению, традиционное понимание свободы в современном обществе пока еще рано характеризовать как адаптацию. Это трезвое, взвешенное осмысление действительности, как объективной реальности, диктующей свои, более значимые в отношении выживания принципы. Время от времени и периоды тяжелых политических потрясений эти представления трансформируются в новые образы, в первую очередь — образом свободы, формирующимся из глубины его генетической памяти.

Вместе с тем, она неизбежно подталкивала к выживанию, и народ вновь возрождался, поскольку истинная закономерность движения вперед неизбежна и для всего общества. Об этом, в частности, свидетельствует и тот период, о котором нами ранее Кавказской войны, когда и чеченцы и абхазы все же победили тенденции адаптации, выживания, а так же, конечно известные события 90-х гг. XX в., сумевшей избежать «водоворот» событий лишь определенную часть территории государства.

Современные условия нарастания угрозы самому существованию человека, как вида живых организмов, движут к поиску

и с предыдущими эпохами принцип отношения к окружающей действительности, будь то природа или человеческий мир. Отношение к идеалам, особенно к идеалу свободы, строится на принципиальных позициях. И эти требования носят всеобщий, универсальный характер.

Свобода, как осознанная необходимость, не может быть полной без такого сопутствующего ей элемента, как ответственность. Она понимается как юридическое и моральное осознание последствий своих действий, как осознание своего места в окружающем мире. Нет интересов, взятых в отрыв от мирового сообщества, нет действий вне зависимости от признания человечества.

Поэтому главной целью существования человека в этом глобализованном мире становится способность к разумному вживанию в этот сложный мир, но не его изменение. Это и есть основополагающая идея современности и перспективы будущего. Мирополитический мир, в котором мы пребываем, сошелся в единой ответственности за человечество, где нет только этнических и иных локальных интересов, есть необходимость противостоять вызовам будущего, адекватно на них ответить и, по мере возможности, прогнозировать последствия данного ответа.

Современный человек оказался в состоянии глобальной отчужденности, которая, в конечном итоге, приводит к глобальной деградации человека, прежде всего от технизированного мира. Потеря родового смысла свободы «от кого-то», с агрессией, изначальной вложенной в ней, уже бесповоротно утратила статус объективной цели.

Таким образом, чеченское общество должно подняться до уровня того, что в рамках постиндустриального — информационного общества свобода начинает выступать в качестве глобальной ответственности, с одной стороны, и в качестве тотальной ответственности — с другой. Поэтому, любые иные формы свободы утрачивают статус цели, а об утопических проектах ее реализации, с их чувственно-эмоциональной обусловленностью, так характерной определенной части чеченского общества, по мень-

шей мере, представляется не корректным. В социализированном и компьютеризированном мире единственной формой реализации свободы становится ответственность за своего народа, как неотъемлемой части человечества.

Как мы обратили на это внимание, феномен свободы — длительный путь смены форм реализации:

— свобода «от кого-то» в условиях родоопределенных отношений чеченцев;

— свобода, как осознанная необходимость, когда феномен свободы переходит в категорию общественного идеала, характерно периоду формирования чеченского этноса;

— свобода, как ответственность за мир и будущее всего всем мире, и это наша перспектива развития.

То есть свобода, выступая в качестве неотъемлемого качества, сопутствует человека на протяжении всей истории истории развития. Это дает основание приобщить свободу к ряду биологически-обусловленных проявлений природы (включая

Так, несмотря на то, что еще в начале века русский философ Павлов И.П., определил свободу «...результатом взаимодействия коего широко представленного в живой природе феномена, названного им «рефлексом свободы», тем не менее, эти феномены свободы не получили должного развития в науку¹⁵⁷.

Напомним, что К. Юнг в своей оценке свободы вывел из психической сущности свободы, включив ее в число архетипов, то есть врожденных коллективных идей. Если вернуться к логике рассуждений гениального физиолога И.П. Павлова в основе многих поведенческих мотивов человека лежит врожденный рефлекс, на генетическом уровне стимулирующий стремление к свободе¹⁵⁸.

Таким образом, с одной стороны, трансформация феномена свободы, начиная с агрессивной самозащиты «от кого-то» в раннем обществе, в «свободу для чего-то», а сегодня — и свободу ответственности, свидетельствует, что свобода — это естественный результат развития природного качества человека — рефлекса свободы. Подобно языку или мышлению, по мере развития

в общества, она наполнялась тем или иным содержанием, выходящим от ее неразвитых проявлений в животном мире. С другой стороны, свидетельством обусловленности феномена природными качествами человека, как живого организма является его исключительная жизнеспособность. Находя своеобразное проявление, соответствующее конкретно-историческим условиям общественного бытия, свобода, как врожденный рефлекс, продолжает сопутствовать человеку.

Но в любом случае, свобода — это всегда нечто внутреннее, ее проявление ее выступает только как следствие — и это один из главных признаков феномена свободы. И поскольку свобода — это внутреннее состояние человека, то открывается лишь в результате действий человека. Поэтому искать свободу как нечто внешнее, которую можно заранее обнаружить, или спроектировать, и, соответственно, определить заранее свое отношение к ней, заранее не представляется возможным — не предсказуемы ни ее проявление, ни ее проявление.

То есть свобода, как и любая сила, заложенная в человеке, обнаруживает себя только в непосредственном проявлении, и потенциальные возможности своего проявления она попросту не существует. Но, заложенная в человеке как родовая характеристика, и как инстинктивное бессознательное и, наконец, как рефлекс свободы, свойственный всему живому, она становится потенциальной способной дать человеку не только уверенность в себе, но в ряде случаев, вселяет в него чувство непокорности всему, что может противостоять его целеустремленной деятельности. И именно поэтому, что, благодаря этому природно-психологическому свойству, человек, используя разум, чувства и волю, способен реализовать свое родовое свободное начало.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, исследование ряда аспектов традиционной политической культуры чеченцев обнаруживает, что это не просто арифметическая сумма объединяющихся элементов, а новая форма организации людей, или, скажем так, новая организация.

Самоорганизация изначально присуща обществу, она исходит из природы человеческих отношений. Но в данном случае мы имеем пример внутренне организованной и упорядоченной общественной связи, основанной на традиционных формах и принципах функционирования социально-политической системы. Упорядоченная слаженность всех его элементов способствует для формирования самобытного этнического единства, что и являлось главным назначением и смыслом этой системы.

При этом нельзя забывать, что это внутреннее единство и взаимодействие основных элементов общества находится в процессе постоянного изменения. И в каждом конкретном случае и относительно к определенному этносу мы можем говорить о определенной степени монолитности и внутренней однородности общества. Поэтому традиционные представления, в том числе социально-политические, как и единение в целом, в значительной степени обусловлены.

Сегодня позитивные тенденции развития чеченского общества по пути демократизации, несомненно, будут определяться в значительной мере чеченностью его в общероссийский, и соответственно, в общечеловеческий интеграционный процесс. Тем не менее, вряд ли мы сможем игнорировать то обстоятельство, что в процессе своей многовековой истории чеченское общество выработало не только наиболее оптимальные модели регулирования общественных отношений в понимании прав и обязанностей человека в обществе, но и в решении проблем справедливости, свободы, равенства и т.д. Они неизбежно будут занимать значительное место в социально-политической жизни народа, определяя характер его политической культуры, и, соответственно, политическое поведение. Поэтому

... в условиях возрастания роли такого мощного регулятора общественной жизни, как рынок, традиции вряд ли смогут вернуться в своей изначальной позиции. Поэтому мы можем говорить об их новом современном прочтении, о разумной и продуманной их поддержке. При этом, не игнорируя тот факт, что процесс возрождения традиционных предпринимательств, в том числе и социально-политических, невозможно искусственно, поскольку, как и единение в целом, они являются процессом исторически обусловленным.

Без сомнения, Чеченская Республика в силу объективных, да и субъективных причин, оказалась в ситуации, когда на государственном уровне были подключены силы, разлагающие и нарушающие традиции и обычаи нашего народа, когда в поиске стратегии дальнейшего развития в Чечне пошла стратегия имитации восстановления традиционного общества. Шаткое, непродуманное обращение к социокультурным традициям народа, когда, сутобо в своих личных интересах, основной удар наносился на наиболее архаичных ее пластах, поставило под угрозу радикального демонтажа все то, что мы называем традициями чеченского народа. А механизмы сохранения традиции не только не смогли закрепиться в сознании народа, а даже, наоборот, вызвали мощное сопротивление, для преодоления которого теперь требуется время.

По этому поводу первый Президент Чеченской Республики Р. А. Ахматов говорил: «И с чего мы начали? С проведения народных съездов. Представитель каждого тейпа, оказавшись у власти, усиленно собирал вокруг себя одноплеменников. Людей на съезды подбирали не по деловым и моральным качествам, а по родовым признакам. Дальше — больше. Разбирались по виртам (родствам)... С таким подходом государство не построишь. С первых дней, как стал во главе республики, я сам столкнулся с этой печальной практикой. Но, хвала Аллаху, сумел отойти от нее».

Поэтому сегодня в условиях наметившихся тенденций смена парадигмы традиционного типа, каковым по многим своим ас-

пектам продолжает оставаться чеченское общество в процессе модернизации, неизбежно сопутствующих этим процессам чеченский этнос, в целях самосохранения, вновь обрывает традиционные модели национальной идентичности.

Ставя вопрос о стратегии дальнейшего развития чеченского общества, необходимо иметь в виду, что всесторонне выстраиваемые общественные отношения чеченцев в прошлом были, в первую очередь, обусловлены коллективистскими нормами и принципами поведения. Коллективизм выступал мощным и эффективным препятствием на пути проявления каких-либо форм разобщенности, обеспечивая низкий уровень конфликтности и агрессии. Однако коллективизмом были обусловлены также основополагающие принципы личных общественных отношений чеченцев, такие как вежливость, равенство, совестливость, честь, так необходимые современному человеку.

Для сравнения скажем, что в современных демократических обществах политическая культура, как правило, носит фрагментарный характер. Так, например, отсутствует согласие граждан относительно политического устройства, существуют расхождения в понимании форм и ресурсов власти, реальность власти и социальная разобщенность с ее отсутствием доверия между отдельными социальными группами по поводу прав и принципов политического поведения. Отсюда — и источник конфликтов.

Коллективизм же, являясь основой социально-политического устройства чеченцев и его духовной культуры, выступал действующим материалом, формировавшим этническое единство и обеспечивавшим общественную консолидацию.

Список используемой литературы:

1. А.А. Кадыров. Слово правдивое. Интервью, статьи, речи. М.: «Издательство «Книга»», 2006, с.24.
2. Бурше М. Государство без политики: традиция и современность // Зарубежная политическая наука: история и современность. Вып. III. — М.: 1990, с. 50, 53, 55.
3. Чарни И.А. О России. М.: Мысль, 1991, с. 67.
4. Матвеев Р.Ф. Теоретическая и практическая политология. М., РОССПЭН, 1993, с. 193.
5. Рамазан Кадыров. ГУП «Кн. изд-во», Грозный: 2008, с. 55.
6. Там же, с. 45.
7. Сартр Г.В. Лекции по истории философии. Соч., т.9.; М.: РОССПЭН, 1993, с. 11.
8. См.: Колеватов В.А. Социальная память и познание. М.: Мысль, 1984, с. 64—65.
9. См.: Иванов В.А. Политическая психология. М.: 1990; Чарни Ю.В. Психология и политика. М.: Издательство Университета Дружбы народов, 1993; Демидов А.И., Федосеев А.А. Основы политологии. «Высшая школа», 1995; М.: Матвеев Р.Ф. Теоретическая и практическая политология. М., РОССПЭН, 1993; Несмеянов Е.Е. Стиль политико-теоретического мышления. Ростов-на-Дону, Издательство Ростовского пед. института, 1993; Шацкий Е. Утопия и традиция. М.: «Прогресс», 1990.
10. Шацкий Е. Утопия и традиция. М.: «Прогресс», 1990, с. 219, 221.
11. См.: Абдулатипов Р.Г. Россия на пороге XXI века: состояние и перспективы федеративного устройства. М.: 1996; Он же: Парадоксы суверенитета. М.: 1995; Он же: Российский федерализм: Опыт становления и стратегия перспектив. М.: 1998; Он же: Обустройство народов: российская модель. М.: 1999; Он же: Национальный вопрос и государственное устройство России. М.: 2000; Он же: Этнополитология. СПб., 2004; Он же: Федерализм. СПб., 2004; Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: 1983; Он же: Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М.: 1987; Тишков В.А. Этничность и власть в полиэтничных государствах. М., 1994; Он же: Очерки теории и по-

литики этничности в России. М.: 1997; Он же: Этническая политика. М.: 2000; Он же: Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М.: 2001; Он же: Чеченский этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: 2003; Хасбулатов Р.И. Большая стратегическая игра. Кавказ и российско-чеченская война. Т. 4. М.: 2003; Он же: Чеченский этносу (Историко-политический очерк о чеченцах и об их государственности). Кремль и российско-чеченская война. М.: 2001.

¹² См.: Абдулатипов Р.Г. Россия на пороге XXI века: состояние и перспективы федеративного устройства. М.: 1995; Он же: Парадоксы суверенитета. М., 1995; Он же: Регионализм и федерализм: Опыт становления и стратегия перспектив. М.: 1995; Он же: Обустройство народов: российская модель. М.: 1999; Он же: Национальный вопрос и государственное устройство России. М.: 2000; Он же: Этнополитология. СПб., 2004; Он же: Этнополитология. СПб., 2004; Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: 1983; Он же. Этносоциальные процессы: теории, истории, современность. М.: 1987; Тишков В.А. Этничность и власть в полиэтничных государствах. М.: 1994; Он же. Очерки теории этнополитики этничности в России. М.: 1997; Он же. Этническая политика. М., 2000; Он же. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М.: 2001; Он же. Чеченский этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: 2003; Хасбулатов Р.И. Большая стратегическая игра. Кавказ и российско-чеченская война. Т. 4. М.: 2003. Он же. Чеченский этносу (Историко-политический очерк о чеченцах и об их государственности). Кремль и российско-чеченская война. М.: 2001.

¹³ См.: Кадыров А.А. Борьба с международным терроризмом в Чечне глазами чеченского народа. // Безопасности Кавказа. 2003, №3; Ш. Арсалиев. Этнопедагогика чеченцев. М. Гелиос-АРВ, 2007; Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII начале XIX в. Грозный, 2002; Гапуров Ш.А. Из истории развития взаимоотношений народов Дагестана, Кабарды и Чечни в XVII—XIX вв. // Историко-культурные и экономические связи

Северного Кавказа.: прошлое, настоящее и будущее. М.: 2004; Сигарин И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. Ч. II, М.: Рус. жизнь, 1997; Акаев С. Динь и учение Кунта-Хаджи. Грозный: 1994; Дауев С. Чечня: коварные тайнства истории. М.: Русь, 1999; История народов Северного Кавказа с древнейших времен — до конца XVIII в. М.: Наука, 1988, с. 292.

¹⁵ Ахазуров М. И.. Становление и развитие Чеченской Республики: историко-политологический анализ. М.: 2006. (Фонды РГБ — эл. текст); Алдамова И.В. Этнополитизация конфликта в Чеченской Республике: причины, генезис и постконфликтное взаимодействие. М.: 2005. (Фонды РГБ — эл. текст); Арляпов И.С. Этнополитические процессы в Чечне 1917—2000 гг. М.: 2007 (Фонда РГБ - эл. текст); Левченко Н.Н.. Этнический конфликт как фактор ослабления российской государственности. М.: 2006; Ушаков С.В.. Социокультурный анализ этнополитического конфликта. (на примере конфликта в Чеченской Республике). Ставрополь: 2004. (Фонды РГБ — эл. ресурс), и др.

¹⁶ Панагин А.С. Политология. М.: 2000, с. 71.

¹⁷ Палахов В.Д. Традиции и общество. Опыт философско-социологического исследования. М, 1982, с. 21.

¹⁸ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988, с. 290.

¹⁹ Дауев С. Чечня: коварные тайнства истории. М.: Русь, 1999, с. 147.

²⁰ Берже А.П. Чечня и чеченцы. Грозный, 1991, с. 71.

²¹ История народов Северного Кавказа с древнейших времен — до конца XVIII в. М.: Наука, 1988, с. 290, 400.

²² Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. М.: Русская жизнь, 1997, с. 229.

²³ История народов Северного Кавказа с древнейших времен — до конца XVIII в. М.: Наука, 1988, с. 292.

²⁴ Там же: с. 293.

²⁵ См.: Там же: с. 400.

²⁵ Автандилян Р.А. Чеченский вопрос по-новому. Чеченский архив. Сборник материалов по истории чеченского народа. Вып.1. ГУП «Кн. изд-во», Грозный, 2008, с. 291.

²⁶ Дауев С. Указ. кн.: с. 59–60.

²⁷ Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев. Владикавказ: Нальчик, 2002. с. 79.

²⁸ Цит. по: Алхазуров Магомед Исаевич. Становление и развитие Чеченской Республики: (историко-политический анализ. РГБ – эл. ресурс) М.: 2006, с. 32.

²⁹ А.П.Ипполитов. Этнографические очерки Андийского округа. В кн.: Сборник сведений о кавказских горцах. М.: МНТПО «АДИР», 1992, с. 44.

³⁰ Там же: с.45.

³¹ Нунуев С.-Х. Моя газета. 2008, июнь, № 6, с. 19.

³² Мунаев И.Б., А.В. Преловская. Чеченская народная поэзия. XIX-XX вв. М.: Новый ключ, 2005. с.12.

³³ Дауев С. Указ. кн.: с. 59–60.

³⁴ Автандилян Р.А. Чеченский вопрос по-новому. Чеченский архив. Сборник материалов по истории чеченского народа. Вып.1. ГУП, «Кн. изд-во», Грозный, 2008, с. 290–291.

³⁵ Дауев С. Указ. кн.: с. 60–61.

³⁶ Там же: с. 64.

³⁷ Ш.Б. Ахмадов. Народно-освободительное движение в Чечне и на Северном Кавказе под руководством имама Мансурра в 1785–1791 гг. В кн.: Чеченцы: история и современность. М.: Мир дому твоему, 1996, с. 159–160.

³⁸ Нунуев С.-Х. Религия – составная часть национальной культуры. Особенности ислама в Чечне. В кн.: История и культура чеченского народа. М.: 2002, с.40–41.

³⁹ Ш.Б. Ахмадов. Народно-освободительное движение в Чечне и на Северном Кавказе под руководством имама Мансурра в 1785–1791 гг. В кн.: Чеченцы: история и современность. М.: Мир дому твоему, 1996, с. 153,172.

⁴⁰ Там же: с.153.

⁴¹ Цит. по: Нунуев С.-Х. Религия — составная часть национальной культуры. Особенности ислама в Чечне. В кн.: История и культура чеченского народа. М.: 2002, с. 44.

⁴² Дауев. Указ. кн.: с.126.

⁴³ То же: с.128

⁴⁴ Ахмадов Я.З. Имамат Шамиля — государство горцев Чечни и Дагестана. В кн.: Чеченцы: история и современность. М.: Мир дому твоему, 1996, с. 179.

⁴⁵ Антандиян Р.А. Чеченский вопрос по-новому. Чеченский архив. Сборник материалов по истории чеченского народа. Вып. I. ГУП «Кн. изд-во», Грозный, 2008, с. 293.

⁴⁶ Цит. по: Нунуев С.-Х. Религия — составная часть национальной культуры. Особенности ислама в Чечне. В кн.: История и культура чеченского народа. М.: 2002, с. 46.

⁴⁷ Акаев В.Х. Жизнь и учение Кунта-Хаджи. Грозный: 1994, с. 40.

⁴⁸ См. там же: с. 46—47. Цит. по: Нунуев С.-Х. Религия — составная часть национальной культуры. Особенности ислама в Чечне. В кн.: История и культура чеченского народа. М.: 2002, с. 44.

⁴⁹ Услар П.К. Этнография Кавказа. Чеченский язык. Тифлиси 1888, с. 2.

⁵⁰ Мальсагов З.К. Грамматика ингушского языка. Издание 2-е. Грозный: 1963, с. 155.

⁵¹ Чокаев К.З. Чеченский и ингушский языки. Кавказские языки. М.: 1965, с. 6—7.

⁵² А.И.Хасбулатов. «Установление Российской администрации в Чечне (вторая половина XIX—начало XX в.). М.: 2001, с. II, 150.

⁵³ История народов Северного Кавказа. (конец XVIII—1917 г.). М.: 1988. С. 385; Цит. по: Цаликов А. Избранное. Владикавказ: 2002. с. 118; Ахмадов Я.З., Хасмагомедов Э.Х.; История Чечни в XIX и XX вв. М.: 2005, с. 496.

⁵⁴ Ильин И.А. Учение о правосознании. Смоленск: 1995, с.

- ⁵⁵ Мальцев В.А. Основы политологии. М.: Наука, 1990, с. 48.
- ⁵⁶ Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.). Горская республика (1918–1920 гг.). Документы и материалы. Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Махачкала: 1994, с. 5.
- ⁵⁷ Документы внешней политики СССР. Ч.1. М.: 1937, с. 34–35.
- ⁵⁸ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: 1990, с. 30.
- ⁵⁹ Кончаловский А. Чужая экономика на нашей территории // Аргументы и факты. 2005, №10, с. 5.
- ⁶⁰ А.А. Кадыров. Слово правдивое. Интервью, статья. Грозный, 2006, с.38-39.
- ⁶¹ «Политическое устройство Чечни и в XVIII веке являлось крайней ... труде по истории Северного Кавказа».
- ⁶² Мягков С.М. Социальная экология. Этнокультурные основы устойчивого развития. М.: НИ и ПИ экологии города. 2001, с. 105–106.
- ⁶³ Хазанов А.М. Разложение первобытного строя и возникновение классового общества. В кн.: Первобытное общество. М.: 1975, с. 98.
- ⁶⁴ Цит. по: М.И. Алхазуров. Становление и развитие Чеченской Республики: историко-политологический анализ. М.: 2000. (Фонды РГБ – эл. ресурс).
- ⁶⁵ Мамакаев М. Чеченский тейп в период его разложения. Грозный, 1973, с. 7.
- ⁶⁶ М. Мамакаев. Чеченский тейп в период его разложения. Грозный, 1973. Цит. по: Я.З. Ахмадов. Чеченский тейп (род). В кн.: Чеченцы: история и современность. М.: Мир дому твоему, 1996, с. 188.
- ⁶⁷ Дауев С. Указ. кн.: с. 12.
- ⁶⁸ М. Мамакаев. Чеченский тейп в период его разложения. Грозный, 1973. Цит. по: Я.З. Ахмадов. Чеченский тейп (род). В кн.: Чеченцы: история и современность. М.: Мир дому твоему, 1996, с. 188.
- ⁶⁹ Там же: с. 189.

- ⁶⁰ Кисриев Э.Ф. Почему Дагестан оказался стабильным, а Чечня — нет? // Кавказский сборник. М., 2004, с. 259.
- ⁶¹ Мягков С.М. Указ. кн.: с. 36, 47.
- ⁶² Нунуев С.Х.. Чеченцы — один из древнейших народов. В сб.: История и культура чеченского народа. М.: изд-во «Реал-Групп», 2002, с. 20.
- ⁶³ Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. (вторая половина XIX-начало XX вв.) М.: Наука 1983, с. 26.
- ⁶⁴ Джамирзаев С.М. Древняя история чеченцев (нохчий). В древней истории нахских племен III—I тыс. до н.э.) М.: АЛЬ-ПРЕСС, 2002, с. 108.
- ⁶⁵ Гаджиев К.С. Размышления о полит. культуре современной России // МЭ и МО, 1996, № 2, с. 39.
- ⁶⁶ Ильин И. А. — «Учение о правосознании». — Смоленск: «Удница и мы», 1995, с. 351.
- ⁶⁷ Мальцев В.А. Основы политологии. М.: Наука, 1998, с. 231
- ⁶⁸ Дауев С. Указ. Кн.: с. 149.
- ⁶⁹ Межидов Д.Д., Алироев И.Ю. Чеченцы: обычаи, традиции, нравы. Грозный: 1992, с. 12.
- ⁷⁰ Берже А.П. Указ. кн.: с. 69.
- ⁷¹ Известия грузинских летописей и источников о Северном Кавказе и России. СМОМПК, 22, отд. 1, 1897, с. 49.
- ⁷² См.: Саидов И.М. Этнографические заметки. «Мехка-васал». Известия ЧИНИИ ИЯЛ, т. V, вып. 1, История, Грозный: 1964, с. 124.
- ⁷³ Чокаев К. З. О словообразовании в чеченском и ингушском языках. Сборник статей и материалов по вопросам нахско-ингушского языкознания. Грозный, 1964, с. 75.
- ⁷⁴ Цит. по: Саидов И.М. Этнографические заметки. «Мехка-васал». Известия ЧИНИИ ИЯЛ, т. V, вып. 1, История, Грозный, 1964, с. 124—126 — У. Лаудаев Чеченское племя. Сб. св. о кавказских горцах. Вып. VI. М.: АД ИР, 1992, с. 50; П. Головинский. Записки о чеченцах. Сб. сведений о Терской области.

Вып. 1, Владикавказ: 1878, с. 244; А. Авторханов. Космополитизм в вопросах истории Чечни. Грозный: 1930, с. 4.

⁸⁵ ЦГАДА фонд 1406, дело 294, л.4.

⁸⁶ См.: Известия грузинских летописей и источников из Северном Кавказе и России. СМОМПК, 22, отд.1, 1897, с. 50, 100

⁸⁷ Газета «Кавказ», №2, 11 января 1847.

⁸⁸ Саидов И.М. Этнографические заметки. «Мехка-кхел». Известия ЧИНИИ ИЯЛ, т. V, вып. 1, История, Грозный, 1964, с. 125.

⁸⁹ Иванов М.А. В горах между рр. Фортангой и Аргуней. Известия кавказского отдела русского географического общества. Т. XVII, № 1, 1904, С. 50. Цит по: Саидов И.М. Этнографические заметки. «Мехка-кхел». Известия ЧИНИИ ИЯЛ, т. V, вып. 1, История, Грозный: 1964, с. 125.

⁹⁰ Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX в. Грозный: 2002, с. 286.

⁹¹ Цит. по: Плеханов А. А. Обычное право как социокультурный фактор общественного развития. Дис. к.ф.н., Саранск 2006 (РГБ – эл. ресурс), с. 9.

⁹² Ахмадов Ш. Б. Указ. кн.: с. 286.

⁹³ А.М. Ладыженский. Адаты горцев Северного Кавказа // Ростов-на-Дону, изд-во СКНЦ ВШ. Южнороссийское общество. № 18, 2003, с. 14.

⁹⁴ Ахмадов Ш.Б. Указ. кн.: с. 287.

⁹⁵ Там же, с. 287.

⁹⁶ Юнг К.Г. Психология бессознательного. М.: 1994, с. 56.

⁹⁷ Джамирзаев С.М. Древняя история чеченцев (похмин) в древней истории нахских племен III–I тыс. до н.э. М.: АЛАН ТЕКС, 2002, с. 108.

⁹⁸ Там же: с. 108.

⁹⁹ «Рамзан Кадыров. ГУП «Кн. изд-во», Грозный: 2008, с. 54

¹⁰⁰ Цит. по: Плеханов А.А. Обычное право как социокультурный фактор общественного развития. Дис. к.ф.н., Саранск 2006 (РГБ – эл. ресурс), с. 87.

¹⁰¹ Ахмадов Мусса. Чеченская традиционная культура и этика. Грозный: 2006, с. 17.

¹⁰² Цит. по: Плеханов А. А. Обычное право как социокультурный фактор общественного развития. Дис. к.ф.н., Саранск, 2006 (РГБ — эл. ресурс), с. 9.

¹⁰³ Асмус В.Ф. Античная философия. М.: 1973, с. 390.

¹⁰⁴ Гусейнов А.А. Социальная природа нравственности. М.: Наука, 1974, с. 64–65.

¹⁰⁵ Семенов Ю. И.. Формы общественной воли в доклассовом обществе, табуитет, мораль и обычное право. // Этнографическое обозрение. 1997, № 3–4, с. 11.

¹⁰⁶ Хасбулатова З.И. Вайнахский этикет (традиционные формы поведения и формы общения у вайнахов в XIX–нач. XX в.) В кн.: Культура Чечни. История и современные проблемы. М.: Наука, 2002, с. 112.

¹⁰⁷ Там же, с. 113.

¹⁰⁸ Хасбулатова З.И. Воспитание детей у чеченцев: обычаи и традиции (XIX–XX вв.). М.: Московская типография №27, 2007, с. 415; Муса Ахмадов. Чеченская традиционная культура и этика. Грозный, 2006, 205с.; С.Х. Нунуев. Нахи и священная история. Ярославль, 1998, с. 556.; Мунаев И.Б., Преловский А.В. Чеченская народная поэзия. XIX–XX вв., с. 355; Джамирзаев С.М. Древняя история чеченцев (нохчий). М.: Альтекс, 2002, с. 206.

¹⁰⁹ Маретина С.А. Эволюция общественного строя у горных народов Восточной Индии. М.: Наука, 1980, с. 37.

¹¹⁰ Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества. М.: Высшая школа, 1990, с. 188–289.; Маретина С.А. Эволюция общественного строя у горных народов Восточной Индии. М.: Наука, 1980, с. 37.

¹¹¹ Дауев С., Указ. кн.: с. 16.

¹¹² Дауев С., Указ. кн.: с. 16.

¹¹³ Дауев С., Указ. кн.: с. 16–17.

¹¹⁴ Цит. по: Алхазуров М.И. Становление и развитие Чеченской Республики: историко-политологический анализ. М.: 2006 (Фонды РГБ — эл. ресурс).

¹¹⁵ Нунуев С.-Х. Чеченцы — один из древнейших народов. В кн.: История и культура чеченского народа. М.: изд-во «Реал-Груп», 2002, с. 20.

¹¹⁶ Там же, с.21.

¹¹⁷ Хасбулатова Э.И. Взаимосвязи русских и чеченцев (XVI–XVIII вв.) // Историко-культурные и экономические связи народов Кавказа: прошлое, настоящее, будущее. Махачкала: ИИА ДНЦ РАН, 2004, с. 122.

¹¹⁸ Рамазанов Х.Х. Эпоха Шамиля. Махачкала: Ислам, 2004, с. 127.

¹¹⁹ Абдулатипов Р.Г. Этнополитология. М.: Питер, 2004, с. 34.

¹²⁰ Гапуров Ш.А. Из истории развития взаимоотношений народов Дагестана, Кабарды и Чечни в XVII–XIX вв. // Историко-культурные и экономические связи народов Кавказа: прошлое, настоящее и будущее. М.: 2004, с. 116–117.

¹²¹ Гакаев Х.А., Алиева Э.В. Чеченцы в боях против немецко-фашистских захватчиков. В кн.: История и культура чеченского народа. М.: изд-во «Реал-Груп», 2002, с. 25, 103.

¹²² Нунуев С.-Х. Религия – составная часть национальной культуры. Особенности ислама в Чечне.. В кн.: История и культура чеченского народа. М.: изд-во «Реал-Груп», 2002, с. 31.

¹²³ Цит. по: Алиева Э.В. Великие россияне в судьбе нальчиков. В кн.: Культура Чечни. История и современные проблемы. М.: Наука, 2002, с. 60.

¹²⁴ Там же, с. 61.

¹²⁵ Там же, с. 60.

¹²⁶ Цит. по: Ахмадов Я.З., Осмаев А.Д. Русско-чеченское этнокультурное и хозяйственное взаимовлияние на Терек в XVI–XVIII вв. В кн.: Культура Чечни. История и современные проблемы. М.: Наука, 2002, с. 65.

¹²⁷ См.: Боров А.Х. Сев. Кавказ в российском цивилизационном процессе (Проблема социально-культурного синтеза). Нальчик: 2007, с. 25.

¹²⁸ См.: История народов Северного Кавказа с древнейших времен до XIII в. М.: Наука, 1988, с. 443–444.

¹²⁹ Боров А.Х. Сев. Кавказ в российском цивилизационном процессе (Проблема социально-культурного синтеза). Нальчик,

2007, с.29; Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М.: 2003, с. 334.

¹³⁰ Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М.: 2003, с. 334.

¹³¹ Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX в. Спб, 2000, с. 69.

¹³² Дауев С. Указ. кн.: с. 34

¹³³ Ошаев Х. Брест-орешек огненный. Грозный, «Книга», 1990, с. 5.

¹³⁴ Ахмадов Я.З, Осмаев А.Д. Русско-чеченское этнокультурное и хозяйственное взаимовлияние на Тереке в XVI–XVIII вв. В кн.: Культура Чечни. История и современные проблемы. М.: Наука, 2002, с. 68.

¹³⁵ Гакаев, Х.А., Алиева З.В. Чеченцы в боях против немецко-фашистских захватчиков. В кн.: История и культура чеченского народа. М.: изд-во «Реал-Груп», 2002, с. 25.

¹³⁶ Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. т. 2. Грозный: ЧИ кн.изд-во, 1972, с. 247–250

¹³⁷ Гакаев, Х.А., Алиева З.В. Чеченцы в боях против немецко-фашистских захватчиков. В кн.: История и культура чеченского народа. М.: изд-во «Реал-Груп», 2002, с. 26.

¹³⁸ Там же, с.27.

¹³⁹ См.: Золотые звезды Чечено-Ингушетии. Грозный: ЧИ кн. изд-во, 1995.

¹⁴⁰ Чахкиев Д.Г. Уничтожение людей и культурных ценностей горной Чечено-Ингушетии. В кн.: Репрессированные народы: история и современность. Элиста: 1992, с. 58.

¹⁴¹ Преловская И.В. Преступление войск НКВД при изгнании чеченцев и ингушей зимой 44-го // Голос Чечено-Ингушетии, 1992, 20 марта.

¹⁴² Преловская И.В. Преступление войск НКВД при изгнании чеченцев и ингушей зимой 44-го.// Голос Чечено-Ингушетии, 1992, 20 марта.

¹⁴³ А.А. Кадыров. Слово правдивое. Интервью, статьи, речи. Грозный: 2006, с. 42, 110, 111.

¹⁴⁴ Гусейнов А.А. Социальная природа нравственности. М.: Наука, 1974, с. 64–65.

¹⁴⁵ Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 1995, с. 176.

¹⁴⁶ Гаджиев К.С. Политическая философия. М.: Экономика, 1999, с. 303.

¹⁴⁷ Чеснов Я.В. Суфизм и этнический менталитет чеченцев. Расы и народы, вып. 11, с. 66.

¹⁴⁸ Мусса Ахмадов. Чеченская традиционная культура и этнос. Грозный: 2006, с. 20–21.

¹⁴⁹ Бердяев Н.А. Философия свободы: Смысл творчества. М.: Правда, 1989, с. 607; его же: О человеке, его свободе и духовности. М.: Московский психологический институт: Флинта, 1999, с. 312; Барулин В.С. Основы социально-философской антропологии. М.: ЦКЦ «Академ-книга», 2002, с. 455; его же: Соотношение материального и идеального в обществе. М.: Политиздат, 1977, с. 143; его же: Диалектика сфер общественной жизни. М.: Изд-во МГУ, 1982, с. 230; Ильенков Э.В. Свобода воли // Вопросы философии. 1990, №2, с. 69–75; Левин Г.Д. Свобода воли. Современный взгляд // Вопросы философии. 2000, № 6, с. 71–87; его же: Свобода и покинутость. Методологический анализ // Вопросы философии. 1997, № 1, с. 56–69; Лукацкий Д.К. онтологии общественного бытия. Прологомены. М.: Прогресс, 1991, с. 412; Мамардашвили М.К. Философия и личность // Человек. 1994, № 5, с. 10–12; Сартр Жан Поль. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000, с. 639; Сорокин Питирим. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992, с. 543; Фромм Э. Бегство от свободы; человек для себя, М.: ООО «Попурри», 2000, с. 672; Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991, с. 527.

¹⁵⁰ Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции. М.: Наука, 1989, с. 45.

¹⁵¹ См.: Камардина Г. Г. Свобода как родовая характеристика общественного бытия. Дис. канд. филос. наук. М.: РГБ,

2005, с. 21 (Электронный ресурс фондов Российской Государственной библиотеки).

¹⁵² Цит. по: Мусса Ахмадов. Чеченская традиционная культура и этика. Грозный, 2006, с. 20–21.

¹⁵³ Андриянова Елена Вячеславовна Эволюция форм свободы: социально-философский аспект анализа Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук Екатеринбург, 2006, с. 50.

¹⁵⁴ Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие. М: Республика. 1993. с. 232.

¹⁵⁵ Достоевский Ф. ПСС. в 30 томах. М. 1960. т. 20. с. 19.

¹⁵⁶ Акаев В.Х. Жизнь и учение Кунта-Хаджи. Грозный: Изд-во ЧР, 1994, с. 43.

¹⁵⁷ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии, 1990, № 3, с. 11–37.

¹⁵⁸ Павлов И.П. Полн. собр. соч., т. 3, кн. 1, с. 343.

¹⁵⁹ Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991, с. 304, 152.

СОДЕРЖАНИЕ:

Рецензия	3
Лидер, мыслитель, патриот	5
Предисловие	9
Раздел I. Традиция единения и этнической консолидации как фактор общественно-исторического развития чеченцев	19
Раздел II. Традиционная социально-политическая организация чеченцев	48
Раздел III. Традиция власти и подчинения в чеченском обществе.....	70
Раздел IV. Традиция межэтнических отношений как фактор политической культуры чеченцев	100
Раздел V. Феномен свободы в чеченской традиции	123
Заключение	142
Список используемой литературы	145

